

63.3(0)6
139

423

А. М. Ледовский

**СССР,
США
И НАРОДНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В
КИТАЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

А. М. ЛЕДОВСКИЙ

СССР, США и народная революция в КИТАЕ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Ответственный редактор

Н. Т. ФЕДОРЕНКО

А. М. Ледовский

Л 39 СССР, США и народная революция в Китае.
М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

215 с.

В книге на фоне сложных событий, развернувшихся в Китае на завершающем этапе войны против Японии и в первые послевоенные годы, анализируются два диаметрально противоположных внешнеполитических курса в отношении Китая — Советского Союза и США. Показано эффективное противодействие советской дипломатии американским планам проникновения в Маньчжурию, расчленения Китая, попыткам развязывания прямой военной интервенции в целях разгрома демократических сил, возглавляемых КПК, и превращения Китая в полуколонию США.

Исследуются основные внешнеполитические акции Советского правительства в период 1945—1950 гг., оказавшие содействие победе китайской революции и образованию КНР.

Л $\frac{11101-183}{013(02)-79}$ БЗ-23-15-79. 0802000000

327

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

1 октября 1979 г. китайский народ и все прогрессивное человечество отмечали выдающееся историческое событие в жизни Китая — 30-летие победы народной революции и образования Китайской Народной Республики.

На пути к избавлению от иностранного порабощения и буржуазно-помещичьей диктатуры гоминьдана китайскому народу пришлось преодолеть огромные трудности и принести неисчислимые жертвы. Особенно был тяжелым период японского нашествия, длившийся почти 14 лет. Однако поражение Японии во второй мировой войне не принесло мира, свободы и благополучия на многострадальную землю Китая. Вслед за окончанием войны против японских оккупантов в стране развернулась кровопролитная гражданская война, развязанная гоминьдановской реакцией при всесторонней поддержке Соединенных Штатов Америки.

Американский империализм рассчитывал воспользоваться поражением Японии, устранением и ослаблением других империалистических хищников, господствовавших ранее в Китае, чтобы превратить эту страну в полуколонию США.

Этим целям была фактически подчинена политика США в отношении Китая на всем протяжении его борьбы с японскими оккупантами. Китай привлекал к себе взоры американских монополий как источник крупных материальных и человеческих ресурсов. На биржах Нью-Йорка о Китае говорили не иначе, как о «четырестах миллионах покупателей» американских товаров.

США издавна рассматривали Китай и как важнейший военно-стратегический плацдарм, обладание которым в Вашингтоне связывалось с осуществлением планов мирового господства США.

Особенно неприглядно вели себя Соединенные Штаты Америки по отношению к Китаю в период после захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. и в начале агрес-

сивной войны против Китая. Они выступили в качестве инициатора пресловутой «политики невмешательства», а фактически были пособниками японских агрессоров, которых они рассматривали, с одной стороны, как жандарма, необходимого им для борьбы против национально-освободительного движения в Китае и в других странах этого региона, а с другой стороны — как важнейшую силу, нацеленную против дальневосточных рубежей Советского Союза. По признанию бывшего главного военного советника Чан Кайши, командующего американскими военными силами в Китае генерала Дж. Стилуэлла, в своем отношении к японской агрессии в Китае США и другие западные державы руководствовались прежде всего стремлением создать руками японцев «прочный вал против России»¹.

С конца 30-х годов, а в особенности после нападения Японии на Китай в 1937 г., трезво мыслящие общественно-политические деятели США и прогрессивная мировая общественность все резче высказывали недовольство политикой правящих кругов США на Дальнем Востоке, которые ограничивались словесным осуждением японской агрессии и в то же время активизировали разностороннюю помощь агрессору. Даже американская консервативная печать не могла не отметить это обстоятельство. Газета «Нью-Йорк Таймс» писала 5 июня 1939 г.: «Для Японии было бы невозможно начать эту войну (против Китая. — А. Л.), для нее было бы невозможно и продолжать ее до сегодняшнего дня, если бы не поставки важнейших военных материалов, которые она не в состоянии импортировать из других стран. Мы сами снабдили Японию большей частью этих материалов».

Подобные настроения нашли отражение и в дебатах, которые имели место в американском конгрессе, в частности в августе 1939 г., когда американские законодатели обсуждали политику США в связи с начавшейся второй мировой войной. Так, сенатор Швеленбах, выступая в конгрессе, так охарактеризовал политику США: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они по крайней мере посылают своих людей, которые рискуют быть

убитыми. Мы же не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, — это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыли»².

Далее Швеленбах привел данные о поставках Японии различных материалов, которые свидетельствовали о том, что США фактически были не столько пособниками японской агрессии в Китае, сколько ее участниками. Только в 1938 г. американские поставки оружия, боеприпасов, стратегического сырья и других материалов для военных целей Японии составили 171,5 млн. долл. Из общего объема импорта Японией вооружения и военнo-стратегических материалов на долю США приходилось в 1937 г. 54,54%, а в 1938 г. — 56%³.

Приводя эти данные, Швеленбах заявил в конгрессе: «Какая разница с точки зрения международной морали между посылкой солдат, чтобы они стреляли, и поставками материалов, из которых отливаются пули для их винтовок?.. Мы заявляли на весь мир, что мы настаиваем на уважении к договорам. Мы заявляем всем другим странам мира, что „наши руки чисты и что мы более святы, чем кто-либо другой“. В действительности же наши действия по отношению к Японии показывают, что мы являемся... „гнусными нарушителями международных договоров“»⁴.

Вместе с другими западными державами США блокировали и срывали все инициативы СССР в Лиге наций, направленные на принятие действенных мер для обуздания японских милитаристов. В ответ на отчаянные призывы Чан Кайши, который умолял Вашингтон помочь задержать продвижение японских войск в направлении Куньмина, заявляя, что это продвижение может повести к полному разгрому Китая, руководители Объединенного комитета начальников штабов США, генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк, в записке на имя президента Рузвельта от 5 ноября 1941 г. рекомендовали воздержаться от военной поддержки Китая. Позиция США определялась тем, что в 1940—1941 гг. интенсивно велись секретные американо-японские переговоры о разделе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии на сферы влияния. Группировка в правящем лагере японского империализма, связанная с командованием сухопутных сил Японии и очень влиятельным тог-

да концерном «Мицуи», настаивала на сговоре с США и немедленном нападении на Советский Союз. Этот план предусматривал превращение Китая в разменную монету. Что же касается США, то, как признавал в 1947 г. бывший военный министр США Г. Стимсон, если бы японцы удовлетворились захватом Маньчжурии и не претендовали на другие территории, США вполне сумели бы с ними поладить и «жить в мире», а ранее сделанные Вашингтоном заявления о непризнании Маньчжоу-го со временем могли бы превратиться в «мертвую букву»⁵.

Однако провал гитлеровского «блицкрига» против СССР, в частности планов захвата Москвы, с одной стороны, и неуступчивость США, не желавших согласиться на захват Японией Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии, — с другой, привели к победе в Токио той группировки японского империализма, которая делала ставку на захват американских и английских владений на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, на превращение всего Китая в монопольную сферу господства Японии.

7 декабря 1941 г. японцы напали на Пёрл-Харбор. Началась война на Тихом океане.

Став военным союзником Китая в вооруженной борьбе против Японии, США вынуждены были оказывать ему некоторую помощь. Однако это не изменило империалистического характера и главных стратегических целей политики США в отношении Китая. Согласившись на предоставление финансовой помощи и на поставки различных материалов по ленд-лизу, Вашингтон руководствовался вовсе не желанием скорейшего освобождения китайского народа, а стремлением, во-первых, использовать материальные и человеческие ресурсы Китая, чтобы как можно меньшей для себя ценой выиграть войну, и, во-вторых, всемерно укрепить позиции США в Китае, который рассматривался американским империализмом как «экономическая и стратегическая граница США» на Дальнем Востоке.

Особенно откровенно экспансионистский характер политика США в Китае приняла после капитуляции Японии. Под предлогом оказания помощи в разоружении японцев США ввели в Китай свои войска, а в китайские воды — военно-морской флот; на американских

самолетах и кораблях спешно перебрасывались в Северный Китай, а затем в Маньчжурию гоминьдановские войска, из которых 40 дивизий были подготовлены и вооружены непосредственно американцами. Цель этих операций состояла в том, чтобы помочь Чан Кайши подавить демократическое движение и уничтожить Народно-революционную армию. Гоминьдановскому правительству предоставлялись крупные займы, были переданы сотни самолетов, большое число танков, 270 военных кораблей и значительное количество другого вооружения.

Общая сумма стоимости вооружения, снаряжения и военных материалов, переданных гоминьдановскому правительству в первые послевоенные годы, а также займов и разного рода «услуг» составила, по явно заниженным официальным данным, 4 млрд. долл., что намного превышает всю американскую помощь Китаю за время войны с Японией.

США направили в Китай тысячи своих военных, экономических и политических советников, создали на его территории широкую сеть авиационных и военноморских баз, заключили с гоминьдановским правительством серию договоров и соглашений, которые демократическая общественность Китая справедливо рассматривала как кабальные.

Прямо противоположную политику в отношении Китая проводил Советский Союз. С первых же дней своего существования СССР проявлял к китайскому народу чувства дружбы и горячей симпатии. СССР явился первым государством, положившим в основу своих политических и экономических отношений с Китаем принцип полного равноправия и уважения суверенитета. С момента победы Великой Октябрьской социалистической революции и рождения Советского государства идеи Октября и существование СССР оказывали огромное влияние на развитие антиимпериалистического и революционного движения в Китае. Политика СССР по отношению к Китаю была достойно оценена великим вождем китайского народа Сунь Ятсеном, который глубоко понимал жизненную необходимость советско-китайской дружбы и всегда призывал китайский народ к ее всестороннему развитию и укреплению. В своем предсмертном обращении ко ВЦИКу СССР Сунь Ятсен писал:

«Я твердо верю в неизменность поддержки, которую вы до сих пор оказывали моей стране». Советский Союз полностью оправдал эти чаяния китайского народа, выраженные в предсмертных словах Сунь Ятсена. В годы самых тяжелых для Китая испытаний, когда японские милитаристы развязали агрессию против Китая, Советский Союз, единственный среди всех держав, протянул китайскому народу братскую руку помощи. СССР занял твердую и решительную позицию в Лиге наций, призвав все миролюбивые народы к совместным действиям в целях обуздания японских агрессоров. Однако западные державы сделали все, чтобы помешать принятию и осуществлению предложений Советского правительства.

Оказавшись фактически в одиночестве, СССР тем не менее не отступал от своего принципиального курса на поддержку Китая. Советский Союз предоставил Китаю ряд займов, поставлял ему оружие, боеприпасы, самолеты, танки, артиллерию, транспортные средства и другие материалы. Когда Китай оказался блокированным с моря, а сухопутные коммуникации со стороны южных и юго-западных границ Китая были закрыты англичанами, Советский Союз открыл жизненно важную для Китая автодорожную трассу через Алма-Ату и Северо-Западный Китай на Чунцин, обеспечив эту трассу автомашинами, специалистами и всем необходимым. По этой трассе Китай имел возможность получать оружие, горючее и другие стратегические материалы⁶.

Советский Союз послал в Китай большую группу летчиков-добровольцев, которые принимали участие в отражении налетов японской авиации и наносили по японским агрессорам мощные удары. Кроме летчиков в Китай прибыло большое число советских специалистов всех других родов войск, которые передавали свои знания и боевой опыт китайцам, чтобы помочь им в организации вооруженных сил, способных дать отпор агрессору.

Однако гоминьдановское командование не использовало в полной мере опыт советских военных специалистов, а впоследствии стало на путь изоляции их от своих вооруженных сил. Особенно резко изменилось отношение чунцинского руководства к советским военным специалистам после разгрома немцев под Сталингра-

дом. Чан Кайши стало ясно, что Советский Союз побеждает, надо готовиться к окончанию войны в Европе и перенесению центра тяжести военных операций на Тихоокеанский и Китайский фронты. Правящие круги Чунцина исходили из неизбежности гражданской войны в Китае после окончания войны с Японией. Готовясь к противоборству с КПК, Чан Кайши пошел по пути сближения с Вашингтоном, в том числе и в военном отношении. Вместо советских военных специалистов были приглашены военные советники из США.

Иную политику в отношении Китая, как уже упоминалось, проводило Советское правительство. Несмотря на всю сложность военно-политической обстановки на фронтах Великой Отечественной войны, на недружелюбную позицию правительства Чан Кайши и неоднократные демарши и угрозы японцев, правительство СССР не отступило от своей твердой и последовательной позиции помощи китайскому народу в его борьбе с японским агрессором.

После разгрома гитлеровской Германии СССР вступил в войну на Дальнем Востоке, разбил Квантунскую армию японских милитаристов, освободил Маньчжурию, заставил Японию капитулировать. Освободительная миссия Советской Армии на Дальнем Востоке сыграла выдающуюся роль в судьбах национально-освободительного и демократического движения в странах Азии, в том числе в Китае. Советский Союз содействовал росту и укреплению китайских революционно-демократических сил, созданию Маньчжурской революционной базы. Его последовательная политика заставила американцев и чанкайшистов разоружить и удалить из Китая японцев, ускорила вывод американских войск и сорвала планы прямой военной интервенции США в Китае.

На фоне этих событий неблагоприятно выглядят разного рода политические спекуляции, распространяемые западной и пекинской пропагандой вокруг вопросов советско-китайских и американско-китайских отношений в конце войны на Дальнем Востоке и в первые послевоенные годы. Наиболее заметно волна этих спекуляций поднялась с конца 60-х и начала 70-х годов в связи с провозглашением правительством США «новой политики» в отношении Китая. Эта политика рассчитана преж-

де всего на то, чтобы закрепить произведенный Мао Цзэдуном и его единомышленниками отрыв КНР от СССР и стран социалистического содружества, использовать изоляцию Китая в своих империалистических целях. Тем самым США хотят взять реванш за провал политики экспансии в Китае во второй половине 40-х годов.

В русле «новой политики» делаются попытки пересмотреть ранее утвердившиеся в американских официальных кругах и буржуазной историографии оценки событий в Китае, а также американской политики в этой стране, особенно в годы второй мировой войны и после нее.

В связи с этим в США вновь обратились к документам и материалам, причем особое внимание привлекли письма, дневники, мемуары, донесения и другие материалы ряда американских политических и военных деятелей, дипломатов и журналистов. Были извлечены на свет материалы состоявшихся в годы маккартизма «слушаний» в комиссиях конгресса США дел американских дипломатов, журналистов и ученых, в свое время обличавших пороки чанкайшистского режима и выражавших сомнение в безупречности американского курса на безоговорочную его поддержку. Ныне авторы многочисленных публикаций сожалеют по поводу того, что в Вашингтоне не прислушались тогда к советам этих деятелей, задним числом резко критикуют режим Чан Кайши. Они высказывают сожаление, что США в тот период не порвали с ним и не пошли на соглашение с Мао Цзэдуном и Чжоу Энляем, когда те готовы были идти навстречу Вашингтону.

Критикуя деятелей американской администрации периода конца 40-х годов, инициаторы и апологеты «новой политики» пытаются свести дело к тактическим просчетам американской дипломатии и отдельных ее деятелей и отвести внимание американской и мировой общественности от главного факта, заключающегося в том, что политика США в отношении Китая была империалистической (каковой она продолжает оставаться и по сей день) и не могла быть иной в силу самого характера американского государства; эта политика была решительно отвергнута китайским народом, который сумел, опираясь на поддержку СССР, расстроить полити-

ческие маневры США в Китае и помешать их сговору с Мао Цзэдуном и его группировкой.

Скорбя об «утраченных шансах», апологеты «новой политики» забывают о том, что в те годы события развивались в условиях величайших побед Советского Союза над гитлеровской Германией и империалистической Японией, осуществления Советской Армией освободительной миссии в Европе и на Дальнем Востоке. Они также не учитывают реальной действительности, которая заключалась в том, что американский империализм был настолько тесно связан с чанкайшистским режимом, что правительство США не могло порвать с ним, как оно не решилось впоследствии это сделать в отношении реакционных режимов в других странах Азии (режим Тхиеу в Южном Вьетнаме, Лон Нола в Камбодже и др.).

Попытки правящих кругов США обосновать свою «новую политику» в отношении Китая ссылками на «традиционную дружбу» и другие «моральные» факторы опровергаются высказываниями самих же апологетов этой политики, архивными документами, современными публикациями в США и других странах. В частности, в книге американского журналиста Е. Кана, посвященной упомянутому выше «опальным» дипломатам, указывается, что в конце 1960 г., т. е. до развертывания в Китае широкой кампании антисоветизма, для американских деятелей выступление за какую-либо иную политику в отношении Китая, нежели «политика твердой и негибкой поддержки Чан Кайши», означало бы «не что иное, как политическое самоубийство»⁷.

Правящие круги США и американская пропаганда, пытаясь замести следы своей враждебной политики в отношении КНР, которую они проводили с первого же дня ее образования, распространяют ныне версию о том, будто в 1949—1950 гг. США собирались установить и наладить свои отношения с КНР, но этому, мол, помешала война в Корее. При этом они ссылаются, в частности, на материалы Сенатской комиссии по иностранным делам, по заданию которой было проведено специальное «исследование» и опубликован в январе 1973 г. документ «Соединенные Штаты и Коммунистический Китай в 1949 и 1950 гг.: вопрос о налаживании отношений и признании».

В поддержку этой версии делаются ссылки, в частности, на то, что в освобожденных от гоминьдановцев районах Китая США продолжали сохранять свои дипломатические и консульские учреждения, и подчеркивается, что США вынуждены были закрывать их и отзывать своих представителей из Китая ввиду «плохого отношения» к ним со стороны новых властей.

Действительно, война в Корее вызвала еще более резкое обострение в отношениях между США и КНР. Но эта война была развязана империалистическими кругами США и направлялась не только против корейского, но и против китайского народа. Эта военная авантюра служила как раз свидетельством того, что правящие круги США не только не стремились к налаживанию отношений с КНР, но, напротив, придерживались непримиримо враждебного курса. Что касается американских дипломатических представительств, то США действительно пытались сохранить их на китайской территории без признания КНР. Это лишний раз показывает, что американцы до конца пытались обращаться с КНР не как с суверенным государством, а как с зависимой страной, к чему они привыкли в течение всего предшествующего периода американо-китайских отношений.

В упомянутом документе Сенатской комиссии США указывается: «Перед войной в Корее администрация Трумэна действительно сознательно воздерживалась от признания (КНР) и пыталась изолировать коммунистический режим, но лишь по тактическим соображениям, чтобы заставить китайцев выполнить определенные международные обязательства»⁸.

Под этими «международными обязательствами» имелись в виду «права» на фактически колониальное господство в Китае, предоставленные США чанкайшистами, которые они собирались теперь навязать Китайской Народной Республике. На пути достижения этой цели серьезной помехой служил Советский Союз. Поэтому, согласно откровенным признаниям, содержащимся во вступительной статье к упомянутому документу, написанной председателем Сенатской комиссии Дж. Фулбрайтом, американская дипломатия поставила перед собой в качестве одной из главных задач «вызвать раскол между китайцами и Советами»⁹.

Дж. Фулбрайт указывает далее, что «в остальной части Азии администрация стремилась к тому, чтобы остановить распространение коммунизма... путем установления „санитарного кордона“ вокруг Китая»¹⁰.

С попытками американских историков исказить подлинную картину событий второй половины 40-х годов перекликается пропаганда маоистов и нынешних китайских лидеров, которые пытаются отрицать решающую роль Советского Союза в разгроме сил фашизма, реакции и колониализма во второй мировой войне. Более того, грубо фальсифицируя историю китайской революции, в особенности период 1945—1949 гг., а также последующие годы с момента образования КНР, они стремятся принизить роль Советского Союза, пытаются доказать, что китайскому народу удалось освободиться от японских захватчиков, от реакционной диктатуры гоминьдана, изгнать американцев из Китая и противостоять агрессивному натиску США якобы без помощи Советского Союза.

В связи с этим особую важность приобретает исследование всех проблем советско-китайских отношений и политики Советского Союза на Дальнем Востоке советскими историками и прогрессивными учеными за рубежом.

Вопросы внешней политики СССР, касающиеся Китая, нашли освещение в ряде работ советских ученых, в частности в исследованиях: «Ленинская политика в отношении Китая», «Советский Союз и Маньчжурская революционная база» О. Б. Борисова, «Советско-китайские отношения» М. С. Капицы, «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке» А. М. Дубинского, «Китайский фронт во второй мировой войне» Б. Г. Сагожникова, «Международные отношения на Дальнем Востоке», «Особый район Китая» П. П. Владимирова и др. В них убедительно показаны различные формы огромной и всесторонней помощи Советского Союза китайскому народу. Вместе с тем, поскольку эти работы, как правило, охватывают очень широкий круг важнейших внешнеполитических проблем, естественно, не все их аспекты могли получить подробное освещение.

Главной целью данной работы является рассмотрение дипломатической деятельности Советского государства, связанной с событиями, происходившими в Китае

во второй половине 40-х — начале 50-х годов, деятельности, которая во многом содействовала победе китайской революции и закреплению ее завоеваний.

При исследовании поставленных в данной работе проблем автор использовал широкий круг официальных американских источников, в особенности многотомные сборники документов из рассекреченных архивов госдепартамента и конгресса США по вопросам американской внешней политики в отношении Китая, выходявших с конца 60-х годов, а также многочисленные публикации воспоминаний, дневников, бумаг и заметок американских государственных, политических и военных деятелей.

При всей специфичности подбора этих документов и материалов, их тенденциозности, как и тенденциозности многих исследований западных ученых, в них тем не менее содержится довольно широкая панорама фактов, которые помогают увидеть политику США в отношении Китая в ее подлинном свете и во всей ее полноте.

Из китайских источников и изданий при подготовке данной книги были использованы официальные документы, а также работы ряда авторов, в частности Пын Мина, Лю Даняня, Ляо Гайлуна, Чень Бода, Дин Шоухэ, Ли Шу, Ян Бинаня, Вэй Цзычу, Дин Миннаня, Чжан Цзюньина, Е Хошена. Разумеется, все эти источники и работы требуют критического подхода, так как в историографии КНР, даже в период до «культурной революции», в силу ряда причин в оценках различных аспектов китайской революции проявлялись и культ личности Мао Цзэдуна и элемент национализма, а отсюда — немало ошибочных концепций. Однако, несмотря на это, в Китае тогда широко признавалась, в том числе и самим Мао Цзэдуном, исключительно важная роль СССР в победе китайского народа, аргументированно утверждалось, что на протяжении всей истории отношений с Китаем американцы вели себя как колонизаторы, отмечалось также и то, что в тяжелейшие для Китая годы японской агрессии американцы предпочитали «сидеть на горе и наблюдать за борьбой тигров»¹¹, а после второй мировой войны США, заняв место Японии, собирались превратить Китай в свою полуколонию.

Освещению вопросов, касающихся обстановки в Ки-

тае во второй половине 40-х — начале 50-х годов и деятельности советской дипломатии, направленной на внешнеполитическое обеспечение победы китайской революции и укрепление международных позиций КНР, помогло в значительной мере то обстоятельство, что в 1942—1952 гг. автор находился на дипломатической работе и был непосредственным свидетелем событий, происходивших в Китае и на Дальнем Востоке в целом. В качестве дополнения к упомянутым выше советским и зарубежным источникам и материалам весьма полезными при подготовке предлагаемой читателю книги оказались личные наблюдения автора и его дневниковые записи.

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ И ЕЕ РЕШЕНИЯ ПО ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ВОПРОСАМ

Обстановка на Тихоокеанском и Китайском фронтах второй мировой войны накануне конференции

Обстановка на Тихом океане. В этом регионе, как и в Китае, война в рассматриваемый период принимала все более затяжной характер. Это объяснялось не только упорным сопротивлением японских вооруженных сил, но и политикой, и военной стратегией правящих кругов США и Англии, а также политикой правительства Чан Кайши и другими политическими факторами в Китае.

У США, Англии и их союзников, воевавших против Японии, отсутствовал единый план действий, а попытки выработать его не имели успеха ввиду серьезных разногласий. Западные державы, и в первую очередь США, а также гоминьдановское правительство Китая преследовали свои экспансионистские цели.

США стремились воспользоваться поражением Японии и ослаблением своих союзников, чтобы подчинить собственному контролю их колониальные владения и рынки на Дальнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии. О наличии таких планов свидетельствуют многочисленные факты. В частности, в письме О. Латтимора, посланном Чан Кайши в конце декабря 1942 г., излагалась идея установления в послевоенный период контроля США в бассейне Тихого океана при содействии Китая. Поскольку текст письма был согласован с президентом Рузвельтом и одобрен им, оно фактически представляло собой официальный внешнеполитический документ, направленный гоминьдановскому правительству Белым домом. Роли СССР и Англии в этом регионе в письме отводилось второстепенное место. Со ссылкой на Ф. Рузвельта в нем указывалось, в част-

ности, что в западной части Тихого океана «главными заинтересованными государствами будут США и Китай», причем обсуждалась идея создания здесь сети военных баз с опорой на Ляодунский п-ов и Формозу (Тайвань), как на «ключевые районы»¹.

Хорошо зная, что Китай стремится присоединить Бирму, США подталкивали гоминьдановское правительство в сторону Бирмы под предлогом оказания «помощи» Англии. Они рассчитывали, что в случае осуществления Китаем своей экспансии в Южной и Юго-Восточной Азии подлинными хозяевами там будут США.

В Вашингтоне вынашивались планы подчинения американскому контролю и Индокитая — или через посредство Китая, или путем установления над ним «опеки». Так, в одной из бесед с генералом Ботнером президент Рузвельт заявил: «Я сказал Чану, чтобы он был готов получить его (Индокитай. — А. Л.) в конце войны. Французы потеряли право на него в результате своего невнимательного отношения»². В другом случае президент Рузвельт высказался и о намерении США установить над Индокитаем и Кореей опеку «сроком на 25 лет или около этого, до тех пор, пока мы не поставим их на ноги. Точно так же, как Филиппины»³. К захвату Индокитая рвался и Чан Кайши. Так, в докладе госдепартамента США от 22 июня 1945 г., при анализе положения в Азии и на Тихом океане накануне окончания войны на Дальнем Востоке, указывалось, что между Францией и Китаем имеют место «конфликтные отношения» из-за Индокитая и что эти распри «будут, по-видимому, продолжаться». «Французы считают, — говорилось в этом документе, — что, несмотря на заявление генералиссимуса (Чан Кайши. — А. Л.), отрицающего наличие территориальных притязаний, Китай стремится там доминировать, если не аннексировать Северный Индокитай»⁴.

Англия добивалась сохранения своих колоний и воздерживалась от активных действий и крупных операций против японцев, желая приберечь силы для решения своих колониальных проблем на завершающем этапе войны и после капитуляции японцев.

Когда на Каирской конференции Ф. Рузвельт предложил план военных операций с целью вытеснения японцев из Бирмы и захвата района Кантон — Гонконг,

чтобы установить связь с Китаем с моря, и попытался возложить на англичан осуществление этого плана, Лондон занял отрицательную позицию. Он стремился переложить тяжесть войны на Тихом океане на американцев. Как и США, Англия воздерживалась от высадки своих войск на побережье Китая или на территории других стран, захваченных Японией. Как те, так и другие боялись надолго завязнуть в войне с японцами на Азиатском континенте. «Это может лишить нас, — заявлял У. Черчилль, — законной доли в победе на Дальнем Востоке»⁵. Он подчеркивал, что «имперский путь» Великобритании лежит через Сингапур в Гонконг, и рассчитывал вернуть потерянные Англией колонии за столом переговоров о послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке. Что касается Гонконга, то англичане стремились достичь его морским путем до того, как китайцы смогут добраться до него с суши⁶.

В одном из своих донесений в Вашингтон посол США в Китае докладывал, что Англия не проявляет большого энтузиазма к разворачиванию боевых действий против японцев на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Лондон исходит из того, докладывал он, что «война будет выиграна в Европе и потерянные Великобританией владения будут возвращены на мирной конференции»⁷.

В Лондоне следили с тревогой и за политикой США в отношении Китая. В Вашингтоне выступали с демагогическими заявлениями о том, что США хотят видеть Китай «единым» и «процветающим», что после войны он должен занять положение великой державы. В Англии понимали эти маневры американской дипломатии и делали из этого свои выводы. Правительство Англии было недовольно сближением между Вашингтоном и Чунцином, которое развивалось в ущерб колониальным интересам Англии. Оно опасалось союза США и Китая в вопросах ведения войны в Юго-Восточной Азии, а тем более в решении вопросов послевоенного устройства мира. Англия была не против своего военного присутствия в Китае в форме отправки советников, как это делали американцы, но Чан Кайши их не приглашал и поступал в этом деле в полном согласии с американцами. Впоследствии, когда в конце войны дело дошло до отправки американских войск в Китай для так называе-

мого «принятия капитуляции» японцев, США отказались от предложенного Англией «сотрудничества», сославшись на трудности с размещением, снабжением войск и т. п.

Между Лондоном и Чунцином происходили распри из-за американских поставок по ленд-лизу. Чунцин требовал сокращения поставок не только Советскому Союзу, но и Англии и увеличения за счет этого помощи Китаю. Англичане считали нецелесообразным и бесполезным увеличивать поставки Китаю. Более того, они задерживали и забирали себе грузы, которые направлялись для Чунцина через Бирму.

Чан Кайши делал по этому поводу представления правительствам Англии и США. В одном из посланий президенту Ф. Рузвельту он, жалуясь на захват англичанами грузов в бирманских портах, подчеркивал, что придает «политическое значение» такого рода действиям⁸.

Всплыли наружу англо-китайские противоречия и по другим вопросам. Еще в конце 1942 г., не предпринимая серьезных действий против японцев на Китайском фронте, Чан Кайши в то же время выражал желание оказать военную помощь Англии в обороне ее колоний, в частности Гонконга и Малайзии. С таким же предложением он обратился к Лондону и в отношении Бирмы, куда он намерен был направить три армейских корпуса.

Англичане отвергли все эти предложения. Политический советник Ф. Рузвельта С. Хорнбек заметил по этому поводу, что англичане не могут принять помощи от «азиатов», поскольку это «подорвало бы престиж Великобритании в Азии»⁹.

Но причина заключалась, разумеется, не в престиже, а в том, что в Лондоне с подозрением следили за давно вынашиваемыми в Китае экспансионистскими планами в отношении многих стран Южной и Юго-Восточной Азии. Предложения гоминьдановского правительства в Лондоне расценили, и не без основания, как попытку реализации этих планов, тем более что спустя несколько месяцев, в июне 1943 г., министерство информации Китая опубликовало карту, где Северная Бирма была обозначена как «территория Китая»¹⁰.

Полковник Л. Джонсон, бывший помощник военного

министра США, направленный в Индию в качестве специального представителя Ф. Рузвельта, докладывал президенту США, а также на совещании в госдепартаменте 12 мая 1942 г., что «англичане предпочли бы скорее сдать Бирму (японцам. — А. Л.), чем оказаться в долгу у китайцев или сделать уступку бирманцам. Они рассчитывали в любом случае получить Бирму обратно за столом мирной конференции и поэтому не хотели связывать себя какими-либо обязательствами ни перед бирманцами, ни перед китайцами в отношении ее будущей формы правления»¹¹.

В отличие от США в Англии более трезво оценивали в тот период обстановку в Китае. У. Черчилль неоднократно обращал внимание Ф. Рузвельта на то, что США переоценивают роль Китая в войне, что в действительности эта роль является «никчемной», а режим Чан Кайши непрочен и не заслуживает поддержки.

По свидетельству американских историков, У. Черчилль скептически отзывался о планах США в отношении Китая, которые они строили на послевоенный период, в частности в экономической области, называя их «большой американской иллюзией»¹².

Укрепление своих позиций в Китае США рассчитывали использовать не только против Советского Союза, но и против своих западных соперников, прежде всего против Англии. По свидетельству американского историка Т. Цзоу, Ф. Рузвельт исходил из того, что Китай будет поддерживать США «в любом конфликте с Великобританией»¹³.

Военная обстановка для США на Тихом океане развивалась таким образом, что, чем ближе американцы подходили к Японии, тем более упорное сопротивление они встречали со стороны японцев и тем большие потери им приходилось нести в живой силе и технике. Так, когда в первой половине февраля 1945 г. (т. е. во время встречи глав трех держав в Крыму) начались бои за о-в Иводзима, боевые действия сразу же приняли крайне ожесточенный характер. Американцы имели здесь более чем пятикратное превосходство в численности наземных войск, почти сорокакратное — в самолетах и огромное преимущество на море (против японцев действовало около 700 судов, включая 28 авианосцев, 15 линкоров и 8 тяжелых крейсеров). И все же

американцам потребовался почти месяц с момента высадки, чтобы овладеть островом. Операция против о-ва Окинава, несмотря на большое преимущество американцев в силе, длилась (после высадки на побережье) с 1 апреля по 21 июня 1945 г., причем японская авиация потопила в ходе ее 36 и повредила 368 американских кораблей¹⁴.

Примерно то же самое происходило в ходе боев и за другие острова на подступах к собственно Японии. В первой половине 1945 г. потери США на Тихом океане выросли в среднем от 3200 до 12 750 человек в месяц. Для американцев такие потери были «тяжелейшими из всех кампаний, которые им когда-либо приходилось вести»¹⁵.

По оценкам американских военных экспертов, возможные потери США при осуществлении высадки и последующих операций на японской территории должны были составить 1,5—2 млн. человек. В военных кругах США высказывались также мнения о том, что война против Японии может затянуться до конца 1946, 1947 и даже 1948 г.¹⁶.

Обстановка на китайском театре военных действий. К началу встречи руководителей трех великих держав в Крыму Китай восьмой год находился в состоянии войны с Японией, а оккупация Маньчжурии продолжалась четырнадцатый год. В руках японцев кроме Маньчжурии находились все приморские провинции, многие крупные промышленные центры, в частности Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Кантон, Ухань, а также все основные линии железных дорог.

Однако при всей значительности территориальных и других потерь Китай продолжал располагать огромным потенциалом, необходимым для организации отпора японской агрессии.

Под контролем гоминьдановского правительства оставались обширные районы, богатые продовольствием, сельскохозяйственным сырьем, а также нефтью, углем и другими стратегическими ресурсами. На неоккупированной территории проживало свыше 200 млн. человек, из них свыше 60 млн. — в «базовых районах» КПК¹⁷.

Китайский народ, и прежде всего пролетариат, был способен на массовые патриотические подвиги и самопожертвование ради избавления своей страны от япон-

ских захватчиков. Ярким примером этого служили героическая оборона Шанхая, упорные бои за Чанша, Чандэ, Хэньян и многие другие города.

Основной базой, на которую опиралось гоминьдановское правительство в период войны с Японией, была расположенная в верхнем течении р. Янцзы провинция Сычуань (центр — г. Чунцин). Субтропический и тропический муссонный климат и плодородные лессовые почвы делают Сычуань одной из важнейших житниц страны. Главное ее богатство — рис, под которым было занято 50% всех обрабатываемых площадей. Сычуань должна была обеспечивать продовольствием кроме постоянно проживавшего здесь 70-миллионного коренного населения потребности всей армии, десятков миллионов беженцев из оккупированных японцами районов и огромный, перебазировавшийся сюда государственный аппарат.

Сычуань служила также основной базой, которая должна была обеспечить сырьем работавшую на военные нужды промышленность. Промышленная база была здесь очень слабой и носила кустарный характер. Почти вся фабрично-заводская промышленность Китая была в оккупированных японцами приморских районах. Но небольшую часть оборудования китайцам удалось перебазировать в глубинные районы, главным образом в район г. Чунцин, где были смонтированы и пущены в ход небольшие текстильные фабрики, металлообрабатывающие и оружейные мастерские, сталелитейные установки. Цехами для этих предприятий служили, как правило, туннели, пробитые вручную в толще скалистых гор.

Большую роль в налаживании промышленного производства в Чунцине и в других районах неоккупированной территории сыграли промышленные рабочие, прибывшие из Шанхая, Уханя и других промышленных центров в количестве свыше 100 тыс. человек. Большой вклад в борьбу с японскими оккупантами вносила китайская инженерно-техническая и научная интеллигенция, эвакуировавшаяся из захваченных японцами городов. Ученые и инженеры вместе с рабочими сумели организовать производство стрелкового оружия, боеприпасов, горючего и многих видов изделий, необходимых для армии и гражданского населения. Руками городского и

сёльского населения было построено свыше 8 тыс. миль шоссе-соединяющих дорог¹⁸.

Гоминьдановские вооруженные силы насчитывали к весне 1945 г., по официальным данным, 4,6 млн. человек. 30 дивизий были обучены и вооружены американцами.

По американским оценкам, японское командование имело на китайском театре военных действий, не считая Маньчжурии, 28 дивизий, большинство которых были дивизиями второй очереди. Часть их не участвовала в боевых действиях, а держалась в резерве на случай «неприятностей» на маньчжурско-советской границе¹⁹.

Руководство гоминьдана не использовало благоприятные факторы для борьбы против японских интервентов. Оно предпочитало посылать значительное число дивизий для блокирования Освобожденных районов, находившихся под контролем коммунистов.

Как уже отмечалось выше, в первые годы антияпонской войны, несмотря на капитулянтскую политику Чан Кайши, китайские войска оказывали определенное сопротивление японским захватчикам. В частности, серьезное сопротивление японские войска встретили в районе Пекина — Тяньцзиня, под Сюйчжоу, в Шанхае. Однако после начала войны на Тихом океане боевые действия гоминьдановских армий были по существу прекращены. В своих донесениях из Чунцина в Вашингтон посольство и военная миссия США неоднократно сообщали, что при всех трудностях, которые испытывает Китай, «китайские армии могли бы делать большее — хотя бы путем наступательных операций местного значения и постоянных атак на линии связи и пути снабжения войск противника»²⁰. Однако, как отмечал посол США в телеграмме от 2 февраля 1942 г., они и этого не делали²¹. Что касается развертывания партизанского движения в тылу японцев, то Чан Кайши в самом начале отверг эту идею, поскольку боялся, что вооруженный китайский крестьянин никогда не захочет более стать покорным рабом и гнуть спину на помещика. В чанкайшистских кругах рассуждали на этот счет следующим образом: «Варвары наконец дерутся с варварами (имеются в виду европейские государства, США, а также Япония. — А. Л.), а задача Китая состо-

ит теперь в том, чтобы сохранить свои собственные силы»²².

В то время как в Вашингтоне и Лондоне выражали недовольство по поводу пассивности гоминьдановского правительства, Чан Кайши перекладывал вину за свое бездействие на западных союзников. Так, в одном из посланий президенту Рузвельту (от 27 мая 1942 г.) он писал, что китайский народ «в высшей степени подавлен продолжающимися неудачами союзных держав на Тихом океане и на Азиатском материке»²³.

Вскоре после того, как Япония вступила в войну на Тихом океане против США, Англии и их западных союзников, Чан Кайши предложил создать Союзническое Верховное командование с участием Китая и упомянутых стран, а также Советского Союза с местопребыванием этого командования в Чунцине. Одна из главных целей этой идеи состояла в том, чтобы втянуть СССР в войну против Японии до окончания войны с гитлеровской Германией. Однако апелляция Чан Кайши по этому вопросу к президенту Ф. Рузвельту не встретила поддержки. Последний ответил, что он считает это предложение нереальным²⁴. В телеграмме от 19 апреля 1942 г., адресованной находившемуся в США министру иностранных дел Сун Цзывэню, Чан Кайши выражал недовольство по поводу того, что это предложение гоминьдановского правительства было отклонено²⁵.

Стараясь вбить клин между странами антигитлеровской коалиции, Чан Кайши писал: «Каким контрастом является такая позиция англичан и русских в сравнении с позицией США... Когда это затрагивает их собственные интересы, они (англичане и русские. — А. Л.) никогда не уступят»²⁶.

Чан Кайши настойчиво добивался также допуска Китая к участию в управлении военными поставками по ленд-лизу и заявлял, что в противном случае «Китай будет просто пешкой в игре»²⁷. Он требовал усиления помощи Китаю за счет сокращения военных поставок для Европейского фронта, и прежде всего для СССР. При этом чанкайшисты прибегали к открытому шантажу. Они угрожали, что «пойдут на сделку с Японией», как неоднократно заявлял один из лидеров гоминьдана, Сунь Фо, «или будут сидеть спокойно... по крайней мере до тех пор, пока Гитлер не будет разбит»²⁸.

Среди причин, обусловивших свертывание военных действий в Китае против Японии, не последнюю роль сыграла сектантская позиция Мао Цзэдуна и его группировки. Цели единого национального антияпонского фронта, сила и мощь которого в первый период после его создания благоприятно воздействовали на всю обстановку в Китае, в том числе и на поведение правящей верхушки гоминьдана, Мао Цзэдун подменил задачей захвата власти у Чан Кайши. По свидетельству американского историка Р. Элеганта, Мао Цзэдун требовал, чтобы на борьбу с японцами «тратилось не больше сил, чем на борьбу против гоминьдана»²⁹. Он выступал против тех коммунистов в КПК, которые считали необходимым отложить на время внутреннюю борьбу, укреплять временный союз с гоминьданом и направить силы народа против главной опасности — японского агрессора. Мао настаивал на том, отмечает Р. Эlegant, чтобы КПК «направляла свои главные удары против гоминьдановцев под прикрытием сотрудничества против японцев»³⁰.

По свидетельству другого американского историка, Танг Цзоу, в одном из своих выступлений еще в 1937 г. Мао Цзэдун так определил свою стратегию в войне с японцами: «Наша политика состоит в том, чтобы 70% наших усилий посвятить нашему собственному расширению, 20% — борьбе с гоминьдановским правительством, а 10% — войне с японцами»³¹.

В марте 1944 г. в передачах японского радио тоже указывалось, что «за последнее время китайские коммунисты придерживаются политики „10—20—70“, согласно которой они используют 10% своих сил против японцев, 20 — для защиты своих баз, а остальные 70% — для расширения своего влияния»³².

Эта открытая борьба за власть в разгар японской агрессии в Китае вела ко все большему обострению и без того напряженной внутриполитической обстановки, углубляла раскол страны и была на руку наиболее реакционным, капитулянтским элементам в гоминьдане. Они, по существу, воспользовались действиями Мао Цзэдуна, чтобы оправдать прекращение борьбы с японцами и усиление борьбы против КПК и всех прогрессивных сил Китая.

Характеризуя поведение Мао Цзэдуна и Чан Кайши

в период войны с Японией, известный китайский военный деятель, маршал Фын Юйсян заявил английскому журналисту Р. Пэйну: «Оба они лунатики. Единственное, чем они хотят заниматься, это вести (междоусобные. — А. Л.) войны. Мы воюем друг с другом с 1911 г., уж пора нам кончать... Что они воображают себе? Кто они такие? Они хотят власти. А разве у них ее недостаточно? Им безразлично, погибнет ли еще один миллион или десять миллионов китайцев, лишь бы им удержаться у власти. Они воображают, что они боги!»³³.

Японское командование время от времени предпринимало наступательные операции, чтобы принудить чанкайшистский режим к капитуляции. В докладе разведуправления военного министерства США отмечалось, что маоцзэдуновское руководство использовало каждое такое наступление японцев для того, чтобы «вытеснить чунцинские вооруженные силы из Восточного Китая»³⁴.

Наступления японских войск сопровождались активизацией японской агентуры, в том числе в генеральном штабе и правительственных кругах Чунцина, включая ближайшее окружение Чан Кайши. Японская Ставка разработала специальные планы, которые предусматривали создание в правительственных кругах в Чунцине «сильной агентуры с использованием завербованных высокопоставленных лиц китайского происхождения, а также иностранцев, а в дальнейшем — переход от агентурной работы к работе по подчинению Чунцина, используя колебания чунцинского правительства, которые возникнут в результате достигнутых империей военных успехов»³⁵.

В периоды напряженных ситуаций в Китае, грозивших капитуляцией гоминьдановского правительства перед японцами, Советский Союз использовал все свое влияние, чтобы предотвратить такую опасность, удержать правительство Чан Кайши от рокового для Китая шага.

Вес и авторитет Советского Союза играли также исключительно важную роль в моменты напряженных отношений между гоминьданом и КПК, когда создавалась реальная угроза вспышки гражданской войны между Чунцином и Яньанью. В условиях войны с японскими захватчиками гражданская война в Китае могла иметь тяжелые последствия для прогрессивных сил

страны, для КПК, которая могла быть разгромлена го-миньданом, располагавшим значительным превосходством в силе.

Япония в своей агрессии против Китая и других стран Азии постоянно видела в лице Советского Союза противостоящую ей силу. В документах Ставки, освещающих вопросы стратегии Японии после завершения наступательных операций на Тихом океане, подчеркивалось, что «СССР будет оказывать помощь Чан Кай-ши, а также вести идеологическую войну, чтобы вызвать беспорядки среди народов, находящихся под нашим руководством»³⁶.

«Несмотря на постепенное ослабление сопротивления чунцинского правительства и усиление его финансовых и экономических трудностей, — говорится далее в указанных документах, — это правительство еще не отказывается от сопротивления, надеясь на окончательную победу над лагерем стран „оси“, и можно полагать, что оно рассчитывает на более тесное сотрудничество с СССР»³⁷.

Как отмечалось выше, военно-стратегические задачи японского командования в Китае облегчались тем, что в Китае продолжал развиваться острый политический кризис. Усиливалась междоусобная борьба между го-миньданом и КПК, назревала открытая гражданская война. Обе враждующие стороны главное внимание сконцентрировали на подготовке к будущей решающей схватке между собой после капитуляции японцев, разгром которых как та, так и другая сторона возлагала на союзников.

В этих условиях Соединенным Штатам приходилось все больше обращать свои взоры в сторону Советского Союза, который на протяжении всей войны с Японией служил важным фактором, сдерживавшим военные действия японцев в Китае, а затем и на Тихом океане. СССР сковывал у своих дальневосточных границ крупные ударные силы Японии и серьезно воздействовал на обстановку на тихоокеанском и китайском театрах войны своими победами на советско-германском фронте. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и дальнейшее победоносное наступление Красной Армии помогли США и их западным союзникам оправиться от ударов японцев на Тихом океане и постепенно пе-

рейти к наступательным операциям. К концу 1944 и началу 1945 г. США возвратили целый ряд ранее утерянных позиций, с которых они приступили теперь к оомбардировкам Токио, Нагои, Осаки, Кобе и других крупных городов Японии. Однако Япония все еще располагала огромными силами и потенциальными возможностями, и справиться с ней было нелегко. В Вашингтоне, как и в Лондоне, опасались, что Япония может годы продержаться в войне даже после высадки войск союзников на ее собственной территории³⁸. Поэтому военные руководители США торопили Белый дом добиться согласия Советского Союза на вступление в войну против Японии. Так, в частности, главнокомандующий американскими вооруженными силами на Тихом океане генерал Д. Макартур в качестве основного условия осуществления операции по вторжению на Японские острова считал необходимость того, чтобы главные силы Японии были «прикованы» на Азиатском материке действиями Советских Вооруженных Сил³⁹.

Маневры американской дипломатии в Китае накануне Ялтинской конференции

Обращаясь в июле 1944 г. к Советскому Союзу с предложением о новой встрече глав правительств СССР, США и Англии, чтобы договориться о вступлении Советского Союза в войну против Японии, правительство США одновременно предприняло усиленные попытки активизировать китайский театр военных действий. При этом американская дипломатия сделала шаги к установлению контактов с Мао Цзэдуном, стремясь под предлогом объединения военных усилий Китая для борьбы с японцами поставить под контроль Вашингтона вооруженные силы и базовые районы КПК⁴⁰.

Американская дипломатия рассчитывала на завершающем этапе войны, пока Советский Союз занят войной против Германии, максимально укрепить свои военные, политические и экономические позиции в Китае и занять доминирующее положение на Дальнем Востоке. Представители правящих кругов США считали, что главная проблема, с которой им предстоит столкнуться на Дальнем Востоке, это, как подчеркивал Дж. Олсон, «рост мощи России и вероятность нарушения всего ба-

ланса сил в Азии». «Мы должны, — заявлял он, — проводить в отношении России политику с позиции силы»⁴¹. Поэтому одной из главных целей, побуждавшей американцев к контактам с Мао Цзэдуном, было получить доступ для американских вооруженных сил в стратегически важные для них районы Северного Китая и Маньчжурии.

Согласно документам госдепартамента США, первые попытки установить прямые контакты между американским правительством и маоцзэдуновской группировкой были предприняты еще в 1942 г. по инициативе Яньани. Так, во время визита в Китай в 1942 г. Л. Каррис, личного представителя Ф. Рузвельта, занимавшего в тот период должность помощника президента США по административным вопросам, Чжоу Энълай, находившийся в то время в Чунцине, передал ему через сотрудников американского посольства «несколько посланий». В одном из них выражалась просьба к правительству США установить строгий контроль за тем, чтобы предоставляемые китайскому правительству поставки по ленд-лизу использовались Чунцином только «по прямому назначению». Выражались опасения по поводу того, что, если со стороны Вашингтона не будет установлено такого контроля, указанные поставки будут использованы после окончания войны «для удержания позиций правящей группировки».

В другом послании Мао Цзэдун и Чжоу Энълай обращались с предложением установить прямые контакты между Вашингтоном и Особым районом Китая. Они заявляли, что руководство КПК «приветствовало бы визит в районы, контролируемые КПК, одного или нескольких представителей американского правительства»⁴². Более того, Чжоу Энълай обратился к Л. Карри с просьбой о личной встрече с ним. Л. Карри ответил через сотрудников посольства США в Чунцине, что он считает неразумным встречаться с Чжоу Энълаем «в данное время». В документах, опубликованных госдепартаментом, указывается, что такой ответ был воспринят Чжоу Энълаем «с пониманием»⁴³.

Теперь, два года спустя, когда американская дипломатия проявила интерес к использованию базовых районов КПК, она сразу же встретила благоприятный отклик со стороны Мао Цзэдуна.

23 июля 1944 г., т. е. через три дня после того, как президент Ф. Рузвельт направил в Москву послание с предложением о встрече в верхах, в Яньань прибыла «союзническая миссия наблюдателей», так называемая «миссия Дикси», в состав которой вошли американские разведчики и дипломаты.

Мао Цзэдун, выражая желание установить с США тесные отношения, предложил учредить в контролируемых КПК районах американские официальные представительства, пропагандистские центры, агентства печати и религиозные миссии. Он был готов поставить вооруженные силы КПК под единое командование в Китае, возглавляемое американцами. Мао Цзэдун обещал оказать содействие высадке американских войск, а также приветствовал американские капиталовложения в районах, контролировавшихся КПК, и установление экономического и технического «сотрудничества». В специально разработанной им директиве от 18 августа 1944 г. для руководящих партийных органов подчеркивалось, что приезд упомянутой «миссии наблюдателей» знаменует «начало нашей... дипломатической работы» и что «на базе военного сотрудничества в последующем можно будет установить культурное, а затем и политическое сотрудничество с США»⁴⁴.

Приезд «миссии Дикси» усилил амбиции Мао Цзэдуна. Он решил выйти на прямые связи с Вашингтоном и стал добиваться своего приглашения в США вместе с Чжоу Энлаем или одного из них. Мао Цзэдун рассчитывал, что ему удастся убедить американских руководителей в том, что не Чан Кайши, а он представляет реальную силу в Китае и Соединенным Штатам целесообразно поддерживать его, а не Чан Кайши. При этом он заверял американцев, что интересы США в Китае от этого не только не пострадают, но, наоборот, только выиграют⁴⁵.

В феврале 1945 г. из Яньани последовало обращение к военному представителю США в Китае генералу А. Ведемейеру с просьбой о предоставлении займа в 20 млн. долл. для поставок оружия войскам КПК (при этом было выражено пожелание не сообщать об этом послу США в Китае генералу П. Хэрли). Об этой просьбе 17 февраля 1945 г. было сообщено госдепартаменту. Однако США ответили отказом⁴⁶.

Мао Цзэдун призывал также американцев высадить свои войска в Китае. Он считал, что если СССР и вступит в войну против Японии, то это будет где-то на завершающем этапе, не ранее весны 1946 г. К этому времени судьба Японии будет фактически решена, война будет выиграна главным образом «благодаря американскому броску через океан» ⁴⁷.

Разумеется, нельзя не учитывать, что информация о высказываниях Мао Цзэдуна в адрес США и о «заманчивых» возможностях сотрудничества с ним Вашингтона составлялась генералом Дж. Стилуэллом, Дж. Сервисом и другими так называемыми «специалистами по Китаю» в условиях обострившегося глубокого недовольства режимом Чан Кайши как внутри Китая, так и за его пределами, в том числе и в США. Следует учитывать также, что авторы этой информации принадлежали к либеральным элементам в правящих кругах США, находившимся в оппозиции к Чан Кайши и его правительству, которое своими грубыми и неумелыми действиями не столько помогало, сколько все больше затрудняло осуществление внешнеполитических планов США в Китае. Тем не менее главные черты политической позиции Мао Цзэдуна в тот период отражены в упомянутых материалах вполне отчетливо.

Приведенные в мемуарах Дж. Стилуэлла, Дж. Сервиса и других американцев заявления Мао Цзэдуна свидетельствуют о том, что Мао всеми силами старался составить конкуренцию Чан Кайши, «понравиться» западным державам, и прежде всего США, и добиться путем заигрывания с ними если не помощи, то хотя бы их нейтралитета ⁴⁸.

Таким образом факты, опубликованные в СССР и за рубежом, в частности в мемуарах ряда западных политических деятелей, характеризуют Мао Цзэдуна как человека, зараженного мелкобуржуазным национализмом, чуждого принципам пролетарского интернационализма. Это проявилось, в частности, в оценке им роли и характера американского капитализма, в его высказываниях о том, что Китаю пока не до социализма, что ему сначала необходимо пройти через «демократию американского образца» и т. п. ⁴⁹.

К Мао Цзэдуну и другим оппортунистическим элементам в КПК в полной мере можно отнести указания

В. И. Ленина о природе «предрассудков мелкобуржуазного демократа». Их мелкобуржуазная идеология сложилась в условиях полной оторванности от пролетариата, в условиях длительного и постоянного пребывания в глухих районах, почти лишенных связей с внешним миром, в окружении крайне отсталых крестьянских масс, с их идеологией, пропитанной феодальными предрассудками. Английский журналист Р. Пэйн, посетивший Яньань и взявший интервью у Мао Цзэдуна по международным вопросам, в частности по вопросам, касающимся ближайших к Китаю районов Азии, рассказывает, что взгляды Мао Цзэдуна отражали его глубокий провинциализм. В частности, Мао Цзэдун категорически возражал против заявления Р. Пэйна о том, что англичане будут вынуждены уйти из Индии. «Он посмотрел на меня, как на ребенка, — пишет Р. Пэйн, — и заявил: „Они никогда не уйдут. Никогда. Это абсолютно исключено... Они останутся“»⁵⁰. И когда Мао Цзэдуну было сказано, что «тем не менее они уходят» и поэтому его оценка является неверной, «Мао Цзэдун, по словам Р. Пэйна, от злости побагровел»⁵¹. Р. Пэйн отмечает, что его поразила самоизолированность Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения, их национальная замкнутость, которая сказывалась во всем; бросалась в глаза, в частности, такая деталь: во всех служебных и жилых помещениях, которые, по словам Пэйна, он посетил, а побывал он во многих помещениях, он не видел ни единой географической карты, кроме карты Китая.

«У меня сложилось впечатление, — сказал Р. Пэйн Мао Цзэдуну, — что китайских коммунистов совершенно не интересует остальная часть мира». «Это — правда, мы мало знаем о внешнем мире», — ответил Мао. В оправдание этого Мао Цзэдун заявил: «Помните, что наибольшую часть жизни мы были слишком заняты сражениями и не имели возможности уделять какое-либо внимание остальной части мира»⁵².

Отвечая на вопрос Пэйна, согласен ли он с высказыванием древнего китайского философа Лао Цзы о том, что «управление государством должно быть делом таким же простым, как поджаривание мелкой рыбешки», Мао Цзэдун ответил: «Можете быть уверенными: когда коммунисты будут у власти, управление государством

будет таким же простым делом, как поджаривание мелких рыбешек»⁵³.

7 ноября 1944 г. П. Хэрли в качестве личного представителя президента Рузвельта совершил поездку в Яньань для переговоров с Мао Цзэдуном. 10 ноября 1944 г. эти переговоры закончились подписанием документа, предусматривавшего создание в Китае демократического коалиционного (из представителей всех политических партий и групп. — А. Л.) правительства, легализацию всех антияпонских политических партий, объединение всех вооруженных сил Китая для разгрома Японии, а также подчинение этих сил коалиционному правительству и объединенному военному совету.

Однако, когда П. Хэрли показал это соглашение Чан Кайши, последний его решительно отверг. Он потребовал в качестве неперемennого условия для соглашения с КПК подчинение гоминьдановскому правительству контролируемых КПК территорий и вооруженных сил. Руководство КПК на это не пошло. Переговоры между гоминьданом и КПК были прерваны, находившиеся в Чунцине представители КПК были отозваны в Яньань.

Затевая политический флирт с Мао Цзэдуном, США пытались было втянуть в свои интриги Советский Союз. П. Хэрли в одной из своих поездок в Яньань предложил советскому послу в Китае А. А. Петрову отправиться вместе с ним и уговорить Мао Цзэдуна приехать в Чунцин для встречи с Чан Кайши.

Участием Советского правительства в подобной миссии США рассчитывали, во-первых, прикрыть и оправдать в глазах китайской и мировой общественности свое бесцеремонное вмешательство во внутренние дела Китая и, во-вторых, использовать авторитет и влияние Советского Союза, чтобы оказать давление на КПК.

Предложение П. Хэрли было отвергнуто. Советское правительство рассматривало отношения между гоминьданом и КПК как внутреннее дело, которое должно решаться самими китайцами. Безуспешные результаты переговоров лишней раз подтвердили правильность позиции, занятой Советским правительством.

Политический флирт с Мао Цзэдуном выявил серьезные разногласия в дипломатических и военных кругах США в вопросе отношения к гоминьдану и КПК.

28 февраля 1945 г. группа американских дипломатов и политических советников, близко связанных с бывшим главным военным советником США в Китае генералом Дж. Стилуэллом, направила в Вашингтон меморандум, в котором предлагалось отказаться от безусловной и безоговорочной поддержки Чан Кайши, занять более гибкую позицию, поддерживать все партии и фракции, в том числе и КПК, руководствуясь одной главной и «неотложной целью американской политики на Дальнем Востоке... как можно скорее нанести поражение Японии при наименьших потерях в людях с американской стороны»⁵⁴.

Этот меморандум был отвергнут. Решительными противниками его выступили генералы П. Хэрли и А. Ведемейер, группа сенаторов и конгресссменов во главе с Д. Маккарти, печать Херста и другие органы реакционной пропаганды. Президент Ф. Рузвельт дал указание отозвать из Китая авторов меморандума. Еще ранее по требованию Чан Кайши был отозван генерал Дж. Стилуэлл, замененный на этом посту А. Ведемейером. Многие дипломаты и журналисты, выступавшие с критикой Чан Кайши и за установление контактов с Мао Цзэдуном, были сняты с работы⁵⁵.

При всем недовольстве Чан Кайши и его режимом руководители США не собирались порывать с ним. «При всех их недостатках, — говорил Ф. Рузвельт своему сыну, — нам придется опираться на Чанов»⁵⁶. Уже после войны, в донесении 15 сентября 1948 г. государственному секретарю США, американский посол в Китае Дж. Стюарт дал Чан Кайши такую характеристику: «По существу, генералиссимус по своей ориентации является проамериканцем»⁵⁷.

Ныне представители правящих кругов США, бросая, как они говорят, «ретроспективный взгляд» на события того периода, расценивают провал заигрывания американской дипломатии с маоцзэдуновской группировкой как «утраченные (для США. — А. Л.) шансы в Китае». Они пытаются делать вид, будто политика США в Китае могла быть иной. Правящие круги США были теснейшим образом связаны с реакционным гоминьдановским режимом, который был проводником их империалистической политики в Китае. Порвать с таким режимом США были не в состоянии.

Американский историк Дж. Пратт указывает по этому поводу: «Правда, генерал Дж. Стилуэлл и группа работников госдепартамента, прикомандированная к его штабу, питали чувства одобрения в отношении коммунистического режима в Яньани как менее коррумпированного и более способного, чем правительство в Чунцине. Однако в Вашингтоне в более высоких кругах никогда не было и мысли принять коммунистов в качестве замены национальному правительству»⁵⁸.

Необходимо также учесть, что события в Китае, как и во всем мире, развивались в условиях величайших военных побед Советского Союза, которые оказывали колоссальное влияние на всю международную обстановку.

Таким образом, маневры американцев, рассчитанные на укрепление своих позиций в Китае перед Крымской конференцией, не оправдались. Оказались также неудачными и расчеты Мао Цзэдуна путем сделки с США за спиной Советского Союза стать их главным партнером на Дальнем Востоке.

Тем временем война в Европе подходила к концу, и США и Англия все больше беспокоились в отношении перспектив войны против Японии. Ставка США на Китай оказалась совершенно несостоятельной. В результате японского наступления весной 1944 г. положение на Китайском фронте катастрофически обострилось. К началу 1945 г. японцы захватили дополнительно около 2 млн. кв. км китайской территории с населением 60 млн. человек. Главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане генерал Макартур докладывал в Вашингтон, что для разгрома Японии необходимо, чтобы СССР бросил против нее не менее 60 дивизий⁵⁹. Все это побуждало правительство США все более настойчиво ставить вопрос о вступлении СССР в войну против Японии.

*Условия вступления СССР в войну против Японии.
Попытки США помешать его освободительной
миссии на Дальнем Востоке*

Прежде чем вступить в войну против Японии, Советскому Союзу необходимо было заранее решить ряд принципиально важных вопросов послевоенного урегу-

лирования на Дальнем Востоке. В результате поражения России в русско-японской войне 1904—1905 гг. Япония захватила Южный Сахалин и закрыла наиболее удобные выходы для России в Тихий океан. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Япония предприняла вооруженную интервенцию в целях отторжения советского Дальнего Востока, а в последующем создавала постоянную угрозу дальневосточным рубежам СССР, предпринимая агрессивные действия до и во время Великой Отечественной войны, фактически нарушая пакт о нейтралитете и помогая гитлеровской Германии⁶⁰.

Советское правительство не могло также не учитывать того, что Советской Армии предстояло воевать на территории Маньчжурии. Здесь в результате японской агрессии пострадали интересы не только Китая, но и Советского государства, поскольку был нанесен огромный ущерб имуществу, принадлежавшему СССР (в частности, КВЖД).

ЦК КПСС и Советское правительство видели также, что в условиях острой внутривосточной борьбы между гоминьданом и КПК, раскола страны китайскому народу не справиться с японскими оккупантами и не избежать превращения Китая в колонию Японии или полуколонию США. Поэтому, готовясь к вступлению в войну с Японией, Советский Союз исходил из необходимости решения взаимосвязанных задач национального и интернационального характера. Во-первых, после разгрома гитлеровской Германии обеспечить безопасность своих дальневосточных границ, чтобы переключить все внимание на заживление ран, нанесенных нашей стране гитлеровцами. Во-вторых, Советское правительство видело, что война с Японией принимала затяжной характер, японский милитаризм готовился стоять до конца. Неизмеримо росли человеческие жертвы, в том числе среди гражданского населения многих оккупированных японцами стран, а также и в самой Японии, города которой подвергались все более массированным бомбардировкам американских ВВС. Вступлением в борьбу с японскими милитаристами СССР стремился ускорить окончание войны и сократить человеческие жертвы, приблизить час избавления народов Китая и других стран Азии от японских оккупантов.

Далее, Советский Союз не мог не учитывать того, что в лице западных держав — своих союзников он имел дело с государствами, преследовавшими на Дальнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии империалистические цели. Поэтому своим вступлением в войну на Дальнем Востоке СССР стремился придать этой войне освободительный характер, сделать все от него зависящее, чтобы помешать западным державам в осуществлении их целей.

В решении Советской страны прийти на помощь народам Китая, Кореи и других стран Азии своими вооруженными силами нашли яркое воплощение принципы пролетарского интернационализма, требующие, по словам В. И. Ленина, «способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала» ⁶¹.

Впервые принципиальное согласие на вступление в войну с Японией Советское правительство дало на Тегеранской конференции руководителей трех великих держав — СССР, США и Англии — в конце ноября 1943 г. ⁶². Затем этот вопрос был поднят У. Черчиллем и А. Гарриманом во время Московских переговоров в октябре 1944 г. Накануне этих переговоров Ф. Рузвельт писал в послании И. В. Сталину 4 октября, что он рассчитывает на участие СССР в войне с Японией и выполнение обещания, данного в Тегеране. «Наши три страны, — писал Ф. Рузвельт, — ведут успешную войну против Германии, и, конечно, мы с не меньшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим» ⁶³.

Описывая историю созыва Ялтинской конференции, специальный советник Ф. Рузвельта Г. Гопкинс указывал, что союзникам было очень важно выяснить более определенные сроки и масштабы участия СССР в войне против Японии, а также знать условия, которые выдвигает Советский Союз; надо было обсудить и согласовать с Советским Союзом все принципиальные вопросы, касающиеся Дальнего Востока, иначе могло случиться, что каждый из трех союзников «пойдет своим путем» ⁶⁴.

Отвечая на настойчивые просьбы своих союзников на Ялтинской конференции, Советское правительство заяви-

ло о своей готовности выступить против японских агрессоров примерно через три месяца после завершения войны в Европе. Вместе с тем, руководствуясь упомянутыми выше национальными и интернациональными задачами, Советское правительство выдвинуло определенные условия, которые были приняты США и Англией.

11 февраля 1945 г. главы трех правительств, участники Ялтинской конференции, подписали документ, предусматривающий обязательство Советского Союза вступить в войну против Японии, а также соответствующие политические условия, которые включали следующие основные пункты:

1) сохранение статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2) восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращение Советскому Союзу южной части о-ва Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализация торгового порта Дайрен (Дальний) с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дальний, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имея в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3) передача Советскому Союзу Курильских островов ⁶⁵.

Президент Ф. Рузвельт дал обещание принять меры к тому, чтобы по пунктам соглашения, касающимся Китая, было получено согласие со стороны китайского правительства. В свою очередь, Советский Союз выразил готовность заключить с Китаем договор о дружбе и союзе для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига ⁶⁶.

И. В. Сталин указал, что Советскому Союзу необходимо перебросить через Сибирь на Дальний Восток

крупные силы. Эта операция должна проводиться в условиях строжайшей тайны. Поэтому необходимо предотвратить всякую утечку информации⁶⁷. Участники конференции условились до завершения Советским Союзом указанной операции воздержаться от передачи информации о решениях по Дальнему Востоку китайскому правительству. Соглашаясь с этим, Ф. Рузвельт заметил, что «все, что им будет сказано, через двадцать четыре часа станет известно всему миру»⁶⁸.

До и во время Ялтинской конференции СССР приходилось бороться не только с замыслами прямых врагов, но и с маневрами своих главных союзников по антигитлеровской коалиции — США и Англии. Даже в самые критические моменты положения на советско-германском фронте они не оставляли попыток вызвать столкновение между СССР и Японией, и Советскому Союзу приходилось проявлять большую бдительность, чтобы ни в коем случае не оказаться втянутым в войну с Японией, пока не будет разгромлена гитлеровская Германия.

Как можно скорей втянуть СССР в войну с Японией старался и Китай. Как уже отмечалось выше, гоминьдановское правительство предлагало правительству СССР принять участие в совещании и работе Союзнического Верховного командования в Чунцине. Оно добивалось от СССР разрешения на создание во Владивостоке китайской радиостанции для вещания на Маньчжурию (Маньчжоу-го)⁶⁹; добивалось использования советской территории для переброски в Чунцин американского оружия и военных материалов. Чан Кайши предлагал организовать доставку указанных грузов из США до Мурманска, затем Северным морским путем до Енисея и речным и другими путями до северо-западной границы Китая и далее через Синьцзян до Чунцина⁷⁰.

Под предлогом оказания помощи Советскому Союзу США настойчиво добивались согласия Советского правительства на размещение в Сибири американских военно-воздушных частей, направление в районы советского Дальнего Востока американской военной миссии, предоставления в распоряжение США полной информации об имеющихся в Сибири и на Дальнем Востоке метеорологических станциях, на направление группы

американских офицеров во главе с генералом О. Брэд-ли для инспектирования и составления заранее планов на случай «возникновения военных действий в Сибири». Советское правительство неизменно отвечало, что помощь от США самолетами нужна Советскому Союзу не на Дальнем Востоке, где Советский Союз не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где такая нужда является действительно острой⁷¹.

В послании Ф. Рузвельту от 13 января 1943 г. И. В. Сталин писал, что «русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией»⁷².

Однако американское правительство не прекращало своих усилий в этом направлении.

В записке от 23 января 1945 г., подготовленной для Ф. Рузвельта в связи с Крымской конференцией, Объединенный комитет начальников штабов США рекомендовал президенту договориться с Советским правительством о том, чтобы наряду с действиями Советской Армии в Маньчжурии было предусмотрено осуществление операций против собственно Японии и ее морских коммуникаций в сотрудничестве с американскими военно-воздушными силами, базирующимися в Восточной Сибири⁷³.

В пункте «С» упомянутой записки указывалось, что «вступление России в войну против Японии предоставит дополнительные районы, откуда могут быть использованы наши европейские стратегические военно-воздушные силы». «Мы должны, — подчеркивалось далее, — приложить все усилия, чтобы использовать потенциал русских баз. Мы должны оказать давление, чтобы добиться принципиального согласия на базирование авиационных сил США в Восточной Сибири»⁷⁴.

В то же время начальники штабов рекомендовали Ф. Рузвельту не связывать себя обязательствами, если русские поднимут на Крымской конференции вопрос об использовании американских военно-морских баз на Алеутских островах. Объединенный комитет начальников штабов предлагал также добиваться от Советского правительства предоставления Соединенным Штатам необходимого количества метеорологических станций в районах Восточной Сибири и на территории Монгольского плато⁷⁵,

Начальники штабов США на совещании 5 февраля 1945 г. еще раз подвергли обсуждению вопросы, связанные с вступлением СССР в войну с Японией, и задачи, которые они хотели бы решить на переговорах с Советским Союзом. Был подготовлен перечень вопросов для передачи Ф. Рузвельтом И. В. Сталину, на которые «начальники штабов США хотели бы получить в возможно короткий срок „ясные и определенные“ ответы советской стороны»⁷⁶.

В телеграмме руководителю военной миссии США в Москве генералу Дину от 18 января 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов США давал указания продолжать добиваться согласия Советского Союза на предоставление для американской авиации авиабаз в Сибири и на Дальнем Востоке. В частности, предлагалось: «Укажите на ограниченность основных воздушных баз, имеющихся у США на расстоянии досягаемости авиацией до Японии... В случае возражения Советского Союза против базирования военно-воздушных сил США в районах Приморья укажите, что, несомненно, в Восточной Сибири должны иметься районы, откуда могут оперировать военно-воздушные силы, тяжелые или сверхтяжелые бомбардировщики»⁷⁷.

В § 34 данного документа предлагалось немедленно вступить в переговоры с русскими, чтобы договориться по вопросам, касающимся возможности и необходимости осуществления следующих мер:

- а) размещения воздушных и военно-морских сил на Камчатке, создания военной базы в Петропавловске;
- б) базирования стратегических воздушных сил США на Камчатке и в районах Приморья;
- в) развития автотранспортного пути с Камчатки в Восточную Сибирь;
- г) захвата одной или более позиций на Курильских островах⁷⁸.

Если раньше домогательства американцев относительно предоставления им авиационных баз, портов и т. п. имели главной целью, как отмечалось выше, спровоцировать Японию на войну с СССР, то теперь, накануне выступления Советской Армии, США больше всего стремились к тому, чтобы своим присутствием в Сибири и на советском Дальнем Востоке лишить или по крайней мере как-то ограничить свободу действий

Советской Армии в Маньчжурии, Корее и других районах, где ей предстояло сражаться с японцами. Имелось в виду помешать осуществлению политических задач освободительной миссии Советской Армии в отношении китайского, корейского и других поработанных японскими оккупантами народов.

Вынашивая подобные планы, американцы понимали, почему Советское правительство не пускает их в Сибирь и на Дальний Восток, знали также, почему оно считает нежелательным их присутствие и в Маньчжурии. Поэтому правящие круги США пытались заверить СССР, что у них нет «скрытых намерений». В упомянутой выше телеграмме генералу Дж. Дину указывалось: «Подчеркните, что у нас нет намерений вытеснить русские воздушные силы авиачастями США или намерений вмешаться в военные действия русских на Азиатском материке. Подчеркните, что операции стратегической авиации США из Восточной Сибири помогут лишить японскую Квантунскую армию снабжения и, следовательно, окажут непосредственную поддержку русским на этом фронте»⁷⁹.

В документе, утвержденном 24 января 1945 г. Объединенным комитетом начальников штабов США, предлагалось в переговорах Ф. Рузвельта с И. В. Сталиным в Крыму руководствоваться принципами, среди которых, в частности, назывались такие:

«а) мы желаем, чтобы Россия вступила (в войну. — А. Л.) в самый ближайший срок, совместимый с ее возможностями участвовать в военных операциях, и готовы оказать ей максимальную поддержку, которая только будет возможна, не нанося ущерба основным усилиям против Японии;

б) мы считаем, что задача русских дальневосточных сил должна состоять в осуществлении всеобщего наступления против Маньчжурии, чтобы сковать японские силы и ресурсы в Северном Китае и Маньчжурии, предотвратив использование их для обороны Японии»⁸⁰.

Глава американской военной миссии в Москве генерал Дж. Дин информировал своих американских коллег, что на переговорах в Москве с представителями советского Генерального Штаба американцам было отказано в допуске в Восточную Сибирь. Дж. Дин предложил, чтобы президент Ф. Рузвельт поставил эти во-

просы перед И. В. Сталиным и чтобы последний «прямо ответил на них: да или нет»⁸¹.

И даже накануне вступления советских войск в Маньчжурию американцы продолжали предпринимать попытки проникнуть в Сибирь и на советский Дальний Восток. Так, во время Потсдамской конференции 21 июля 1945 г. Г. Трумэн направил И. В. Сталину послание с просьбой разрешить США создать в Восточной Сибири сеть радио- и метеостанций и послать в этих целях в Хабаровск и Петропавловск около 100 американских офицеров и «рядовых»⁸². В другом послании на имя И. В. Сталина Г. Трумэн выдвинул требование, чтобы Соединенные Штаты Америки имели постоянную авиационную базу на одном из Курильских островов⁸³.

Советское правительство отвергло эти домогательства США, как и прежние их «предложения» такого рода. По поводу базы на Курилах И. В. Сталин ответил Г. Трумэну, что, во-первых, «такое мероприятие» не вытекает из решений ни Ялтинской, ни Потсдамской конференций. Во-вторых, требования такого рода обычно предъявляются «либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории... Я не думаю, — подчеркнул И. В. Сталин, — чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств»⁸⁴.

Таким образом, правящие круги США беспокоились о своих империалистических интересах в Маньчжурии и Северном Китае и стремились хотя бы своим присутствием ограничить освободительную миссию Советской Армии, снизить ее значение и эффективность политического воздействия на обстановку в Китае и в Азии в целом. Поэтому Верховное командование США через свою военную миссию в Москве добивалось от советского Генерального Штаба согласия на участие в разработке предстоящих военных операций против Японии и всячески торопило с разработкой «совместных» планов.

Однако Советское правительство дало ясно понять правительству США, что Советская Армия справится со взятыми на себя задачами по разгрому японских вооруженных сил на Дальнем Востоке самостоятельно,

без участия и присутствия американцев в Сибири, Приморье и Маньчжурии.

Оказались безуспешными также маневры американской дипломатии при выработке решений, касавшихся интересов Советского Союза в Маньчжурии. По настоянию А. Гарримана американская сторона предложила внести в проект подготовленного советской стороной соответствующего соглашения некоторые поправки, имеющие принципиальное значение. Было предложено, чтобы не только Дальний, но и Порт-Артур — оба крупнейших незамерзающих порта Маньчжурии — были превращены в «свободные порты», открытые для беспрепятственного захода судов иностранных государств. 8 февраля 1945 г., вручая эти поправки В. М. Молотову, А. Гарриман заявил, что президент Рузвельт будет настаивать на принятии их советской стороной ⁸⁵.

Однако И. В. Сталин заявил Ф. Рузвельту на Ялтинской конференции, что Порт-Артур временно нужен будет Советскому Союзу как военно-морская база, поэтому не может быть и речи о статусе «свободного порта» и заходе туда судов других стран. Ф. Рузвельт вынужден был согласиться с позицией Советского правительства ⁸⁶.

По вопросу о Дальнем американская дипломатия выдвинула идею превращения его в международный порт с установлением над ним контроля «международной комиссии». Ф. Рузвельт заявил И. В. Сталину, что осуществление этой идеи он связывает с Гонконгом, который США тоже стремятся превратить в «интернационализированный свободный порт», но заранее знают, «что Черчилль будет решительно возражать против такого предложения» ⁸⁷. Под так называемой интернационализацией США, разумеется, имели в виду установление фактически своего контроля над упомянутыми портами и менее всего думали о восстановлении суверенитета Китая.

Учитывая это, Советское правительство настояло на том, чтобы в решении об «интернационализации» порта Дальний были записаны слова: «с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту» ⁸⁸. Это имело впоследствии исключительно важное значение для судеб Маньчжурии и всего Китая.

Когда после вывода из Маньчжурии советских войск, американцы попытались было при помощи своего военно-морского флота перебросить туда гоминьдановские армии и части американской морской пехоты, чтобы подавить революционно-демократические силы и прибрать Маньчжурию к своим рукам, этот порт оказался для них закрытым, а другие маньчжурские порты для таких целей были непригодны. В результате грандиозная чанкайшистско-американская операция по «реоккупации» Маньчжурии фактически сорвалась.

При выработке решений по вопросам Дальнего Востока советской дипломатии удалось преодолеть и многие другие трудности и обойти «подводные камни» дипломатии США и Англии. Последние пытались, во-первых, поставить Ялтинское решение в полную зависимость от согласия Чан Кайши и, во-вторых, хотели, чтобы об этом согласии договаривалось с Чан Кайши само Советское правительство. А. Гарриман заявил В. М. Молотову в Ялте 8 февраля 1945 г., что «президент Рузвельт не согласится принимать окончательного решения по вопросу о портах и железных дорогах в Маньчжурии без согласия на это Чан Кайши»⁸⁹.

Советское правительство не возражало против согласования указанных вопросов с правительством Китая. Напротив, оно выразило готовность заключить пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем «для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения от японского ига»⁹⁰. Одновременно Советское правительство должно было считаться с тем, что оно имеет дело с правительством, тесно связанным с империалистическими кругами США и Англии, поэтому оно не взяло на себя ответственность за получение одобрения указанных решений со стороны Чан Кайши. И. В. Сталин заявил Ф. Рузвельту, что ему неудобно брать на себя такую миссию как непосредственно заинтересованной стороне, и предложил, чтобы эту задачу взял на себя президент США⁹¹. Ф. Рузвельт обещал «принять меры к тому, чтобы было получено такое согласие»⁹². Он заявил, что в обусловленное с Советским правительством время им будет направлен через Москву специальный представитель с поручением информировать Чан Кайши о достигнутых в Ялте соглашениях.

Советской делегации удалось связать США и Анг-

лию четко и ясно сформулированными обязательствами о том, что записанные в соглашении условия вступления СССР в войну с Японией, т. е. решения по Дальнему Востоку, «должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией»⁹³.

Это соглашение соответствовало общей политике союзников в отношении милитаристской Японии, ее колониальных захватов в Азии, как она была сформулирована в Каирской декларации от 1 декабря 1943 г., подписанной США, Англией и Китаем, в которой указывалось, что Япония должна быть также изгнана со всех захваченных ею территорий.

Принятые на Ялтинской конференции согласованные решения явились результатом определенного компромисса и взаимных уступок по целому ряду вопросов, которые были сделаны как Советским Союзом, так и правительствами США и Англии.

Президент Рузвельт в своей позиции на Ялтинской конференции, как и в вопросах советско-американских отношений в целом, руководствовался не только соображениями, связанными с войной против стран «оси», но и пониманием того, по свидетельству американских историков, что «послевоенный мир может быть успешно построен только при сотрудничестве с Советским Союзом»⁹⁴.

В одной из записок, подготовленной помощником Ф. Рузвельта генералом Бэрнсом задолго до встречи в Крыму и отражавшей взгляды президента США и его единомышленников, подчеркивалось: «Если союзники победят, то Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание»⁹⁵.

Такой реалистический подход к международным проблемам и вопросам советско-американских отношений, возросший международный авторитет СССР позитивно сказались на результатах Ялтинской конференции, в том числе по вопросам Дальнего Востока.

Впоследствии, когда сторонники антисоветского курса в США и Англии вступили на путь разжигания «холодной войны», они избрали в качестве одного из объектов своих нападок решения Ялтинской конференции,

в частности соглашение по Дальнему Востоку. Они заявляли, что Советский Союз якобы получил «односторонние» выгоды от этого соглашения, обвиняли Ф. Рузвельта в чрезмерной «уступчивости» и даже в неспособности вести переговоры с русскими. В числе критиков Ф. Рузвельта выступали деятели, которые ранее горячо поддерживали Ялтинское соглашение, участвовали в его выработке, а один из них, У. Черчилль, подписал его. В своей речи 5 марта 1946 г. в Фултоне и в последующих публичных выступлениях он пытался отмежеваться от него. В мемуарах «Вторая мировая война» У. Черчилль заявил, что Ялтинское соглашение «считалось делом американцев» и вся ответственность за него «падает на их собственных представителей». Он утверждал далее, что для Англии «эта проблема была далекой и второстепенной», что при выработке соглашения с английской стороной «не консультировались, а лишь предложили нам его одобрить»⁹⁶.

Но тут же, противореча сам себе в оценке значения Ялтинского соглашения для союзников, У. Черчилль подчеркивает, что, по оценке имериканского командования, для разгрома Японии требовалось «полтора года после капитуляции Германии» и, «если бы Россия все еще оставалась нейтральной, большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту самой Японии»⁹⁷. Столь же противоречивыми были выступления и других деятелей, в частности генерала Маккартура, который во время войны не допускал возможности быстро разгромить Японию без участия Советской Армии.

Факты показывают, что вся пропагандистская кампания, развернутая после окончания войны вокруг решений Ялтинской конференции, и в частности вокруг соглашения по Дальнему Востоку, не имела под собой никаких серьезных оснований. Конструктивные решения Ялтинской конференции диктовались объективными условиями, и прежде всего реальным соотношением сил в лагере стран антигитлеровской коалиции, сложившимся в результате героических усилий советского народа, всемирно-исторических побед его вооруженных сил на фронтах Великой Отечественной войны. В то время как войска США и Англии отступали в Арденнах, не выдержав сравнительно слабых ударов гитлеровцев,

Советская Армия, придя им на выручку, развернула такое стремительное наступление, которое гитлеровские генералы впоследствии характеризовали как невиданное «со времени гибели Римской империи» ⁹⁸.

В книге «Смысл Ялты» авторы ее, американские историки, вынуждены были признать, что «возможности западных держав для ведения торго в Ялте были ограничены реальностями сложившейся военной обстановки» ⁹⁹. Они отмечают серьезные неудачи США и Англии на западном фронте в то время, когда советские «передовые части находились на расстоянии менее сотни миль от гитлеровской столицы... Таковы были факты, с которыми ничего не могла поделать личная дипломатия» ¹⁰⁰.

В результате твердой и умелой позиции советской дипломатии на Ялтинской конференции были заложены основы послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Условия вступления Советского Союза в войну в этом районе мира срывали расчеты США на установление своего контроля над Южным Сахалином, Курильскими островами, Маньчжурией, Кореей; лишали их возможности использовать эти стратегически важные районы против Советского Союза, а также против народов Китая, Кореи, Индокитая и других стран Азии, боровшихся за свою свободу и независимость.

ДИПЛОМАТИЯ СССР, США И КИТАЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Отношения Китая с СССР и США на завершающем этапе войны на Дальнем Востоке

Советско-китайские отношения в период войны Китая с Японией были очень противоречивыми и сложными. Политика гоминьдановского правительства характеризовалась непоследовательностью, внутри гоминьдана действовали силы и группировки, отражавшие самые различные политические интересы. Наряду с открытыми и полускрытыми прояпонскими элементами существовала так называемая группировка «политических наук», тяготевшая больше в сторону американцев, но не возражавшая и против улучшения советско-китайских отношений. Было также немало политических, государственных и военных деятелей, представлявших собой левое крыло гоминьдана, которое выступало за развитие дружественных отношений с Советским Союзом. Соотношение сил между этими группировками постоянно колебалось под влиянием внутренней обстановки в стране и воздействием трех главных для Китая внешних факторов — Японии, Соединенных Штатов и Советского Союза.

По мере приближения конца войны США усиливали свои позиции в Китае. На смену советским военным специалистам в Китай пришла масса американских военных и других советников, консультантов, экспертов, заполонивших руководящий аппарат военных, государственных, хозяйственных и других органов. Этому процессу содействовал Чан Кайши, который видел в лице США надежную силу, на которую он может опереться

в борьбе с «коммунистической опасностью», т. е. с демократическими силами в Китае.

Вместе с тем складывающаяся под воздействием побед Советского Союза обстановка в мире заставляла Чан Кайши искать новые подходы к вопросам своих отношений с Советским Союзом.

Хотя после Ялтинской конференции Чан Кайши не был информирован о достигнутом на нем соглашении по вопросам Дальнего Востока, по логике вещей он понимал, что после разгрома гитлеровской Германии Советский Союз позаботится о своих интересах на Дальнем Востоке и сыграет здесь свою роль.

Перспективы вступления Советского Союза в войну с Японией, тем более в условиях, когда Китай раздирали внутренние политические противоречия, вызывали у Чан Кайши беспокойство. Его ближайшие советники, китайские и американские, внушали ему мысль о том, что Советский Союз, «заняв» Маньчжурию, оставит ее за собой или «отдаст китайским коммунистам»¹. Если этого не случится, рассуждал Чан Кайши, сам факт участия Советского Союза в разгроме Японии, пребывания советских войск на китайской земле будет иметь такие последствия с точки зрения политического влияния на обстановку в стране, значение которых трудно переоценить.

Ввиду этого Чан Кайши вынужден был искать улучшения отношений с Советским Союзом, договариваться по имеющимся нерешенным вопросам. С этими соображениями Чан Кайши выступил на состоявшемся в первой половине мая 1945 г. VI съезде гоминьдана. Он заявил, что Советский Союз, вступив в войну с Японией, не решится на «захват» Маньчжурии, не пойдет на передачу Маньчжурии КПК и будет вынужден считаться с позицией США и Англии, которые в нужный момент «придут на помощь» китайскому правительству. Группа видных политических и военных деятелей выступила на съезде с резолюцией, в которой требовала сближения с СССР, установления с ним всестороннего сотрудничества и предложила ряд важных практических мер в этом направлении. Съезд согласился с соображениями о целесообразности улучшения отношений с СССР, но предложенную резолюцию отклонил как слишком радикальную².

Готовясь к переговорам с Советским Союзом, Чан Кайши предлагал США быть или прямыми участниками этих переговоров, или по крайней мере «гарантом» на стороне гоминьдановского правительства. Американская дипломатия, выражая готовность оказывать всю необходимую поддержку Чан Кайши, по тактическим соображениям предпочитала действовать более гибко, чем это предлагал Чан Кайши. Во время визита в Китай в июне 1944 г. вице-президент Г. Уоллес заранее предупредил его, что США не будут выступать в качестве посредника в переговорах между Китаем и СССР³.

Тем не менее все основные вопросы, касающиеся отношений Китая с Советским Союзом, обсуждались, «прорабатывались» и согласовывались между Чунцином и Вашингтоном. В частности, Чан Кайши советовался с американцами, кого именно послать в Москву на переговоры с СССР, и, когда выбор остановился на Сун Цзывэне, посол США в Китае, генерал П. Хэрли, 4 февраля 1945 г. по просьбе Чан Кайши телеграфом передал в Вашингтон программу переговоров для согласования и внесения тех или иных изменений, которые в Вашингтоне нашли бы нужным сделать.

Отвечая на эту телеграмму П. Хэрли, госдепартамент подчеркнул в своих указаниях послу: «Стремясь, как всегда, быть полезными китайскому правительству, мы не должны создавать у него впечатления, что готовы взять на себя ответственность в качестве его „советника“ в отношениях с СССР»⁴.

Однако, несмотря на подобную дипломатическую тактику, Вашингтон был и продолжал оставаться главной опорой Чан Кайши в области внешней политики.

В первых числах июня 1945 г. Чан Кайши обратился через советского посла в Чунцине к Советскому правительству, заявив о стремлении к укреплению отношений Китая с СССР и готовности к обсуждению и решению вопросов, касающихся Маньчжурии (КВЖД, ЮМЖД, Порт-Артур, Дальний), и других вопросов, представляющих интерес для Китая и Советского Союза. Он выразил пожелание заключить с Советским Союзом договор и соответствующие соглашения и дал заверения в том, что возглавляемое им правительство Китая готово решить все вопросы в духе полного взаимопонимания и дружественного сотрудничества. Чан Кайши

особо подчеркнул, что Китай будет глубоко благодарен Советскому Союзу за помощь в освобождении Маньчжурии и восстановлении над ней китайского суверенитета. Он также подчеркивал свою решимость бороться за ликвидацию неравноправных договоров, за территориальную целостность и независимость Китая, и заявил, что в этом Китай рассчитывает на твердую поддержку со стороны Советского Союза.

Одновременно, после получения от правительства США официальной информации о решениях Ялтинской конференции по вопросам, касающимся Китая, Чан Кайши поставил перед Вашингтоном вопрос о том, чтобы США и Англия были участниками любого китайско-советского договора или соглашения⁵.

Вашингтон и Лондон уклонились от такого участия. Они рекомендовали Чан Кайши вступить в двусторонние переговоры с Советским Союзом, как это было предусмотрено на Ялтинской конференции. Государственный секретарь Дж. Грю 18 июня 1945 г. телеграфировал послу П. Хэрли для передачи Чан Кайши, что правительство СССР вряд ли согласится с китайским предложением⁶.

*Борьба СССР против попыток
американо-чанкайшистского блока
ревизовать Ялтинское соглашение
по Дальнему Востоку*

30 июня 1945 г. в Москву прибыла китайская правительственная делегация во главе с председателем Исполнительного юаня (премьер-министром) и министром иностранных дел Сун Цзывэнем. Представитель одной из четырех правящих семей в Китае, тесно связанный с американским капиталом, Сун Цзывэнь получил образование и воспитание в США. Во время войны, будучи главным администратором от китайской стороны по осуществлению программы ленд-лиза для Китая, Сун Цзывэнь приумножил свое и без того огромное состояние на американских поставках. Свое политическое кредо Сун Цзывэнь изложил в одном из своих писем Г. Гопкинсу, в котором он выражал стремление служить интересам укрепления тесных и длительных поли-

тических и идеологических связей между США и Китаем. «Окончив американскую школу, — писал Сун Цзывэнь Г. Гопкинсу, — и вступив по возвращении в Китай четверть века назад на политическую арену, полную превратностей, я всегда неуклонно пропагандировал именно эту идею. Именно с этой целью генералиссимус (Чан Кайши. — А. Л.) назначил меня министром иностранных дел, и вы, не колеблясь, можете рассчитывать на меня как на вашего верного коллегу»⁷.

По прибытии в Москву на аэродроме Сун Цзывэнь сделал очень дружественное в отношении СССР заявление: «Я особенно рад, что имею возможность здесь поздравить армию, народ и правительство Советского Союза с блистательной победой над фашистской Германией... Я выражаю непоколебимую уверенность в том, что искреннее дружественное сотрудничество между Китаем и Советским Союзом принесет огромный вклад в дело установления незыблемого всеобщего мира»⁸.

В таком же дружественном тоне было составлено личное послание Чан Кайши на имя И. В. Сталина, которое привез с собой Сун Цзывэнь. В нем подчеркивалось стремление к развитию отношений прочной дружбы и всестороннего сотрудничества, готовность к решению в этих целях всех вопросов в духе взаимопонимания и т. п. Казалось, это послание Чан Кайши и заявление Сун Цзывэня создавали хорошую атмосферу для переговоров. Однако в ходе переговоров выявились значительные различия в подходе к принципиальным вопросам.

Так, китайская сторона настаивала на том, чтобы был определен строго ограниченный срок пребывания советских войск на территории Маньчжурии, предлагая, в частности, записать обязательство советской стороны вывести свои войска не позже, чем через три месяца после капитуляции Японии. В то же время, как показали последующие события, для пребывания американских войск в Китае никаких ограничений в сроках не ставилось.

Советская сторона заявила, что такое требование является довольно странным, что она не видит необходимости в установлении такого срока, поскольку СССР не собирается держать свои войска на территории Китая после разгрома Японии. Постановку такого вопроса

китайской стороной нельзя расценивать иначе, как проявление недоверия к политике Советского Союза, для чего у Китая нет и не может быть никаких оснований. Советское правительство не стало, однако, настаивать. Было указано, что, поскольку китайская сторона выдвигает такое требование, советская сторона готова принять его.

В ходе переговоров выявились также разногласия по ряду других вопросов. Эти разногласия проистекали из настойчивых попыток китайской стороны ревизовать решения Ялтинской конференции, касающиеся Маньчжурии, а также Монгольской Народной Республики. Китайская сторона особенно упорно отказывалась признать суверенитет МНР. Сун Цзывэнь заявил при этом, что признание независимости Внешней Монголии якобы осложнит вопрос о Тибете и что это вызовет острую реакцию в стране, в результате чего правительство Чан Кайши может пасть.

Сун Цзывэнь обратился через посла США в СССР А. Гарримана к президенту Трумэну за поддержкой в вопросе о Внешней Монголии⁹. Одновременно гоминьдановские реакционные круги развернули в печати антисоветскую кампанию, обвиняя Советский Союз в «империализме», «захватничестве», «отторжении китайской территории» и т. п. Крайне правая группировка «Сиси» пыталась угрожать отзывом из Москвы китайской делегации, выступала с требованием прервать переговоры. Ее обращение к Чан Кайши было, по существу, расписанной по ролям политической игрой с целью повлиять на переговоры, оказать нажим на Советское правительство.

В вопросе о МНР ярко проявилась великодержавная (великоханьская) политика чанкайшистов. Чан Кайши уже на Каирской конференции в ноябре 1943 г. пытался заручиться поддержкой со стороны США в осуществлении своих претензий на территорию МНР. В переговорах с президентом Рузвельтом он поднял вопрос о «возможности и желательности» включения Внешней Монголии, т. е. МНР, в состав Китая¹⁰. При всей благосклонности к Чан Кайши и его правительству Ф. Рузвельт проявил трезвое понимание нереальности осуществления этой затеи. Он уклончиво заявил, что такой вопрос нужно обсуждать путем переговоров с СССР¹¹.

Как признается в документах, опубликованных госдепартаментом, СССР твердо отвел всякие попытки со стороны трумэновской администрации вмешаться в вопрос о МНР на стороне китайского правительства. Согласно записям переговоров в Потсдаме, сделанным Ч. Боленом, И. В. Сталин заявил Г. Трумэну, что претензии Китая на территорию МНР не имеют никаких оснований. Он указал, по словам Ч. Болен, что на протяжении длительного периода у Китая не было и нет никаких связей с Внешней Монголией, поэтому всякие рассуждения о какой-то «потере» для Китая в случае признания суверенитета МНР являются совершенно необоснованными. Китайцы не могут потерять того, подчеркнул И. В. Сталин, чего они не имели¹².

Как впоследствии стало известно, идею поглощения Китаем Монголии вынашивал также Мао Цзэдун, являясь таким образом в данном вопросе союзником Чан Кайши. Еще в 1936 г. Мао Цзэдун заявил в интервью Э. Сноу, что когда народная революция в Китае одержит победу, Внешняя Монголия «автоматически станет частью Китайской Федерации»¹³. Мао Цзэдун обвинял И. В. Сталина в том, что тот совершил «ошибку», не признав (Внешнюю) Монголию как часть Китая. Это несогласие Мао с решением Ялтинской конференции нашло позже отражение, в частности, в том, что на китайских географических картах, атласах, учебниках, изданных КНР в 1952 г., территории, принадлежавшие МНР, были включены в состав Китая¹⁴. В последующие годы экспансионистские устремления Пекина в отношении МНР еще более усилились и получили дальнейшее развитие после смерти Мао Цзэдуна. В редакционной статье «Политика Пекина — угроза нашей безопасности» газета «Унэн» писала 20 апреля 1978 г.: «С момента завоевания МНР независимости милитаристские круги Китая не скрывали своих великоханьских, хищнических устремлений проглотить Монголию и завоевать ее обширные земли. Китай нагнетает напряженность на границе с МНР, организует различные диверсии против нее... Руководство КНР продолжает проводить антимонгольскую политику, нацеленную на обострение монголо-китайских отношений, на ослабление уз дружбы и братства между МНР и СССР»¹⁵.

Вместе с Сун Цзывэнем большую активность во вре-

мя переговоров развил сын Чан Кайши, нынешний преемник его на Тайване — Цзян Цзинго. Сун и Цзян всячески пытались повлиять или оказать давление на Советское правительство, в особенности по вопросу о МНР. Они прибегали к увещаниям, «клятвам» в дружбе и, наконец, к угрозам. Цзян Цзинго заявил послу СССР А. А. Петрову, что гоминьдановское правительство не может согласиться на признание независимости Внешней Монголии, что переговоры из-за этого зашли в тупик и им угрожает срыв.

Советское правительство заняло твердую и бескомпромиссную позицию по вопросу о МНР и дало решительный отпор притязаниям китайской стороны. Цзян Цзинго было сказано, что тупик в советско-китайских переговорах создан целиком китайской стороной и от нее зависит скорейший выход из создавшегося положения. Была подтверждена твердость и непоколебимость позиции Советского правительства в вопросе предоставления полного суверенитета МНР и решимость отстаивать эту позицию до конца.

Острые дебаты на переговорах вызвал также вопрос о КВЖД и ЮМЖД. Решения Ялтинской конференции предусматривали совместную эксплуатацию КВЖД и ЮМЖД на началах организации смешанного советско-китайского общества с обеспечением «преимущественных интересов Советского Союза»¹⁶.

Положение о «преимущественных интересах СССР» распространялось и на некоторые другие пункты Ялтинского соглашения, касающиеся принадлежащего СССР имущества в Маньчжурии. Однако в ряде вопросов Советское правительство в интересах сотрудничества и добрососедства с Китаем пошло на уступки, учитывая просьбы китайского правительства. Советская сторона согласилась, в частности, рассматривать КВЖД и ЮМЖД как совместную собственность СССР и Китая. Но китайская сторона пошла дальше. Во-первых, она настаивала, чтобы железные дороги были не совместной собственностью, а собственностью Китая. Во-вторых, она предложила вывести из-под юрисдикции проектируемого советско-китайского общества все вспомогательные железнодорожные линии, всю разветвленную железнодорожную сеть Маньчжурии, оставив за обществом лишь одни магистральные линии бывших КВЖД и ЮМЖД.

В-третьих, китайская сторона стремилась лишить железные дороги обслуживающих их вспомогательных предприятий (железнодорожных депо, мастерских, различных гражданских сооружений и т. п.), без которых существование дорог было бы немыслимо. Советская сторона заявила, что СССР не претендует на все предприятия, работающие на нужды железных дорог Маньчжурии, и настаивает на сохранении за дорогами лишь тех предприятий и сооружений, которые были построены на средства нашей страны и обслуживали эти дороги.

Большие дискуссии развернулись по вопросу об управлении дорогами. Китайская сторона, пытаясь игнорировать положения Ялтинского соглашения о преимущественных правах Советского Союза, настаивала на том, чтобы управляющий Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД), как должны были называться КВЖД и ЮМЖД после создания совместного советско-китайского управления этими дорогами, назначался китайским правительством, другими словами, стремилась ограничить административные права Советского Союза (что стояло за этой позицией, будет рассмотрено ниже). Китайская сторона мотивировала свои притязания интересами обеспечения государственного суверенитета Китая. Советская сторона указывала, что речь идет о чисто хозяйственной деятельности в интересах обеих стран и что суверенитет Китая в данном случае не затрагивается. Советские представители твердо отстаивали Ялтинские решения по этому вопросу, а эти решения совершенно ясно предусматривали преимущественное положение Советского Союза, согласно которому управляющий дорогой должен назначаться советской стороной, а заместитель — китайской.

Выдвигая свои требования, идущие вразрез с Ялтинским соглашением, китайская сторона пыталась превратить вопросы, касающиеся КЧЖД, в предмет политического торга вокруг вопроса о Внешней Монголии. Китайская сторона предлагала СССР пойти на уступки по вопросам, касающимся железных дорог Маньчжурии, в обмен на уступки по вопросу о Внешней Монголии. Советское правительство решительно отвергло это предложение и отказалось его обсуждать.

Важным был также вопрос о характере перевозок по КЧЖД. Китайская сторона предлагала включить в со-

глашение пункт, предоставляющий гоминьдановскому правительству в одностороннем порядке право использования КЧЖД для военных целей, имея в виду перевозку войск, военных материалов и т. п. Советская сторона категорически выступила против такого требования. Она заявила, что КЧЖД является коммерческим предприятием, предназначенным для перевозки товаров, а не войск. Эта принципиальная позиция Советского правительства сыграла впоследствии исключительно важную роль для судеб китайской революции. Когда Чан Кайши при поддержке американцев пытался было использовать Китайскую Чанчуньскую железную дорогу для перевозки войск в Маньчжурию в целях подавления здесь революционно-демократических сил, СССР, опираясь на договор, решительно отказал чанкайшистам в этом.

Важное место в Ялтинском соглашении трех великих держав по Дальнему Востоку занимали вопросы интернационализации торгового порта Дальний с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР¹⁷. В ходе обсуждения вопросов о Порт-Артуре и Дальнем на советско-китайских переговорах Советское правительство пошло навстречу пожеланиям китайской стороны и не стало настаивать на аренде. Китайская сторона, однако, этим не удовлетворилась. Сун Цзывэнь, ссылаясь на «твердые» инструкции из Чунцина, добивался, чтобы в административном отношении военно-морская база Порт-Артур и порт Дальний находились фактически под контролем китайцев. В качестве «компромиссного» решения Сун Цзывэнь предлагал создать смешанную советско-китайскую военную комиссию для управления порт-артурской базой, но во главе комиссии должен быть китайский представитель.

Что касается Дальнего, то китайская сторона настаивала на том, чтобы в ее руках находились не только городская администрация Дальнего, но и управление самим Дальнинским портом. Китайские представители требовали, чтобы начальник порта назначался китайским мэром города. Китайская сторона мотивировала свои требования о предоставлении ей контроля над Порт-Артуром и Дальним тем, что в противном случае

это помешает Китаю бороться за возвращение Коулунского п-ова и Гонконга.

Китайской стороне было указано, что требование о подчинении Дальнего и Порт-Артура идет вразрез с Ялтинским решением, которое в самом начале советско-китайских переговоров было с согласия китайского правительства положено в основу этих переговоров. Китайским представителям было указано также, что в случае установления китайской стороной своего контроля над этими портами КВЖД и ЮМЖД в значительной мере утратят свое значение для Советского Союза, возникнут трудности для их использования и будет создана почва для возникновения различных конфликтов, как это уже имело место в прошлом. Было подчеркнуто также, что речь идет о временном использовании портов и что через некоторое время необходимость в них отпадет и в определенные соглашениями сроки СССР откажется от них. Что же касается Коулунa и Гонконга, в лице Советского Союза Китай будет иметь самого надежного союзника в решении этого вопроса.

После длительных дискуссий китайская делегация заявила, что она исчерпала все предоставленные ей Чунцином полномочия и ей необходимо запросить дальнейшие инструкции в связи с расхождением позиций сторон.

Дальнейший этап переговоров совпал по времени с началом Потсдамской конференции. 13 июля 1945 г. руководители Советского правительства выехали в Потсдам. Сун Цзывэнь заявил, что он хотел бы воспользоваться перерывом в переговорах, чтобы лично доложить о ходе переговоров Чан Кайши и получить дальнейшие указания своего правительства. Так закончилась первая стадия переговоров.

После завершения Потсдамской конференции советско-китайские переговоры возобновились не сразу, так как Сун Цзывэнь медлил с возвращением в Москву и прибыл сюда лишь 6 августа. Кроме посещения Чунцина, где состоялось обстоятельное обсуждение советско-китайских переговоров с руководителями гоминьдановского правительства, Сун Цзывэнь совершил поездку в Вашингтон для консультаций с Г. Трумэном и другими американскими руководителями. Трудно сказать, сколько времени заняли бы эти консультации, если бы не

стремительное развитие событий на Дальнем Востоке, которое лишило американскую и чанкайшистскую дипломатию свободы дальнейшего маневрирования.

Верный своим обязательствам, взятым по Ялтинскому соглашению, Советский Союз форсированными темпами осуществлял широкие приготовления к разгрому японских армий. Близился день вступления советских войск на территорию Китая. В этих условиях, как признает Д. Ачесон в «Белой книге» госдепартамента США, в Вашингтоне, как и в Чунцине, не решались оставлять вопросы советско-китайских отношений открытыми и неурегулированными соответствующим договором. Американцы поторопили Сун Цзывэня с возвращением в Москву к столу переговоров, которые возобновились 7 августа 1945 г.

Переговоры начались с обсуждения по существу всего перечня вопросов, которые дискутировались на первом этапе. Это обсуждение продолжалось вплоть до подписания советско-китайского договора и соглашения 14 августа 1945 г.

Ход переговоров показал, что гоминьдановское правительство по-прежнему уклонялось от установления отношений подлинной дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Китаем.

Такая позиция чанкайшистского Китая в значительной степени определялась политикой правящих кругов США, которые после прихода в Белый дом Г. Трумэна взяли курс на обострение отношений с Советским Союзом и раздувание «холодной войны».

Как видно из опубликованных в США официальных документов, сразу же после смерти Ф. Рузвельта и прихода на пост президента Г. Трумэна Белый дом и госдепартамент стали изыскивать возможности для пересмотра Ялтинских соглашений по Дальнему Востоку в интересах США. В то время, когда Советский Союз перебрасывал свои войска из Европы на Дальний Восток и полным ходом осуществлял подготовку к объявлению войны Японии, в правительственных кругах Вашингтона проходили напряженные дискуссии и консультации по указанному вопросу в плане пересмотра политики США по отношению к СССР в целом. Были созданы специальные консультативные группы, даны поручения госдепартаменту, военным и другим ведом-

ствам подготовить и представить на рассмотрение правительства США свои соображения и рекомендации.

В Белом доме началась серия совещаний. Ряд видных дипломатических и военных деятелей, участвовавших в этих совещаниях, предлагали Г. Трумэну занять «жесткую позицию в отношении СССР»¹⁸. Так, специально прибывший из Москвы для консультаций американский посол в СССР А. Гарриман на заседании в Белом доме 30 апреля 1945 г. и на ряде последующих совещаний предложил коренным образом пересмотреть Ялтинские соглашения, включить всю Корею в «зону американской ответственности» и не допустить преобладания «влияния Кремля» в Китае. Ссылаясь на «русскую опасность» и «невыполнение» Советским Союзом международных обязательств, А. Гарриман утверждал, что СССР отступит при первых же «твердых» акциях со стороны США.

В таком же духе выступали и многие другие участники совещаний, критиковавшие политику Ф. Рузвельта, которая якобы позволила СССР установить свое «господство» в Восточной Европе¹⁹.

В целях давления на СССР правительство США 8 мая 1945 г. дало указание соответствующим американским ведомствам о прекращении всех поставок Советскому Союзу по ленд-лизу²⁰. Всем американским судам с грузами для СССР, которые находились в пути, было приказано вернуться в порты США.

12 мая 1945 г. исполняющий обязанности государственного секретаря США Дж. Грю официально направил руководителям военного и военно-морского ведомств записку, в которой запрашивалось их мнение о дальнейшей политике США в отношении Советского Союза, и в частности Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку. В этой записке ставился вопрос о том, следует ли вообще выполнять Ялтинские соглашения и нужно ли добиваться участия СССР в войне против Японии.

Сам Дж. Грю не скрывал, что является противником сотрудничества с СССР, сторонником «жесткого курса». Более того, позже он признавал, что постоянно пропагандировал этот курс в руководящих кругах администрации Г. Трумэна и встречал в этом полную поддержку со стороны президента. «Я не припоминаю сегодня, — пишет он, — никаких существенных расхожде-

ний между президентом и мною ни по какой проблеме»²¹.

Далее в записке от 12 мая говорилось, что если военные ведомства США считают для США невозможным закончить войну с Японией без СССР, то необходимо принять все меры к тому, чтобы максимально ограничить политические последствия советского участия в этой войне. При этом он предлагал выдвинуть перед СССР ряд требований в качестве условий выполнения Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку, в частности требование о том, чтобы Советское правительство «оказало свое влияние на китайских коммунистов», побудив их помочь правительству США «в его усилиях добиться объединения Китая под руководством национального правительства, возглавляемого Чан Кайши»²².

Согласно обязательству, взятому на себя президентом Ф. Рузвельтом в Ялте, США должны были обеспечить согласие Чан Кайши с положениями Ялтинского соглашения, касающимися Маньчжурии. Однако Дж. Грю предложил в своей записке ничего не делать по выполнению этого обязательства до тех пор, пока правительство СССР не согласится на решение вопроса об объединении Китая «на условиях, которые правительство США считает наиболее желательными»²³.

Одновременно выдвигалось требование о том, чтобы СССР «ясно и определенно» присоединился к Каирской декларации в той части, которая касалась Кореи (в этой декларации содержалось обещание, что Корея станет свободной и независимой «в свое время»²⁴, причем впоследствии было разъяснено, что это может означать какой угодно неопределенный срок).

Советскому правительству предлагалось дать согласие на установление над Кореей, после ее освобождения, «опеки США, Англии, Китая и Советского Союза». В этом соглашении с СССР должно быть ясно указано, подчеркивалось в записке, что «только этим четверем опекунам принадлежит право избрания временного корейского правительства»²⁵.

Идеи, содержащиеся в записке от 12 мая, были поддержаны и рядом других видных представителей администрации Г. Трумэна, в частности военно-морским министром Дж. Форрестолом и послом США в Москве А. Гарриманом: Дж. Форрестол пишет в своих дневни-

ковых записях, что на заседаниях в Белом доме с приходом туда Г. Трумэна он ставил под сомнение стратегию на разгром Японии. Он предлагал, пока Япония еще не разбита, рассмотреть дальнейшую политику США «в отношении русского влияния на Дальнем Востоке», решить, на кого делать ставку в противодействии советскому влиянию: «на Китай или Японию». Дж. Форрестол ставил в связи с этим вопрос: не лучше ли в этих целях сохранить Японию как мощную державу с высокоразвитым промышленным потенциалом? ²⁶ В комментариях к публикации этих дневниковых записей главный редактор издания У. Миллис, выражая мнение определенной части правящих кругов США, высказывает сожаление, что идеи Дж. Форрестола не получили в свое время решающей поддержки. Если бы к высказываниям Форрестола «серьезно прислушались», пишет У. Миллис, «впоследствии история могла бы пойти иным путем» ²⁷.

Посол в Советском Союзе А. Гарриман был одним из наиболее ярых сторонников поворота США в сторону «жесткого курса» в отношении СССР. В своих телеграммах из Москвы, а затем, после прибытия в Вашингтон, на совещаниях в госдепартаменте и Белом доме, о чем уже говорилось выше, А. Гарриман поднимал примерно те же вопросы и выдвигал те же идеи, что и Дж. Форрестол.

В своих воспоминаниях А. Гарриман отмечает, что он рекомендовал пересмотреть Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку, мотивируя это тем, что СССР якобы не выполнял решений Ялтинской конференции по Восточной Европе. Под этим «невыполнением» А. Гарриман имел в виду неугодную для США и Англии советскую политику поддержки демократических сил в странах Восточной Европы, освобожденных Советской Армией. Как признает далее А. Гарриман, он предложил пересмотреть политику США в отношении Кореи, поставил вопрос о возможности сохранения Японии «как силы на Дальнем Востоке» в послевоенный период, а также о «возможности и необходимости оказания военной помощи» в районе Индокитая (разумеется, «помощи» в подавлении национально-освободительного движения. — А. Л.). А. Гарриман настаивал, по его словам, на принятии мер «против китайских коммунистов».

Он мотивировал это «опасностью» для США оказаться «перед фактом», когда миллионы китайцев якобы будут готовы «двинуться по приказу Кремля»²⁸.

Под пересмотром политики США в отношении Кореи имелась в виду попытка осуществления вынашиваемой в Вашингтоне идеи установления над ней так называемой опеки, т. е. лишения корейского народа независимости, к которой он стремился. По свидетельству Дж. Форрестола, на заседании в Белом доме 12 мая 1945 г. А. Гарриман заявил, что на конференции в Ялте президент Рузвельт предложил установить для Кореи режим опеки, но договоренности достигнуто не было. Теперь А. Гарриман рекомендовал попытаться осуществить эту идею, игнорируя позицию Советского Союза. Он опасался, что в случае предоставления Кореи полной независимости, на чем настаивал Советский Союз, и создания избранного народом правительства это правительство по своему характеру, «несомненно, будет большевистским или советским»²⁹.

Согласно признанию государственного секретаря Дж. Бирнса, в правящих кругах США более всего негодовали по поводу поддержки Советским Союзом народно-демократических сил в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии и других странах Восточной Европы. «Я опасался, — пишет Дж. Бирнс, — что то же самое случится, когда Красная Армия вступит в Маньчжурию. Мои опасения подтвердились еще до того, как она покинула ее»³⁰.

Дж. Бирнс подчеркивает, что, «говоря откровенно», по указанным соображениям сам он был бы «рад» такому исходу войны с Японией, при котором можно было бы обойтись без участия Советского Союза. Он высказывался за атомные бомбардировки, чтобы «заставить японцев принять капитуляцию на наших (т. е. американских. — А. Л.) условиях»³¹.

Однако сторонникам «твердой позиции» не пришлось долго убеждать президента Г. Трумэна. Он сам высказался за «жесткий курс» в отношении СССР. Он заявил, что если одна часть Ялтинских соглашений нарушена, он будет считать, что все соглашение больше не обязывает ни одну из заинтересованных сторон. Г. Трумэн заявил далее, что отношения с СССР якобы представляют собой «улицу с односторонним движением» и что

он намерен положить этому конец — «теперь или никогда!»³².

На рассмотрение вопросов, поставленных Дж. Грю в связи с необходимостью выработки указаний А. Гарриману, ушла неделя. Руководители военных ведомств, в том числе военный министр США Г. Стимсон и генерал Дж. Маршалл не торопились с ответом. Их «раздумья» были вызваны тем, что в тот момент в США форсированными темпами шли работы над атомной бомбой и представители правящих кругов, посвященные в эти секреты, с нетерпением ожидали окончательных результатов испытаний «нового оружия»³³.

На состоявшемся 14 мая 1945 г. совещании с участием Дж. Грю, Г. Стимсона, Дж. Форрестола, А. Гарримана и Дж. Макклоя Г. Стимсон заявил, что его ведомство пока не готово ответить на поставленные госдепартаментом вопросы, и предложил повременить с возвращением А. Гарримана в Москву, пока «наш курс не прояснится» (имелись в виду испытания атомной бомбы)³⁴. Правящие круги США ждали, когда у правительства США «будет это сверхмощное оружие и мир узнает о нем»³⁵. Так, государственный секретарь Дж. Бирнс откровенно говорил Г. Трумэну: «Атомная бомба создаст для США возможность продиктовать свои условия в конце войны»³⁶.

Однако администрация Г. Трумэна не решалась пойти на разрыв с СССР, на отказ от Ялтинских решений, в том числе по Дальнему Востоку. Одним из главных сдерживающих факторов было то, что США и Англия были не в состоянии закончить войну с Японией без участия Советского Союза. Поэтому ряд видных деятелей администрации Трумэна и в первую очередь военные (в частности, Г. Стимсон и Дж. Маршалл) предлагали действовать в отношении СССР более осмотрительно.

На совещании в Белом доме 18 июня 1945 г. Дж. Маршалл, докладывая об обстановке на тихоокеанском театре войны, подчеркнул, что американские войска все еще находятся на расстоянии 500 км от собственно Японии, в то время как сопротивление японцев становится все более ожесточенным и потери американцев непрерывно возрастают³⁷.

Дж. Маршалл считал невозможным справиться с

Японией даже при наличии атомного оружия. Присутствовавшие на совещании генерал Д. Эйзенхауэр и генерал И. Икер выразили полное согласие с этим мнением³⁸.

На совещании 23 мая 1945 г. Дж. Маршалл одобрительно высказался относительно согласия СССР вступить в войну с Японией. Он заявил, что СССР, если бы захотел, мог бы не выступать до тех пор, «пока мы не выполнили бы всю грязную работу». Дж. Маршалл придерживался того мнения, отмечает Дж. Форрестол, что «идти на риск разрыва (с Советским Союзом. — А. Л.) — дело очень опасное»³⁹.

В поддержку позиции Г. Стимсона и Дж. Маршалла высказывался и адмирал У. Леги. Он предложил вести дело так, чтобы «не закрывать дверь» для налаживания отношений с Советским Союзом⁴⁰.

Объединенный комитет начальников штабов информировал Г. Трумэна, что Квантунская группировка располагает всем необходимым, чтобы вести борьбу неопределенно длительное время⁴¹ даже после захвата собственно Японии. Комитет также подчеркивал, что правительство Японии может перебазироваться в Маньчжурию и Северный Китай, тогда США и Англия не смогут использовать свою главную опору — военно-морской флот — и война примет затяжной характер. В качестве выхода из положения предлагалось обеспечить вступление в войну Советского Союза⁴².

Точка зрения военных наиболее полно была изложена в ответе военного министерства США на записку Дж. Грю от 12 мая 1945 г. Военное министерство высказалось в том смысле, что выдвигать какие-то требования перед СССР и ставить условия, тем более ультимативные — дело совершенно безнадежное и неразумное. Вопрос, вступать или не вступать Советскому Союзу в войну с Японией, «русские» решат без США, «руководствуясь своими собственными военными и политическими соображениями и мало обращая внимание на те или иные политические акции, предпринятые США»⁴³. В записке указывалось, что «вступление русских будет иметь огромный военный эффект, поскольку это значительно сократит срок окончания войны и тем самым спасет жизни американцев», тем более что «Россия в военном отношении способна победить японцев и занять Саха-

лин, Маньчжурию, Корею и Северный Китай до того, как вооруженные силы США сумеют оккупировать эти районы... Более того, русские смогут, если захотят, выждать момент, когда Соединенные Штаты своими силами завершат разгром японской военной мощи, и захватить желаемые ими объекты меньшей для них ценой, нежели в случае вступления в войну в более раннее время» ⁴⁴.

«Из сказанного видно, — отмечалось далее в записке военного министерства, — что мы мало что можем сделать путем нажима на русских в том, что касается Дальнего Востока, не прибегая к применению силы». В заключение подчеркивалось, что для США желательно «иметь полное понимание и соглашение с русскими относительно Дальнего Востока». Правда, военное министерство было бы не против пересмотра Ялтинского соглашения, но в том случае, если бы такой пересмотр помог достижению указанного «полного понимания и согласия». «Однако немислимо, что в настоящее время из пересмотра (Ялтинского соглашения. — А. Л.) выйдет что-либо хорошее» ⁴⁵.

После всех этих дискуссий в американских правящих кругах было решено направить Г. Гопкинса и А. Гарримана в Москву, чтобы «добиться скорейшего вступления России в тихоокеанскую войну» ⁴⁶.

В Москве во время беседы 27 мая 1945 г. Г. Гопкинса и А. Гарримана с И. В. Сталиным последний выразил возмущение Советского правительства в связи с приказом американского правительства о прекращении Советскому Союзу поставок по ленд-лизу. Он указал, что, если США не в состоянии более производить эти поставки, Советское правительство не собирается просить или настаивать, но оно обращает внимание на грубые и недопустимые методы, к которым США при этом прибегли, в частности на приказание судам, находившимся в море на пути в советские порты, возвратиться обратно. И. В. Сталин заявил, что если США рассчитывают использовать вопрос о ленд-лизе для оказания давления на СССР, чтобы сделать его более податливым, то это большая ошибка ⁴⁷.

Г. Гопкинсу и А. Гарриману вместо «наступления» пришлось обороняться. Они вынуждены были сослаться на то, что произошла «техническая неувязка» по вине

отдельных чиновников и т. п., и заверяли, что приказ будет отменен в течение 24 часов.

На встрече 28 мая 1945 г., отвечая на переданную А. Гарриманом просьбу Г. Трумэна сообщить хотя бы приблизительную дату вступления Советского Союза в войну на Тихом океане, И. В. Сталин подтвердил данное Советским правительством на Ялтинской конференции согласие и заявил, что к 8 августа Советская Армия займет уже позиции на маньчжурской границе. Он напомнил при этом о Ялтинском соглашении, об условиях вступления СССР в войну и указал, что это зависит теперь от переговоров с китайским правительством, для чего Советское правительство ожидает прибытия в Москву китайской делегации не позднее 1 июля⁴⁸.

В докладах о результатах своих встреч с советскими руководителями Г. Гопкинс сообщил президенту: «Мы остались весьма довольны переговорами по Дальнему Востоку»⁴⁹.

В телеграмме Г. Трумэну от 28 мая 1945 г. Г. Гопкинс писал: «Сталин не оставил у нас сомнения в том, что он намерен начать военные действия в августе. Поэтому важно, чтобы Сун Цзывэнь прибыл сюда не позже 1 июля»⁵⁰.

Г. Трумэн впоследствии писал в своих мемуарах, что он с удовольствием встретил сообщение о подтверждении Советским правительством обещания вступить в тихоокеанскую войну, «поскольку американские военные эксперты определили, что вторжение в Японию будет стоить американцам по меньшей мере пятьсот тысяч убитыми и ранеными, даже если японские силы в Азии будут скованы русскими на китайской территории»⁵¹.

В послании на имя И. В. Сталина от 15 июня 1945 г. Г. Трумэн сообщил, что премьер-министр Китая Сун Цзывэнь вылетел 15 июня из США через Чунцин в Москву, куда он прибудет в конце июня «для обсуждения деталей подготовки советско-китайского соглашения». В послании указывалось также, что послу США в Китае П. Хэрли даны инструкции уведомить Чан Кайши 15 июня о советских условиях и приложить все усилия к тому, чтобы получить его согласие. Г. Трумэн заверил Советское правительство, что послу П. Хэрли дано указание сообщить Чан Кайши, что правительство США «будет поддерживать Ялтинское соглашение»⁵².

Когда П. Хэрли информировал Чан Кайши о Ялтинском соглашении, последний заявил, что какое бы соглашение Китай ни заключил с Советским Союзом, США и Англия должны быть его участниками. Он предложил также, чтобы Порт-Артур был превращен в совместную военно-морскую базу четырех держав: Китая, США, Советского Союза и Великобритании⁵³.

Это была явная провокация со стороны Чан Кайши, рассчитанная на то, чтобы столкнуть Советский Союз с Соединенными Штатами и Англией. В Вашингтоне нашлось достаточно здравого смысла, чтобы на такую провокацию не пойти. Как будет показано ниже, там решили противодействовать Советскому Союзу в Маньчжурии другими дипломатическими методами.

В телеграмме Дж. Грю от 18 июня 1945 г. П. Хэрли было дано указание передать Чан Кайши, что правительство США не может принять его предложение об участии в совместном использовании Порт-Артура как военно-морской базы, так же как предложения быть участниками «какого-либо другого соглашения, которое китайское правительство решит подписать с Советским Союзом»⁵⁴. В указаниях П. Хэрли было подчеркнуто, «что представляется весьма сомнительным, чтобы Советский Союз пошел на заключение соглашений, которые имел в виду Чан Кайши»⁵⁵.

Перед выездом на переговоры в Москву Сун Цзывэнь имел несколько продолжительных бесед с президентом Г. Трумэном и исполняющим обязанности государственного секретаря Дж. Грю. Он добивался, чтобы США оказали давление на Советский Союз с целью пересмотра Ялтинских соглашений. Как отмечает в своих мемуарах Дж. Грю, Сун Цзывэнь больше всего старался выяснить, как следует понимать в тексте соглашения формулировку «преимущественные интересы» Советского Союза в Маньчжурии. Дж. Грю уклончиво ответил, что он не присутствовал на конференции и поэтому не может интерпретировать соглашение, но вместе с тем заявил, что, по его мнению, эти соглашения будут «сглажены на предстоящей встрече в верхах» в Потсдаме⁵⁶.

С такой же настойчивостью Сун Цзывэнь добивался разъяснения всех «деталей» Ялтинского соглашения в беседе с Г. Трумэном. Как отмечает в своих мемуарах Г. Трумэн, Сун Цзывэнь фактически добивался от аме-

риканского правительства пересмотра Ялтинских решений, касающихся Маньчжурии, заявив, что для Китая «будет трудно согласиться с позицией русских по этому вопросу»⁵⁷.

«Я объяснил Суну, — пишет Г. Трумэн, — как я сделал это и в предыдущий раз, что я очень сильно заинтересован в том, чтобы Советский Союз как можно скорее вступил в войну против Японии, с тем чтобы ускорить окончание войны и тем самым спасти бесчисленное количество жизней американцев и китайцев»⁵⁸.

Сун Цзывэнь добивался более твердых заверений и «установок», как ему вести себя на переговорах в Москве. Г. Трумэн, Дж. Грю, адмирал У. Леги и другие американские руководящие деятели вынуждены были вести «тонкую» дипломатию. Они не могли прямо заявить Сун Цзывэню, что США стоят за отказ от соответствующих положений Ялтинского соглашения, опасаясь, что Чунцин может сорвать переговоры и будет толкать США на прямую конфронтацию с Советским Союзом из-за Маньчжурии, а на такую конфронтацию США не могли решиться.

На заключительной встрече 14 июня Г. Трумэн заверил Суну, что он «ничего не сделает такого, что могло бы нанести ущерб Китаю»⁵⁹.

С такими заверениями общего характера Сун Цзывэнь прибыл 30 июня 1945 г. в Москву. В ходе переговоров Сун Цзывэнь постоянно держал в курсе всех дел не только Чунцин, но и Вашингтон, куда он постоянно обращался через американского посла А. Гарримана за советами по всем вопросам советско-китайских переговоров. Г. Трумэн отмечает в своих мемуарах: «Я поручил послу Гарриману постоянно держать меня в курсе о ходе предстоящих переговоров в Москве»⁶⁰. По мере того как развивались эти переговоры, американская дипломатия, хотя и заявившая Чан Кайши, что она не берет на себя роль посредника, фактически проявляла все большую и большую активность, дирижируя из-за кулис действиями китайской делегации. Так, Чан Кайши писал Г. Трумэну уже после начала переговоров, 10 июля 1945 г.: «Я систематически буду информировать Вас о ходе переговоров через посла Хэрли... И я покорнейше прошу Вас продолжать уделять им большое внимание и время от времени просвещать меня Ваши-

ми советами»⁶¹. Особенно активную роль в этом отношении играл посол США в Москве А. Гарриман. Любопытен в этой связи такой факт: к 11 июля, т. е. за первые десять дней переговоров, Сун Цзывэнь имел пять встреч с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым и столько же встреч с А. Гарриманом⁶².

Американцы фактически контролировали поведение китайской делегации. Так, в телеграмме от 4 июля государственный секретарь Дж. Бирнс поручил А. Гарриману предупредить Сун Цзывэня, что американское правительство ожидает, что с ним проконсультируются, прежде чем будет окончательно выработано то или иное соглашение⁶³. Соответствующие установки передавались из Вашингтона и по другим вопросам.

Большую активность вокруг советско-китайских переговоров в Москве американские дипломатические и военные круги развили в связи и во время Потсдамской конференции. Их больше всего беспокоил вопрос, как бы Советский Союз в результате заключения соглашений с китайской стороной не закрыл американцам двери для политического и экономического проникновения в Маньчжурию и не сорвал экспансионистские планы США. Так, в записке от 13 июля 1945 г., подготовленной госдепартаментом и направленной Дж. Бирнсом президенту Трумэну, предлагалось, чтобы США сами или вместе с Англией «повлияли на Советское правительство с целью изменений в пользу Китая (и других стран) условий, касающихся (порта) Дальнего и железных дорог». И далее предполагалось потребовать от обоих правительств «четких и ясных обязательств, что не будет допускаться дискриминация» в отношении США и что этот принцип будет распространяться «на все районы и операции, которые могут быть объектом соглашения», имея в виду «право равенства доступа для граждан США к портовым сооружениям Дальнего, право аренды и покупки земли для целей бизнеса и проживания, а также право свободного и полного использования сооружений и технических средств железных дорог»⁶⁴.

15 июля 1945 г. военный министр США Г. Стимсон с А. Гарриманом настойчиво рекомендовали Г. Трумэну принять все меры, чтобы получить «абсолютную уверенность в том, что русские не блокируют торговлю

США с Маньчжурией своим контролем над железными дорогами»⁶⁵. 16 июля Г. Стимсон в специальной записке президенту писал: «Не должно быть сделано никаких уступок, которые бы позволили России контролировать или запретить торговлю через Дальний или какой-либо другой порт Маньчжурии. Другими словами, я бы настаивал на том, чтобы с Маньчжурией обращались точно так же, как с собственно Китаем»⁶⁶.

По указанию государственного секретаря Дж. Бирнса и по предложению А. Гарримана работники госдепартамента подготовили ряд документов для президента Г. Трумэна. В этих документах предлагалось, чтобы американское правительство приняло более активное участие в китайско-советских переговорах и фактически «вмешалось в них»⁶⁷. Подчеркивалось, что в вопросах относительно Порт-Артура, Дальнего и маньчжурских железных дорог американское правительство «должно твердо настаивать на строгом ограничении прав Советского Союза» в соответствии с предложениями Суна⁶⁸; добиваться заверения относительно сохранения «исторических американских позиций»⁶⁹. Под «историческими позициями» имелась в виду доктрина «открытых дверей», которую Соединенные Штаты стремились после войны распространить на весь Китай, включая Маньчжурию.

В записке от 23 июля, подготовленной директором отдела по китайским делам госдепартамента США Дж. Винсентом, предлагалось, чтобы правительство США добилось письменного соглашения с Советским Союзом и Китаем о сохранении «исторических позиций Америки — (доктрины) открытых дверей»⁷⁰.

В других документах утверждалось, что Ялтинские соглашения означают «отход от традиционной политики США», и делались рекомендации, чтобы американское правительство выступило с твердой поддержкой правительства Чан Кайши «в деле сопротивления советским требованиям», которые якобы выходили «за пределы того, что было согласовано в Ялте»⁷¹.

Предлагалось, чтобы президент Г. Трумэн поставил этот вопрос перед И. В. Сталиным и В. М. Молотовым и чтобы по договоренности с ними срочно был вызван в Потсдам Сун Цзывэнь для участия в переговорах⁷².

Сун Цзывэнь обратился через А. Гарримана по это-

му поводу к Г. Трумэну, заявив, что он предпочел бы «обсудить рассматриваемые на Московских переговорах вопросы с президентом США и главой Советского правительства И. В. Сталиным во время конференции в Потсдаме»⁷³.

Правительство Чан Кайши пыталось по возможности затянуть переговоры, настойчиво апеллировало к Вашингтону, ожидая, что американцы более «решительно» вмешаются и «заставят» СССР отступить от Ялтинских решений. Перед отъездом из Москвы во время перерыва в переговорах Сун Цзывэнь заявил американскому послу, что он надеется, что во время своих встреч с И. В. Сталиным в Потсдаме президент Трумэн постарается добиться согласия с позицией Китая на переговорах, добьется уступок со стороны Советского Союза или выработает приемлемый для гоминьдановского правительства компромисс⁷⁴.

20 июля Чан Кайши направил в Вашингтон для передачи Г. Трумэну в Потсдам телеграмму с изложением своей позиции, которую он намерен был и дальше отстаивать на Московских переговорах. Эта позиция состояла в следующем.

В обмен на полное признание Советским Союзом суверенитета Китая в Маньчжурии, а также «ясное и определенное» заверение о «прекращении всякой моральной и материальной помощи КПК и группам мятежников» он, Чан Кайши, согласится сохранить статус-кво Внешней Монголии до конца войны, когда будет проведен плебисцит. Он готов будет также:

а) согласиться на предоставление советскому Военно-Морскому Флоту права на использование Порт-Артура как базы совместно с китайским военно-морским флотом, но порт должен находиться под контролем китайской администрации;

б) он (Чан Кайши) против включения Дальнего в зону военно-морской базы, но согласен превратить его в открытый порт под управлением китайской администрации, предоставив Советскому Союзу право использования дока для ремонта торговых судов, а также право на свободный ввоз и вывоз товаров через Дальний;

в) он согласен на передачу управления маньчжурскими железными дорогами совместной советско-китай-

ской компании, но право на владение дорогами должно принадлежать китайскому правительству.

Чан Кайши просил Г. Трумэна поддержать эту позицию перед Советским правительством, «убедить, — как он подчеркивал, — И. В. Сталина в обоснованности указанной позиции»⁷⁵.

В послании И. В. Сталину 20 июля 1945 г. Чан Кайши писал: «Ваша настойчивость в том, чтобы Китай признал независимость Внешней Монголии, явилась для меня неожиданностью... Это будет самым нежелательным для членов моего правительства»⁷⁶.

В качестве условия согласия пойти на уступку по этому вопросу Чан Кайши выдвинул перед Советским правительством требование об удовлетворении своих домогательств по другим вопросам, в частности «не помогать КПК», оказать помощь в «умиротворении» Синьцзяна⁷⁷, т. е. в подавлении там народного движения.

В записке президенту Трумэну в связи с телеграммой Чан Кайши от 20 июля А. Гарриман советовал полностью поддержать позицию Чунцина. Он рекомендовал Г. Трумэну предложить «в качестве компромисса» участие в управлении маньчжурскими железными дорогами США, Китая и СССР. Он заявил, что этот вопрос обсуждался им с Сун Цзывэнем и последний сказал, что «он приветствовал бы такое участие»⁷⁸.

А. Гарриман, Дж. Винсент и другие американские дипломаты в своих рекомендациях высказывались за то, чтобы, в случае если Сун Цзывэню не удастся добиться принятия Советским Союзом этих требований, предложить создание международной комиссии, состоящей из представителей Китая, Советского Союза, США и Англии, для контроля над портом Дальний. Это означало, что США постарались бы прибрать Дальний к своим рукам и были бы фактически хозяевами над ним.

Г. Трумэн был согласен с идеями, которые настойчиво выдвигались представителями госдепартамента и военными. Так, изучив советы, изложенные в записке военного министра Г. Стимсона от 18 июля, президент заверил его, что «политика открытых дверей не пострадает»⁷⁹. В Потсдаме в беседе с И. В. Сталиным президент США поднял вопрос о советско-китайских переговорах, и прежде всего о статусе порта Дальний. США рассматривали Дальний как ворота, которые они

хотели иметь открытыми для широкого проникновения в Маньчжурию. Как отмечает в своих мемуарах Дж. Бирнс, президент Г. Трумэн заявил И. В. Сталину, что Соединенные Штаты хотят быть уверенными, что Дальний будет содержаться в качестве «свободного порта». И. В. Сталин ответил, что, если Советский Союз получит право контроля над ним, он будет иметь статус открытого порта. На заявление Дж. Бирнса о том, что по Ялтинскому соглашению Китай должен сохранить за собой контроль над Дальним, И. В. Сталин, не вступая в дискуссию, ответил, что он намерен возобновить переговоры с Суном, как только возвратится в Москву⁸⁰.

По свидетельству Ч. Болен, И. В. Сталин, отвечая Дж. Бирнсу, подчеркнул, что в переговорах с китайской делегацией советская сторона выступила с более ограниченными предложениями и не стала предъявлять своих прав в Маньчжурии, которые СССР мог бы потребовать для себя, опираясь на Ялтинское соглашение. Ялтинское соглашение предусматривало восстановление прав, утраченных Россией в результате японской агрессии. Это означало, что советская сторона должна была в одностороннем порядке распоряжаться железными дорогами в Маньчжурии, эксплуатировать их в течение 80 лет и в течение этого периода держать в Маньчжурии свои войска для охраны дорог. Глава Советского правительства сказал, что Ялтинское соглашение предоставляло Советскому Союзу такое формальное право, но правительство СССР не стало этого требовать от Китая, ограничившись более скромными пожеланиями. Он подчеркнул далее, отмечает в своих записях Ч. Болен, что советская сторона не собирается «добавлять» что-либо к Ялтинскому соглашению или обманывать китайцев, однако Чунцин ведет себя не солидно, пытается торговаться из-за каждой мелочи. Г. Трумэн и Дж. Бирнс дали понять в беседе с И. В. Сталиным, отмечает далее Ч. Болен, что США более всего заинтересованы в Дальнинском порте⁸¹.

Как показали события, развернувшиеся в Китае после капитуляции Японии, беспокойство руководителей США в отношении статуса Дальнего объяснялось их стремлением воспользоваться этим портом прежде всего для переброски в Маньчжурию гоминьдановских и

американских войск. Однако попытки США перекроить китайско-советское соглашение на американский лад потерпели неудачу.

В книге, опубликованной в 1947 г., Дж. Бирнс более всего выражал сожаление по поводу провала американских расчетов в отношении Дальнего. «Китайцы и русские впоследствии достигли соглашения, — пишет он, — но события показали, что наше беспокойство в отношении Дальнего было оправданным. Спустя два года после поражения Японии Дальний все еще не является свободным портом. Перед тем как корабль сможет зайти в порт, необходимо получить разрешение из Москвы, притом не только для судна, но и для его экипажа»⁸².

Рассматривая маневры американской дипломатии в период советско-китайских переговоров, американский историк Г. Фей признает, что при всем желании достичь своих целей администрация Трумэна боялась заходить слишком далеко. По его словам, Г. Трумэн опасался, что в случае слишком прямого американского давления Советское правительство может отказаться от вступления в войну с Японией. По этим соображениям Г. Трумэн вынужден был отклонить предложение о приглашении Сун Цзывэня в Потсдам, полагая, что это может привести к осложнению, затяжке и даже срыву переговоров. В этом случае, как полагал Г. Трумэн, СССР не вступит в войну, а если вступит, то не будет в своих действиях связан никакими международными обязательствами⁸³.

Вашингтон и Лондон, опасаясь невыгодных для себя политических последствий вступления СССР в войну против Японии, его освободительной миссии на Дальнем Востоке, одновременно опасались и за свои позиции в Европе. Они боялись, что если им одним придется воевать с Японией, без СССР, то их главные силы будут отвлечены на Дальний Восток, в то время как главные силы Советского Союза, рассуждали они, будут находиться в Европе. Еще в мае 1945 г., через 5 дней после капитуляции Германии, Г. Трумэн писал У. Черчиллю: «С точки зрения нынешней обстановки даже трудно себе представить, что могут сделать Советы, когда Германия будет находиться под контролем небольших оккупационных сил, а значительная часть

армий, которые мы могли бы держать здесь, будут сражаться на Востоке против Японии.

Я полностью согласен с Вами, что необходимо поскорее провести трехстороннюю встречу, чтобы достичь договоренности с Россией»⁸⁴.

Исходя из того, что «самая неотложная» причина его поездки в Потсдам «заключалась в том, чтобы получить от Сталина личное подтверждение готовности России вступить в войну против Японии»⁸⁵, Г. Трумэн сообщил 23 июля в своем официальном ответе на телеграмму Чан Кайши от 20 июля, составленном в довольно осторожных дипломатических выражениях, что правительство США рекомендует выполнять Ялтинские соглашения. «Но я не просил Вас, — подчеркнул при этом Г. Трумэн, — чтобы Вы делали какую-либо уступку, выходящую за пределы этого соглашения». Он рекомендовал Чан Кайши «организовать возвращение Сун Цзывэня в Москву и продолжить усилия, чтобы достичь полного понимания с Советским правительством»⁸⁶.

В тот же день государственный секретарь США Дж. Бирнс заявил У. Черчиллю, что он направил телеграмму Сун Цзывэню, «советуя ему не уступать ни по одному вопросу, но возвратиться в Москву и продолжать переговоры, в ожидании дальнейшего развития событий»⁸⁷.

Такова была тактика американской дипломатии. Правительству США хотелось аннулировать Ялтинские соглашения, но оно не могло официально это объявить. Стремясь ревизовать к своей выгоде Ялтинское решение по Маньчжурии, оно предпочитало делать это руками чанкайшистов. Американцы поощряли Сун Цзывэня «держаться до конца», добиваться уступок от Советского правительства, так как каждая такая уступка была выгодна для американского проникновения в Манчжурию.

Тем временем Советский Союз закончил переброску на Дальний Восток крупных военных сил и боевой техники, сосредоточив против Японии полутораmillionную армию.

Оставалось несколько дней до вступления Советской Армии на территорию Маньчжурии, а советско-китайский договор все еще не был заключен и переговоры не возобновлялись. Сун Цзывэнь оставался в Чунцине.

Он решил было послать вместо себя на переговоры только что назначенного на пост министра иностранных дел Ван Шицзе. П. Хэрли при обсуждении этого вопроса с Чан Кайши высказался против снижения уровня китайской делегации. Он заявил, что в Москву должен поехать Сун Цзывэнь или сам Чан Кайши, что «никто другой не может вести переговоры со Сталиным»⁸⁸.

28 июля в записке государственному секретарю Дж. Бирнсу А. Гарриман, настойчиво требуя вмешательства в переговоры с целью оказания поддержки правительству Чан Кайши, рекомендовал потребовать от Советского правительства «подтверждения в письменной форме... поддержки политики „открытых дверей“, в особенности в отношении распространения ее на Маньчжурию»⁸⁹.

В Вашингтоне одобрили предложение А. Гарримана, и 5 августа 1945 г. Дж. Бирнс направил ему телеграмму, в которой поручалось заявить Советскому правительству, что американское правительство

1) считает, что Сун целиком выполнил условия Ялтинского соглашения, и надеется, что Советское правительство не будет настаивать на большем;

2) просит, чтобы не заключалось никакого соглашения, которое могло бы нанести ущерб интересам США, в особенности соглашения, касающегося включения порта Дальний в военную зону; это противоречило бы политике «открытых дверей», и США были бы против этого;

3) предлагает, чтобы Советское правительство заключило с США письменное соглашение, которое должно быть опубликовано одновременно с китайско-советским договором, подтверждающее, что в Маньчжурии будет соблюдаться политика «открытых дверей»⁹⁰.

В телеграмме указывалось также, что американское правительство предпочитало бы, чтобы Дальний был «свободным портом» под китайским административным контролем, и что оно не будет возражать против создания международной комиссии, состоящей из представителей правительств Китая, СССР и США и, возможно, Великобритании, чтобы осуществлять контроль за операциями Дальнего как «свободного порта»⁹¹.

Позицию США поддерживали англичане. 6 августа

в Вашингтоне была получена телеграмма К. Эттли, в которой он писал, что «русские оказывают нажим» на Суна, требуют уступок, «выходящих за рамки Ялтинского соглашения», и что английское правительство готово действовать в этом вопросе в тесном сотрудничестве с США. К. Эттли спрашивал, что собирается предпринять правительство США в «поддержку Китая»⁹². В ответ на этот вопрос Г. Трумэн сообщил К. Эттли содержание указаний, направленных им А. Гарриману⁹³.

6 августа Сун Цзывэнь прибыл в Москву, и на следующий день начался второй этап переговоров. Китайская делегация пыталась по-прежнему упорствовать и создавать трудности в завершении переговоров. В это время события на Дальнем Востоке развивались с молниеносной быстротой.

8 августа правительство СССР объявило войну Японии, а 9 августа советские войска перешли в наступление. К 12 августа, сломив сопротивление японцев, советские войска вышли на оперативный простор — на Маньчжурскую равнину. В направлении Северного Китая, через Внутреннюю Монголию, быстро продвигались другие советские соединения совместно с войсками МНР. Китайский народ встречал Советскую Армию как освободительницу.

Вступление Советского Союза в войну с Японией было с огромным воодушевлением встречено народами стран, боровшихся против держав «оси». Отражая эти настроения, государственный секретарь Дж. Бирнс заявил на специальной пресс-конференции, что Япония должна будет теперь осознать бесполезность дальнейшего сопротивления. «Этот шаг Советского правительства, — подчеркнул далее Дж. Бирнс, — должен сократить продолжительность войны и предотвратить потерю многих жизней»⁹⁴.

В специальном заявлении канцелярии английского премьер-министра Эттли указывалось: «Все мы в Великобритании полностью сознавали и высоко ценили колоссальные жертвы и напряжение, испытанные Россией в результате ее героической кампании против нацистской Германии... Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия,

которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советской России»⁹⁵.

Вступление СССР в войну на Дальнем Востоке горячо приветствовали как в Яньани, так и в Чунцине. В специальном послании главе Советского правительства Чан Кайши писал: «В самом начале оборонительной войны Китая Советский Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности... Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления»⁹⁶.

Такого рода отклики прокатились по всему миру. Вместе с тем правящие круги союзных держав, официально приветствуя вступление СССР в войну против Японии, предпринимали маневры, имевшие целью снизить политическое значение этого исторического шага Советского Союза, и даже на этом последнем этапе пытались ревизовать Ялтинские соглашения.

По признанию президента Трумэна, когда в Москве завершались советско-китайские переговоры, в Вашингтоне вынашивались планы высадки американских войск в Маньчжурии. В частности, А. Гарриман предлагал предпринять высадку войск США «хотя бы на Квантунском полуострове и в Корее»⁹⁷. А. Э. Паули, ведавший вопросами репараций, предлагал как можно быстрее оккупировать южные районы Маньчжурии и Кореи, и прежде всего важнейшие промышленные центры, «развивая операции на север»⁹⁸. 12 августа 1945 г. генерал А. Ведемейер обратился к Верховному командованию США с настойчивой просьбой срочно перебросить в Китай в его распоряжение семь американских дивизий, чтобы «сдерживать коммунистов в Маньчжурии»⁹⁹. Молниеносное наступление советских войск на Дальнем Востоке расстроило эти замыслы американцев. Отданный Г. Трумэном приказ о высадке американских войск в Южной Маньчжурии и занятии Дальнего и Порт-Артура оказался невыполненным¹⁰⁰.

В этих условиях у США и гоминьдановского правительства не оставалось возможностей для дальнейшего маневрирования и затяжки с подписанием советско-китайского договора, они опасались оставлять вопрос о

Маньчжурии «открытым». Еще 28 июля 1945 г. военноморской министр США Дж. Форрестол записал в своем дневнике, что в беседе с ним Дж. Бирнс заявил, что придется скорее заключить соглашение о Маньчжурии, ибо «как только русские войдут туда, их не так легко будет оттуда удалить»¹⁰¹.

Советское правительство, ведя переговоры с гоминьдановским правительством по вопросам, касающимся Маньчжурии, отдавало себе отчет в том, что за спиной гоминьдановцев стоят американцы, которые стремятся использовать их как орудие своей политики на Дальнем Востоке, что на плечах гоминьдановцев американские монополии и военщина США стремятся проложить себе дорогу в Маньчжурию и превратить ее в опорную базу, используемую против СССР и революционно-демократического движения в Китае. В этом заключалась главная опасность и для СССР, и для китайского народа, которую Советское правительство стремилось предотвратить.

Оно понимало, что настойчивое стремление чанкайшистов взять в будущем в свои руки управление Китайской Чанчуньской железной дорогой и всячески ограничить права Советского Союза, вывести из-под контроля КЧЖД железнодорожные ветки, а также обслуживающие дорогу предприятия, различные вспомогательные объекты и т. п. являлось не случайным. КЧЖД должна была иметь не только огромное хозяйственное, но и исключительно важное политическое значение для Китая. Поэтому если формально все эти вспомогательные дороги и обслуживающие предприятия и объекты будут принадлежать Китаю, то в ближайшем будущем они окажутся фактически в руках американцев, которые используют их для того, чтобы мешать деятельности КЧЖД, укреплять свои позиции в Маньчжурии и Северном Китае.

В связи с этим советской стороной были приняты надлежащие меры к тому, чтобы расстроить эти планы, в частности были в срочном порядке подобраны и подготовлены к направлению в Маньчжурию наиболее квалифицированные и опытные советские работники: железнодорожники, инженеры, техники, руководители важнейших железнодорожных и административных служб и другие специалисты.

Следует иметь в виду и другое важное обстоятельство. Через советско-китайские переговоры красной нитью проходило стремление чанкайшистов добиться того, чтобы Советский Союз отказался от поддержки КПК и всех демократических сил Китая в их борьбе с гоминьдановским режимом. В послании И. В. Сталину от 20 июля 1945 г. Чан Кайши подчеркивал, что «для достижения административного и военного объединения Китая необходимо, чтобы Советская Россия не оказывала никакой моральной или материальной помощи китайским коммунистам; любая помощь, оказываемая Китаю, должна предназначаться только национальному правительству»¹⁰².

В этом послании Чан Кайши просил также Советское правительство об оказании «всей возможной помощи... в усмирении мятежников в Синьцзяне» и о том, чтобы в Маньчжурии полностью уважался принцип «территориального и административного единства Китая»¹⁰³.

В телеграмме президенту Трумэну от 9 июля 1945 г. посол США в СССР А. Гарриман докладывал, что Сун Цзывэнь с готовностью пошел бы на уступки на переговорах, «если бы он был уверен, что Советское правительство будет помогать национальному правительству в объединении Китая»¹⁰⁴. Американцы советовали Сун Цзывэню добиваться от Советского Союза «четких и ясных письменных заверений» об отказе в какой бы то ни было поддержке КПК и демократическим силам Китая. В указаниях А. Гарриману по этому вопросу государственный секретарь Дж. Бирнс прямо предлагал рекомендовать Сун Цзывэню требовать от Советского правительства на этот счет «предельно ясно сформулированных обещаний, чтобы в дальнейшем не возникло каких-либо недоразумений»¹⁰⁵.

Что касается Советского Союза, то он твердо и последовательно стоял на своих принципиальных интернационалистских позициях в отношении КПК и всех демократических сил Китая, не поддаваясь ни давлению, ни обещаниям получения экономических и других привилегий в Маньчжурии сверх тех, которые предусматривались Ялтинским соглашением.

Советское правительство в своих заявлениях по этим вопросам ограничивалось подтверждением того, что оно

признавало и признает существующее правительство Китая, оказывало и готово впредь оказывать ему помощь в борьбе с японской агрессией. Что же касается внутривластных проблем, политических партий и сил, выступающих против гоминьдана, то советская делегация подчеркивала, что это целиком внутреннее дело самого Китая и что Советский Союз руководствовался и впредь намерен строго руководствоваться в своих отношениях с Китаем принципом невмешательства во внутренние дела друг друга.

*Подписание советско-китайского договора
о дружбе, союзе и взаимопомощи
и оценка его значения в Китае
и мировым общественным мнением*

14 августа советско-китайские переговоры закончились подписанием договора о дружбе, союзе и взаимопомощи и ряда других документов. В тот же день Япония заявила о своей готовности принять условия Потсдамской декларации.

Советскому правительству удалось отстоять и закрепить в договоре принципиальные позиции, предусмотренные Ялтинским соглашением. По своим целям, содержанию и духу советско-китайский договор полностью отвечал взаимным интересам Советского Союза и Китая. Это был равноправный договор, обеспечивавший скорейшее избавление Китая от японской агрессии и открывавший путь для всестороннего советско-китайского сотрудничества в послевоенный период. Договор предусматривал обязательства обеих сторон не вступать в переговоры с Японией и не заключать сепаратного мирного договора, что отвечало прежде всего интересам Китая, как жертвы японской агрессии. Договор предусматривал также совместное принятие мер для предотвращения новой агрессии со стороны Японии и оказания друг другу помощи в случае нападения на одну из сторон.

Положения договора свидетельствовали о том, что Советский Союз не имеет ни малейших намерений искать каких-либо выгодных для себя сделок с противниками за счет интересов своего партнера, тем более

такого слабого, каким был в то время Китай. Между тем в Вашингтоне такие идеи в свое время вынашивались. Там выражались впоследствии сожаления по поводу того, что США не удалось заключить с Японией мира до вступления СССР в войну. В правящих кругах США считали, что в этом случае расстановка сил на Дальнем Востоке могла бы сложиться «значительно благоприятнее для США»¹⁰⁶.

Одновременно с договором были заключены соглашения: о Китайской Чанчуньской железной дороге (КЧЖД), о Порт-Артуре, о порте Дальний, об отношениях между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию Маньчжурии в связи с войной против Японии.

Соглашение о КЧЖД предусматривало переход в общую собственность и совместную эксплуатацию на равных основаниях бывших Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, объединенных в одну железную дорогу под названием Китайская Чанчуньская железная дорога.

По вопросу о Порт-Артуре правительство Китая согласилось на совместное использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы, оборона которой вверялась правительству СССР. Соглашение о Дальнем объявляло его свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран. Китайское правительство обязалось выделить в аренду СССР пристани и складские помещения в порту.

Указанные соглашения, предоставляя определенные права и выгоды Советскому Союзу, в то же время в условиях конкретной обстановки того времени в не меньшей мере отвечали интересам и самого Китая, который выходил из длительной и опустошительной войны крайне ослабленным и не способным без подлинно дружественной помощи извне сохранить и упрочить обретенную независимость.

Советско-китайский договор и соглашения о Порт-Артуре и по другим вопросам, касающимся Маньчжурии, преграждали путь для американской экспансии в один из наиболее жизненно важных для Китая районов, Маньчжурию, и затрудняли осуществление империалистической политики США в отношении Китая в целом.

Соглашение о совместной эксплуатации КЧЖД и других хозяйственных объектов в Маньчжурии обеспечивало выгодное сотрудничество, которое предоставляло для Китая в условиях его экономической и технической отсталости огромные возможности для заимствования богатого опыта и научно-технических знаний у Советского Союза. О взаимной выгоде соглашений по Маньчжурии и их огромной важности для Китая говорит тот факт, что при заключении в 1950 г. договора между СССР и Китайской Народной Республикой, т. е. в условиях, когда обстановка в Китае в результате победы китайской революции коренным образом изменилась, указанные соглашения не были полностью и автоматически перечеркнуты, а заменены новыми, предусматривавшими более широкое и разностороннее советско-китайское сотрудничество, в котором ведущее место по-прежнему заняла Маньчжурия. Более того, правительство КНР в 1952 г., в условиях угрозы агрессии со стороны США, обратилось с просьбой к СССР о сохранении вооруженных сил в Порт-Артуре до заключения мирного договора с Японией.

Подписание советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. было с одобрением встречено широкой китайской общественностью. За исключением крайне правой профашистской группировки «сисистов», все партии и фракции в Китае высказались в его поддержку.

Заявление главы китайской делегации Сун Цзывэня для печати после подписания договора было выдержано в самых дружественных выражениях. «Я несказанно рад и воодушевлен тем, — заявил Сун Цзывэнь, — что здесь, с одной стороны, я присутствовал при закладке фундамента постоянного мира на Дальнем Востоке, а с другой стороны, увидел окончательный разгром последнего из мировых агрессоров... Прощаясь с Москвой, я выражаю горячее пожелание великому нашему соседу — Советскому Союзу и его народу — самого светлого будущего и счастья»¹⁰⁷.

Орган ЦИК гоминьдана «Чжунянь жибао» в передовой, посвященной советско-китайскому договору, писал о нем как об «эпохальном документе, изменяющем историю всего человечества». Газета «Нэйшнл геральд», официоз МИД Китая, указывала, что китайско-советский договор является взаимовыгодным, что он рассеи-

ваает тревогу за «безопасность северных границ» Китая.

Представители китайских официальных кругов подчеркивали в своих заявлениях, что советско-китайские соглашения гарантируют освобождение Маньчжурии от японской оккупации и возвращение ее Китаю. Восстановление китайского суверенитета в Маньчжурии для Китая было не простой фразой. В годы войны с Японией в официальных и общественно-политических кругах Китая выражалось серьезное беспокойство о судьбе Маньчжурии, о ее принадлежности Китаю после окончания войны. Они не могли не считаться с тем фактом, что на протяжении всей предвоенной истории за Маньчжурию велась непрекращающаяся борьба сильнейших в мире держав, борьба, переходившая в открытые военные схватки и войны, а последние 14 лет Маньчжурия была полностью отторгнута от Китая и превращена Японией в марионеточное государство Маньчжоу-го. Как сложится послевоенная судьба Маньчжурии, это для всех китайских кругов — официальных и неофициальных, правых и левых — было очень важным вопросом. И трезво мыслящие люди в Китае понимали, что только при дружественной поддержке СССР Китай может рассчитывать, что Маньчжурия, вырванная из рук японцев, не попадет под контроль других империалистических держав, и прежде всего США, тем более что китайцы относились с определенным недоверием к Каирской и другим декларациям США и Англии относительно уважения суверенитета Китая и возвращения законно принадлежавших ему территорий. Не случайно даже Чан Кайши в своем заявлении 18 сентября 1945 г. подчеркнул особую роль Советского Союза, который не на словах, а на деле продемонстрировал уважение к чаяниям китайского народа. Он признал, что именно «с военной помощью... Советской России Каирская и Потсдамская декларации претворены в жизнь, северо-восточные провинции Китая (Маньчжурия) освобождены, а проживающие там соотечественники возвращены в объятия Родины»¹⁰⁸.

Руководство КПК полностью одобрило результаты советско-китайских переговоров. Орган КПК «Синьхуа жибао» в статье, опубликованной 17 августа 1945 г., подчеркивал: «Заключение китайско-советского договора о дружбе и союзе является победой для всего китай-

ского народа, оно непременно укрепит уверенность китайского народа в завоевании свободы и демократии»¹⁰⁹.

Мао Цзэдун, говоря о значении советско-китайского договора 1945 г., подчеркивал, что этот договор «устраняет возможность конфликта между СССР и США по китайскому вопросу и затрудняет открытое вмешательство США во взаимоотношения между компартией Китая и гоминьданом на стороне гоминьдана против компартии, а это очень важно»¹¹⁰.

С большим воодушевлением было встречено подписание советско-китайского договора в братской Монголии. Касаясь обмена нотами между правительствами СССР и Китая по вопросу о независимости Монгольской Народной Республики, газета «Унэн» подчеркивала, что это открывает широкие перспективы для дальнейшего расцвета МНР «на равных правах со всеми народами мира... Сегодня, когда монгольский народ добился такого огромного успеха в своем развитии и своей независимости, мы с гордостью отмечаем роль и значение в этом деле нашего старого и испытанного друга — Советского Союза, искреннюю помощь которого монгольский народ никогда не забудет»¹¹¹.

Советско-китайские договор вызвал положительные отклики миролюбивой общественности и реалистически мыслящих представителей политических кругов и других стран мира.

Во всех советско-китайских документах, подписанных 14 августа 1945 г., и в частности в письмах, которыми одновременно обменялись министры иностранных дел СССР и Китая, была четко отражена принципиальная позиция Советского Союза в вопросах, относящихся к внутренним делам Китая.

Так, в письме министра иностранных дел СССР от 14 августа 1945 г. «об оказании помощи центральному правительству Китая, о суверенитете Китая над Маньчжурией и о событиях в Синьцзяне» указывалось, что «Советское правительство согласно оказать Китаю моральную поддержку и помощь военным снаряжением и другими материальными ресурсами». Согласно договору, эта помощь предоставлялась в целях сотрудничества «в совместной войне против Японии до ее безоговорочной капитуляции»¹¹². По вопросу о Маньчжурии в

письме указывалось, что Советское правительство «вновь подтвердило уважение им полного суверенитета Китая над Тремя восточными провинциями и признание их территориальной и административной целостности»¹¹³.

По вопросу о Синьцзяне, в связи с проходившими там событиями (выступлениями населения против гоминьдановского режима), в письме было заявлено, что «Советское правительство подтверждает, что оно... не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Китая»¹¹⁴.

Но правительству Чан Кайши было недостаточно таких общих заявлений. Проблема для него состояла в том, как практически достичь упомянутого выше «военного и административного единства Китая», другими словами, каким образом установить свою власть в Синьцзяне и осуществить «реокупацию» Маньчжурии после ее освобождения от японцев. Однако Советское правительство не намерено было оказывать Чан Кайши помощь в достижении указанных целей.

При заключении советско-китайского договора и соглашений, касающихся Маньчжурии, Советское правительство исходило из учета реально сложившейся к тому времени обстановки в Китае. Эта обстановка характеризовалась превосходством военных сил на стороне правительства Чан Кайши, который, опираясь на эти силы и на мощную поддержку американцев, рвался к решающей схватке с КПК и возглавляемыми ею революционно-демократическими силами Китая, которые к такой схватке не были готовы. По признанию Мао Цзэдуна, армии гоминьдана имели превосходство над вооруженными силами КПК по численности в три с половиной раза, а по своей оснащенности материальными ресурсами — в еще большей степени.

Правильность оценки Советским правительством обстановки и соотношения сил в Китае к моменту советско-китайских переговоров не замедлила подтвердиться в ходе последующих событий. Даже после того, как Квантунская армия в Маньчжурии была наголову разбита и Япония капитулировала, вооруженные силы КПК не смогли воспользоваться благоприятной обстановкой на остальной территории Китая, чтобы овладеть крупными городами, где к тому времени не было ни гоминь-

дановских, ни американских войск. Чанкайшисты приказали японцам не сдавать оружия войскам КПК. Это осложнило положение, но, учитывая моральное состояние японских войск после капитуляции Японии, указанные помехи вряд ли могли быть непреодолимыми, если бы командование КПК располагало достаточно крупными ударными силами и было подготовлено к такому развитию событий.

Так, например, во многих портовых и других крупных городах, находившихся в зоне действия войск КПК, американцы высадили свои войска лишь спустя два месяца после капитуляции Японии. Здесь отсутствовали также какие-либо силы гоминьдана. Однако войска НОА не заняли этих важных пунктов.

Советское правительство понимало, что потребуется определенное время, прежде чем демократические силы достаточно вырастут, окрепнут и хорошо подготовятся, чтобы перейти к решающим боям против чанкайшистских армий.

Правительство СССР исходило из того, что заключаемый с правительством Чан Кайши советско-китайский договор в полной мере содействовал осуществлению этой задачи. Договор открывал путь для осуществления Советским Союзом своей освободительной миссии в Маньчжурии, создания условий для победы демократических сил. В то же время договор создавал благоприятную обстановку для широкого советско-китайского экономического сотрудничества, что имело огромное политическое воздействие на всю ситуацию в Китае. Присутствие советских войск в Маньчжурии, размещение советских военно-морских сил в Порт-Артуре, установление контроля над Дальним, соглашение о совместном с Китаем управлении железными дорогами — все это стало преградой для проникновения США в этот важнейший для развития китайской революции стратегический район.

МАНЬЧЖУРИЯ
ДО ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ
В 1945 г.

Маньчжурия — узел международных противоречий

Маньчжурия (по-китайски — Маньчжоу) — географическое название северо-восточной части Китая. До 1949 г. чаще всего этот район назывался Дун Саньшэнь (Три восточные провинции). После освобождения Маньчжурии от японской оккупации за ней закрепилось название Дунбэй (Северо-Восток). Маньчжурия занимает территорию свыше 880 тыс. кв. км, что составляет около 9% всей территории Китая¹.

К моменту японского вторжения, в 1931 г., Маньчжурия представляла собой экономически наиболее развитый район Китая, располагавший сравнительно крупным промышленным потенциалом и большими возможностями для его быстрого развития. Эти возможности заключались в наличии богатейших залежей угля, руд черных и цветных металлов, горючих сланцев, мощных гидроэнергетических ресурсов, лесных богатств, а также продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

В истории развития китайского государства Маньчжурии принадлежит особое место. В древнейшие времена на ее территории существовали многие государственные образования, созданные различными неханьскими (т. е. некитайскими) племенами. С начала VII в. и до X в. здесь находилось государство Бохай (Приморское). В начале XII в. племена чжурчжэней создали государство Цзинь, подчинившее себе не только всю Маньчжурию, но и Северный Китай. В XIII в. Маньчжурия и весь Китай оказались под властью монгольской династии Юань, просуществовавшей до 1368 г. В конце XV в. на территории Маньчжурии создается государство с пресобладанием в нем группы племен Маньчжур-

ского сейма. В 1636 г. была провозглашена Маньчжурская империя со столицей в г. Мукдене (ныне Шэньян), а народ, населявший ее, стал называться маньчжурами.

Со стороны Китая делались неоднократные попытки проникнуть в Маньчжурию и закрепиться в ней. Но на протяжении многих столетий эти попытки не имели успеха. Более того, сам Китай оказался завоеванным маньчжурами. В 1644 г. маньчжурские правители организовали из Мукдена поход на Пекин, который завершился свержением господствовавшей в Китае минской династии, завоеванием всего Китая и установлением господства маньчжурской династии Цин. Столица Маньчжурской империи была перенесена из Мукдена в Пекин. С этого времени и вплоть до падения династии Цин в 1911 г., т. е. в течение почти 270 лет, Маньчжурия занимала положение коронного владения цинских императоров, а Мукден — второй столицы Цинской империи. Здесь продолжали функционировать все ранее созданные маньчжурами учреждения. В Мукдене находилась резиденция вице-короля, в императорских дворцах хранились наиболее ценные сокровища, которые маньчжурские императоры переправляли из Пекина. Все высшие должности в Цинской империи занимали маньчжуры. Во всех ключевых районах Китая размещались гарнизоны так называемых «восьмизнаменных» войск, сформировавшихся из маньчжур. Стремясь сохранить Маньчжурию как свою родовую вотчину и как военно-политическую опору для поддержания своего господства в Китае, цинские власти принимали строжайшие меры к тому, чтобы воспрепятствовать проникновению китайцев на маньчжурскую территорию. Было запрещено всякое переселение сюда лиц китайской национальности.

Первые шаги по заселению Маньчжурии, особенно ее северных районов, остававшихся на протяжении многих веков безлюдными, были предприняты пекинскими властями во второй половине XVII в., в связи с выходом русских к границам Маньчжурии и освоением Сибири и Дальнего Востока. С появлением русских у северных границ цинские правители стали принимать меры к укреплению в Маньчжурии своих позиций. Они прокладывают дороги, строят укрепленные города, размещают в них военные гарнизоны, создают вокруг них военные поселения из маньчжур и китайцев. В связи с концен-

трацией у северных границ Маньчжурии крупных военных сил, направленных Пекином, между ними и русскими возникали вооруженные столкновения, которые закончились подписанием между Россией и Китаем в 1689 г. Нерчинского мирного договора. После этого пекинские власти снова прекращают заселение Маньчжурии, не допускают сюда китайцев, делают все, чтобы помешать установлению контактов и связей между русскими и населением Маньчжурии, а следовательно, между Россией и Китаем.

Однако вопреки всем ограничительным мерам эти связи постепенно росли, устанавливались и развивались контакты в области товарообмена.

В результате так называемых «опиумных войн» и подавления Тайпинского восстания Китай в значительной степени потерял свою самостоятельность и попал под контроль крупнейших империалистических держав, прежде всего Англии и Франции. Установив свое господство в районах Внутреннего Китая, эти державы обратили свои взоры на Маньчжурию, которая стала объектом ожесточенной борьбы, узлом острейших международных противоречий, «пороховым погребом» на Дальнем Востоке². Вскоре на первый план в этой борьбе выдвигается Япония. В результате войны против Китая, развязанной в 1894—1895 гг. при поддержке США, Япония захватила Ляодунский п-ов, рассчитывая использовать его как плацдарм для дальнейшей экспансии в глубь Маньчжурии. Однако Япония встретила серьезное противодействие со стороны России, Франции и Германии, которые вынудили японцев уйти из Ляодуна. Но японский милитаризм не отказался от своих планов. Временно отступив, он начал подготовку новых акций по захвату Маньчжурии.

В 1897 г. царская Россия заключила с Китаем тайный оборонительный союз в целях противодействия агрессивным планам Японии. В соответствии с этим договором между Россией и Китаем было подписано соглашение, по которому Русско-Китайскому банку было дано право на постройку в Северной Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Она прошла от станции Маньчжурия через Хайлар, Харбин до станции Пограничная (Суйфынхэ). В 1898 г. был подписан новый договор между Россией и Китаем, по ко-

торому Россия получила в аренду на 25 лет южную часть Ляодунского полуострова — Квантунскую область. Здесь была построена мощная военно-морская крепость Порт-Артур и проложена железная дорога, соединившая эту крепость с Харбином и КВЖД. Неподалеку от крепости был построен Россией город и торговый порт Дальний. Россия получила кратчайший выход из районов Сибири к Тихоокеанскому побережью через территорию Маньчжурии и незамерзающий порт Дальний. Для совместной с Китаем эксплуатации дороги было создано специальное общество КВЖД. Фактически железные дороги, крепость Порт-Артур, порт Дальний и многие обслуживающие их объекты были построены на русские деньги и под руководством русских специалистов (КВЖД введена в эксплуатацию в 1903 г.).

Постройка такой крупнейшей магистрали, соединившей Россию с Китаем и связавшей между собой важнейшие районы Маньчжурии, оказала огромное влияние на экономическую жизнь этого богатейшего края, вызвала приток китайского населения из внутренних районов страны, создание и рост ряда городов, торгово-промышленных и культурных центров.

За развитием русско-китайских связей, особенно в Маньчжурии, пристально следили Англия, США и другие державы. Особенно враждебно относилась к развитию связей России с Маньчжурией Япония. В лице России она видела главное препятствие на пути осуществления своих захватнических планов в отношении Кореи и Китая. Чтобы устранить это препятствие, Япония решила развязать войну против России. К этому ее толкали Англия и Соединенные Штаты Америки. Последние настойчиво пытались развернуть широкую экспансию в Китае под флагом провозглашенной в 1899 г. государственным секретарем Геем доктрины «открытых дверей» и вместе с Англией стремились к ослаблению России на Дальнем Востоке.

27 января (9 февраля) 1904 г. внезапным нападением Японии на русскую эскадру в Порт-Артуре и корейском порту Чемульпо началась русско-японская война, в которой Россия, не подготовленная к войне, потерпела поражение.

Но и Япония, несмотря на помощь со стороны США и Англии, была настолько истощена войной, что не мог-

ла ее продолжать. Японское правительство обратилось за посредничеством к президенту США Теодору Рузвельту. При его посредничестве 23 августа (5 сентября) 1905 г. был заключен Портсмутский мирный договор, по которому Россия уступила Японии южную часть о-ва Сахалин и отказалась от прав на аренду Квантунского п-ова с Порт-Артуром и Южно-Маньчжурской железной дорогой. Япония получила широкие возможности для укрепления своих позиций в Корее и Маньчжурии и дальнейшей экспансии на Дальнем Востоке.

После русско-японской войны США также усиливают свою экспансию на Дальнем Востоке, в том числе в отношении Маньчжурии. В 1905 г. они выдвинули проект создания азиатско-европейской железнодорожной магистрали, проходящей через территорию Маньчжурии.

Наибольшую активность проявила монополистическая группировка во главе с «железнодорожным королем» Е. Гарриманом. Накануне заключения Портсмутского договора 1905 г. он отправился в Токио со специальной миссией: добиться согласия японской стороны на совместную эксплуатацию природных богатств Маньчжурии. Была достигнута договоренность о создании в этих целях консорциума, в ведение и под финансовый контроль которого должна была перейти находившаяся в руках японцев Южно-Маньчжурская железная дорога вместе с обслуживающими ее предприятиями. Однако в последний момент Япония изменила свою позицию и отказалась подписать предложенный Е. Гарриманом контракт. Японские правящие круги решили не уступать своих позиций в Маньчжурии никому, а тем более такому мощному конкуренту, как США. Подобный поворот событий не ослабил усилий США по широкому проникновению в Маньчжурию и вытеснению оттуда Японии, России и других держав. В 1909 г. США выступили с «планом Нокса»³, предусматривавшим «интернационализацию» всех железных дорог Маньчжурии, выкуп Китаем КВЖД и ЮМЖД за счет предоставления ему международного займа, а также финансирование строительства новых дорог при участии капиталов всех заинтересованных государств. После провала этого плана (в связи с сопротивлением Японии и европейских держав) США попытались заручиться со-

гласнем китайских властей на строительство — в противовес КВЖД и ЮМЖД — Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. Китайские власти ответили американцам отказом⁴.

Стремясь захватить определенные позиции в Маньчжурии, США рассчитывали затем распространить свою экспансию на Северный Китай, а также на районы Сибири и Приморья. По свидетельству американского историка И. Винсона, в Вашингтоне рассматривали КВЖД как «ключ к контролю над Сибирью»⁵. Захват природных богатств советского Дальнего Востока и Сибири был одной из главных целей участия США в военной интервенции против Советской России. В правящих кругах, в том числе в конгрессе США, открыто высказывались требования распространить навязанную Китаю политику «открытых дверей» на восточные районы Советской России — Сибирь и Приморье. По инициативе США был установлен межсоюзнический контроль над КВЖД и железными дорогами на территории советских районов, занятых интервентами и белогвардейцами. Этот контроль осуществлялся через «Технический совет», в котором доминирующее положение занял американский представитель Смит.

После разгрома белогвардейцев и изгнания интервентов с советского Дальнего Востока США сосредоточили свои усилия на том, чтобы помешать нормализации советско-китайских отношений и восстановлению законных прав Советской России на владение КВЖД.

Поэтому, как только между Китаем и РСФСР начались переговоры, правительство США встало на путь прямого вмешательства, прибегнув к различного рода демаршам, шантажу, угрозам и другим средствам грубого давления на китайские власти. В одном из представлений китайскому правительству оно, решительно настаивая на сохранении статус-кво в отношении КВЖД, т. е. контроля колониальных держав, угрожало, в частности, предъявлением Китаю финансовых претензий всех «кредиторов» дороги, в том числе и в связи с расходами, связанными с использованием КВЖД в военных целях в период интервенции против Советской России. Свои затраты на указанные «нужды» США исчисляли в размере около 8 млн. долл. США требовали от китайского правительства не предпринимать ни-

каких действий в отношении КВЖД без их одобрения и согласия «других заинтересованных держав»⁶.

Такую же позицию заняли Япония, Франция и другие державы. В частности, японское правительство в своем официальном представлении Китаю и Советскому Союзу 7 мая 1924 г. потребовало, чтобы советско-китайское соглашение не затрагивало «права и интересы Японии и ее подданных в отношении Китайско-Восточной железной дороги»⁷. Более того, японцы собирались захватить КВЖД, что они, как известно, проделали несколько позже. К таким же действиям в отношении КВЖД угрожали прибегнуть французские власти под предлогом защиты «прав» бывшего Русско-Азиатского банка⁸.

Однако в результате твердой позиции, занятой Советским правительством, укрепления внутреннего и международного положения СССР, широкой поддержки, которую встретила советская ленинская внешняя политика со стороны китайского народа, китайские власти в конечном счете не подчинились диктату империалистических держав. Переговоры, начавшиеся в Петрограде в ноябре 1917 г. и неоднократно прерывавшиеся ввиду указанных выше причин, закончились подписанием 31 мая 1924 г. в Пекине Соглашения между СССР и Китаем об установлении равноправных дипломатических, консульских и торговых отношений. В ст. IX Соглашения были сформулированы принципы урегулирования вопроса о КВЖД. Одновременно было подписано соглашение о временном управлении дорогой. Был определен статут КВЖД как совместного советско-китайского коммерческого предприятия. Соглашение наносило удар по господству мирового империализма в Китае, оно послужило одним из стимулов развертывания борьбы китайского народа за освобождение от колониального порабощения.

Как уже отмечалось выше, одним из главных соперников США в Маньчжурии и Китае в целом являлась Япония. Отношения между Японией и США после окончания первой мировой войны резко обострились. В. И. Ленин указывал по этому поводу: «Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай»⁹.

Однако на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг., созванной по инициативе США, на Японию было оказано сильное давление и она вынуждена была подписать договор девяти держав о территориальной «целостности и неприкосновенности» Китая. Под этим фактически подразумевалась неограниченная экспансия в Китай иностранного капитала, и прежде всего наиболее мощного — американского.

Уступив на Вашингтонской конференции, Япония ожидала лишь удобного момента, чтобы взять реванш. И когда в капиталистическом мире разразился экономический кризис 30-х годов, японские правящие круги решили действовать. 18 сентября 1931 г. японцы оккупировали Маньчжурию.

*Маньчжурия — военно-промышленная база
и плацдарм для агрессии против СССР и Китая*

Япония рассчитывала превратить территорию Маньчжурии в первую очередь в плацдарм для развертывания дальнейшей агрессии против Китая и нападения на СССР.

Для осуществления этих целей японские оккупанты стремились превратить Маньчжурию в крупнейший на Азиатском континенте за пределами самой Японии военно-промышленный комплекс, сырьевую и продовольственную базу. Определенные основы для этого были уже заложены предшествующим развитием экономики Маньчжурии. Очень важную роль в этом развитии сыграло прежде всего строительство Россией крупнейших железнодорожных магистралей.

Вслед за постройкой КВЖД развернулось железнодорожное строительство, осуществляемое рядом западных держав. К началу первой мировой войны в Маньчжурии было 3,5 тыс. км железных дорог, а к началу 30-х годов их протяженность возросла почти вдвое и составляла 6,5 тыс. км. В целом на долю Маньчжурии приходилось 40% всей протяженности железнодорожных линий Китая¹⁰. Из них лишь $\frac{1}{7}$ была построена самим Китаем, а остальные были построены иностранными компаниями и находились в их руках, за исключением КВЖД, которая находилась под совместным советско-китайским управлением¹¹.

Вместе с развитием железнодорожной сети в Маньчжурии получила довольно быстрое развитие фабрично-заводская промышленность, прежде всего отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Ведущее место среди них занимали предприятия по переработке соевых бобов, а также предприятия мукомольной, сахарной, винокуренной, текстильной промышленности.

Тяжелая промышленность была развита слабо. Тем не менее в связи с эксплуатацией КВЖД были созданы и постепенно расширялись железнодорожные мастерские, а затем и заводы по ремонту и изготовлению средств железнодорожного транспорта и верфи в Харбине и Дальнем. Впоследствии многие из этих объектов, в том числе Дальнинская верфь, выросли в крупнейшие в Китае предприятия. В горнодобывающей промышленности на базе небольших и технически довольно отсталых предприятий по добыче каменного угля и железной руды строились первые, также небольшие металлургические заводы. В целом по развитию промышленности Маньчжурия к моменту оккупации ее японцами занимала второе место в стране (после Шанхайского промышленного комплекса).

Маньчжурия была одним из богатейших районов Китая по запасам различных видов стратегического сырья. Месторождения каменного угля в районах Мишань, Хэган, Фушунь, Фусинь, Сиань, Бэньси, Дунбяньдао были широко известны не только в Китае, но и за его пределами. По данным японской статистики, запасы бурого угля оценивались в 20 млрд. т, а по более поздним подсчетам, они значительно превышали эти размеры¹². В Маньчжурии находилось 60% всех обнаруженных к тому времени залежей горючих сланцев. Она занимала первое место среди районов Китая по запасам железной руды, которые исчислялись в 5,8 млрд. т¹³. Здесь были также большие залежи магнетитов, свинца, меди, марганца, легирующих и редких металлов, алюминиевого сырья¹⁴.

Основная отрасль сельского хозяйства Маньчжурии — земледелие, в котором ведущее место занимает производство зерновых и бобовых культур. В 1943 г. здесь было произведено около 19 млн. т зерна¹⁵. По производству соевых бобов Маньчжурия издавна зани-

мала первое место в мире. На ее долю приходилось до 40% всего производства сои-бобов в Китае (на который приходилось до 80% мирового производства сои-бобов)¹⁶. Здесь получило также развитие производство ценных технических культур: хлопчатника, конопли, льна, шелка. Из 90% мирового производства натурального шелка-сырца 40% давала Маньчжурия¹⁷.

Население Маньчжурии к моменту японской оккупации достигало 30 млн. человек, из которых свыше 90% составляли китайцы. Из других национальных групп наиболее многочисленными были корейцы (за годы оккупации корейское население Маньчжурии возросло до 1,4 млн. человек). В 1931 г. в Маньчжурии было около 230 тыс. японцев, главным образом в Квантунской области. К концу оккупации японское население увеличилось до 1 млн. человек, не считая военнослужащих Квантунской армии¹⁸.

Из прочих иностранцев значительную прослойку составляли русские. Появление русских в Маньчжурии было связано с постройкой КВЖД, Порт-Артура, Дальнего и объектов, обслуживающих дорогу. После Октябрьской революции большая часть русских (в основном служащих КВЖД) приняла советское гражданство и осталась по-прежнему работать на КВЖД и связанных с ней предприятиях. Меньшая часть осталась на положении эмигрантов. Эту группу впоследствии пополнили белоэмигранты, бежавшие из России в годы гражданской войны. В 1935 г. в связи с провокационными действиями японских оккупантов в отношении КВЖД и свертыванием ее деятельности большинство советских граждан возвратились в Советский Союз.

На северо-западе Маньчжурии значительную часть населения составляли монголы.

Оккупировав Маньчжурию, японцы превратили ее в придаток японской экономики, основную сырьевую базу для японской промышленности и обширный рынок для сбыта своих промышленных товаров. В первые же годы оккупации они резко ограничили деятельность здесь других иностранных фирм, а после начала войны на Тихом океане конфисковали их. Аналогичные действия были предприняты и в отношении китайского национального капитала. Япония захватила в свои руки богатейшие земли, лесные угодья, создала крупные поме-

щичьи хозяйства, на отнятых у маньчжурских крестьян землях поселили сотни тысяч японских колонистов.

В экономике Маньчжурии все более широко хозяйничали крупнейшие японские концерны: концерн ЮМЖД, созданный здесь еще в 1907 г., располагавший к 1940 г. капиталом 1400 млн. иен, «Компания развития тяжелой промышленности в Маньчжурии» (МАНГИО), капитал которой в 1940 г. составлял 1,9 млрд. иен¹⁹, а также «Мицубиси», «Мицуи» и др. Промышленные концерны, торговые и другие компании были тесно связаны с командованием Квантунской армии и выполняли все его заказы.

Японцы усиленно развивали в Маньчжурии черную металлургию, предназначенную для удовлетворения потребностей как промышленности самой Японии, так и Квантунской армии. Были расширены заводы в Аньшане и Бэньсиху, началось строительство металлургических предприятий в районе Дунбяньдао. Развитие черной металлургии вызвало расширение добычи железной руды. Если в 1930 г. ее добыча составила 832 тыс. т, то в 1936 г. — уже 1,9 млн. т, в дальнейшем же японцы планировали довести добычу до 12 млн. т²⁰. О мощностях металлургической промышленности Маньчжурии можно судить по таким данным: в 1952 г. на маньчжурских предприятиях было произведено 46% всего чугуна, выплавленного промышленностью Китая, и свыше 50% всей стали²¹.

Из цветной металлургии получило развитие производство алюминия на базе фушуньских алюминиевых сланцев и в небольших объемах производство меди, свинца, цинка.

На базе существовавших здесь железнодорожных мастерских, судоремонтных верфей, доков, паровозово-вагоностроительных заводов и других предприятий, значительная часть которых принадлежала ранее КВЖД и обслуживала ее нужды, японские оккупанты создали более крупные предприятия транспортного машиностроения, в особенности по производству железнодорожного подвижного состава. Они расширили доки в Порт-Артуре, которые стали одной из основных ремонтных баз японского военно-морского флота. В крупный центр судостроения был превращен Дальний. Развертывалось также производство различных видов вооружения для

Квантунской армии. Так, на базе существовавших в Мукдене авиамастерских был построен авиационный завод, который в 1938 г. выпустил первые самолеты. В Мукдене на базе ранее существовавших оружейных мастерских был создан крупный военный арсенал.

В связи с развитием военно-промышленного комплекса японским оккупантам потребовалось расширение энергетической базы, в том числе электроэнергетики. Первые электростанции в Маньчжурии были построены русскими в начале 900-х годов в Дальнем, Порт-Артуре и в ряде других городов, расположенных на КВЖД. По мере проникновения в Маньчжурию японского капитала расширяется строительство электростанций японскими компаниями. В 1941 г. были введены в эксплуатацию гидростанции Цзиньбоху на р. Мудациан и Шуйфын на р. Ялу. Большая часть оборудования была изготовлена на заводах Сименса в Германии. В последующие годы мощность электростанций Маньчжурии была значительно расширена и составила $\frac{1}{3}$ всех электро мощностей Китая, причем $\frac{2}{3}$ производства всей электроэнергии в Маньчжурии приходились на тепловые станции ²².

Большинство промышленных предприятий были размещены японцами в Южной Маньчжурии. По состоянию на 1940 г., здесь производилось в стоимостном выражении 77% всей промышленной продукции Маньчжурии ²³. Основная часть капиталовложений направлялась японскими оккупантами в отрасли, работавшие на войну, прежде всего в горнодобывающую промышленность, металлургию, химическую, в строительство специальных военных заводов. Оборудование для создаваемых и переоборудуемых старых промышленных предприятий ввозилось из Японии, США, Германии, Англии, Швеции и других стран. На строительстве военно-промышленных объектов кроме местных рабочих были заняты миллионы крестьян, в том числе из Северного Китая. Все инженерно-технические кадры и почти все высококвалифицированные рабочие в промышленности и на транспорте были японцами.

Значительно были расширены лесоразработки. На долю Маньчжурии приходилась почти половина всех запасов древесины Китая ²⁴. Крупнейшими центрами лесопильной и деревообрабатывающей промышленности были Аньдун, Гирин, Чанчунь, Харбин и Дальний. В связи

с военно-промышленным строительством и сооружением полевых фортификационных объектов и укрепленных районов было расширено производство цемента и других строительных материалов.

Японские оккупационные власти и марионеточное правительство Маньчжоу-го предпринимали все более активные действия по снабжению Японии продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

В своем выступлении на сессии парламента бывший премьер-министр Японии Тодзио 21 января 1944 г. так оценил роль Маньчжурии в этом отношении: «Разрешение проблемы с продуктами питания окажет огромное влияние на исход войны, и благодаря огромному содействию со стороны Маньчжоу-го нет никаких оснований для беспокойства, какой бы затяжной характер ни приняла война»²⁵.

В декабре 1943 г. в Маньчжоу-го был создан специальный штаб, возглавляемый японцами, по увеличению «производства военного времени». Планы, разработанные этим штабом на 1944 г., предусматривали увеличение на 10% поступлений в распоряжение Японии сельскохозяйственной продукции, на 50 — поставок рыбы, на 20% — заготовок леса и лесоматериалов. Предусматривалось дальнейшее расширение посевных площадей за счет освоения целинных земель, расширение производства на месте и ввоза из Японии сельскохозяйственных машин, химических удобрений, увеличение продуктивности животноводства и увеличение поголовья скота, расширение площадей под посадками леса и т. п.

За год до разгрома Квантунской армии Советскими Вооруженными Силами крупнейшие японские монополии, выполнявшие заказы военного командования, развернули строительство и реконструкцию в Маньчжурии ряда заводов, электростанций, угольных шахт, рудников. В частности, в 1944 г. было намечено построить алюминиевый завод в Аньдуне, расширить на 50% мощность Фушуньского алюминиевого завода, в 3 раза — мощность магниевых заводов в Инкоу; в марте 1944 г. была введена на полную мощность Шуйфынская гидроэлектростанция на р. Ялу, в феврале 1944 г. было решено срочно начать разработки новых медных месторождений, а также создать другие предприятия по добыче стратегического сырья.

Представитель монополий, президент одной из действовавших в Маньчжурии промышленных компаний Тацуносукэ Такахаси заявил: «Маньчжоу-го, являющуюся производственной базой Японии, можно сравнить с центральной частью США, являющейся производственной базой Америки. Вполне понятно, что Маньчжоу-го в скором времени будет играть важную роль в деле наращивания боевой мощи империи» ²⁶.

Маньчжурия рассматривалась милитаристской Японией как плацдарм для подготовки нападения на Советский Союз. На протяжении всех предвоенных лет именно с ее территории японская военщина совершала многочисленные провокации против СССР и Монгольской Народной Республики.

В период второй мировой войны, используя заключенный с Советским Союзом пакт о нейтралитете как ширму для оказания помощи гитлеровской Германии, японская военщина делала все, чтобы сковать на Востоке значительные силы Советской Армии, которые были крайне нужны на советско-германском фронте. Так, Риббентроп откровенно признавал, что концентрацией своих войск на границе с Советским Союзом Япония облегчала положение гитлеровской Германии, «поскольку Россия должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японско-русского конфликта» ²⁷.

Япония снабжала Берлин разведывательными данными экономического, политического и военного характера о Советском Союзе — о Советских Вооруженных Силах на Дальнем Востоке, перебросках советских войск с Востока на Запад, о военной промышленности Советского Союза и т. д. Она чинила серьезные препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке, незаконно задерживала советские суда, допускала случаи их бомбардировок и артиллерийского обстрела. Японцы закрыли Цугарский пролив для прохода советских судов.

Командование Квантунской армии всячески форсировало военные приготовления у границ Советского Союза, создавало мощные укрепленные районы, проводило военные маневры и т. д.

Мероприятия японских и марионеточных властей в Маньчжурии по усилению «обороны северных рубежей» включали также широкую колонизацию северных райо-

нов японцами. Японские колонисты, создававшие военные поселения вдоль границ СССР, проходили специальную военную подготовку, чтобы участвовать вместе с войсками в проведении боевых операций.

Осуществлялась широкая программа дорожного строительства военно-стратегического назначения. Уже к 1941 г. в Маньчжурии было построено свыше 20 тыс. км шоссейных дорог, главным образом в направлении к границам и непосредственно вблизи границ СССР и МНР.

Быстрыми темпами наращивалась мощь Квантунской армии. В 1932 г. численность ее составляла 150 тыс., в 1935 г. — 300 тыс., к июню 1941 г., т. е. к моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, — 480 тыс., а к началу августа 1945 г. — около 1 млн.²⁸. Эти силы были дислоцированы в 11 военных округах и составляли 4 фронта и 6 армий, имевших на вооружении 5 тыс. орудий, 500 танков и бронемашин и до 1 тыс. самолетов.

Чтобы представить себе полную картину военной обстановки с точки зрения сил, противостоящих Советской Армии на Дальнем Востоке, необходимо учесть также крупные японские вооруженные силы, расположенные в Корее, на Южном Сахалине, Курильских о-вах, а также во Внутренней Монголии. С учетом этих войск японское командование держало у советских границ около половины всех своих вооруженных сил. К этому надо добавить 200 тыс. человек полицейских и жандармских частей и соединений и около 200 тыс. солдат марионеточной армии Маньчжоу-го. Кроме того, в Маньчжурии и Корее проходили подготовку и оснащение воинские соединения, предназначавшиеся для различных участков тихоокеанского театра военных действий. Эти части и соединения также в любой момент могли быть брошены против СССР.

*Маньчжурия — один из центров
китайского рабочего движения и вооруженного
сопротивления японским оккупантам*

Одна из важных особенностей, характеризовавшая Маньчжурию к моменту освобождения ее Советской Армией, состояла в том, что здесь в результате промыш-

ленного развития, начавшегося с железнодорожного строительства в конце XIX в., довольно быстро выросли ряды рабочего класса. Влияние Октябрьской революции содействовало политическому формированию пролетарских масс и образованию в Маньчжурии крупного центра рабочего движения, которому впоследствии суждено было сыграть выдающуюся роль в гражданской войне и в завоевании победы китайской революции. Революционное движение в Маньчжурии впитало в себя также боевые традиции передовых отрядов рабочих внутренних районов Китая.

Эти факты необходимо отметить ввиду игнорирования вклада рабочего класса Маньчжурии в революционную борьбу со стороны Мао Цзэдуна и его группировки.

После захвата Японией Маньчжурии 4 октября 1931 г. Северо-Восточное (Маньчжурское) бюро ЦК КПК призвало население края к сплочению сил, к вооруженной борьбе с японскими захватчиками. Первыми против оккупантов выступили рабочие мукденского арсенала, которые 29 марта 1932 г. подняли вооруженное восстание. За ними поднялись углекопы Фушуня, Бэньси, Яньтая, горняки Аньшаня, текстильщики Аньдуна, Лояна, железнодорожники КВЖД, ЮМЖД, Бэйпин-Мукденской железной дороги. Трудящиеся Маньчжурии во главе с рабочими крупнейших промышленных центров и железнодорожного транспорта начали длительную и упорную борьбу с оккупантами. Под руководством коммунистов из отдельных отрядов были созданы анти-японские народно-революционные армии. Численный состав этих армий доходил до 250—300 тыс. человек. Они наносили оккупантам серьезные удары. После 1934 г. в Маньчжурии была создана Объединенная маньчжурская антияпонская армия под командованием Ян Цзинюя, видного деятеля КПК, погибшего в 1940 г. в бою с японскими захватчиками.

Японские оккупанты вынуждены были создавать вокруг городов и вдоль линий железных дорог систему оборонительных сооружений. Они вели постоянную войну с партизанскими отрядами, предпринимая одну за другой карательные экспедиции, со зверской жестокостью уничтожая населенные пункты и истребляя мирное население.

Хотя японские оккупанты и власти Маньчжоу-го неоднократно заявляли, что с силами сопротивления на территории Маньчжурии покончено, в контролируемой японцами печати снова и снова появлялись сообщения о действиях их карательных отрядов. Так, выходящая в Харбине газета «Мансю Ниппо» писала 1 мая 1944 г., что, «несмотря на то, что прошло уже более 12 лет со дня основания государства (Маньчжоу-го), нам приходится держать в провинции Жэхэ крупные вооруженные полицейские силы». В опубликованном 30 декабря 1944 г. сообщении Главного полицейского управления Маньчжоу-го отмечалось, что действовавшие в Жэхэ карательные полицейские отряды с 1 января по 15 декабря 1944 г. имели 419 столкновений с партизанами.

Агентство Кокуцу опубликовало в харбинской газете «Мансю Ниппо» от 16 января 1945 г. сообщение о том, что в 1944 г. в ходе карательных операций, проведенных силами японской армии и полиции, имело место 750 столкновений с партизанами, в которых участвовало свыше 80 тыс. партизан.

Следует отметить, что партизанское движение в Маньчжурии развивалось в значительной степени самостоятельно, вне связи с действиями сил, находившихся под руководством Мао Цзэдуна и его группы. Английский историк Ф. Джонес замечает в связи с этим в своей книге «Маньчжурия с 1931 г.», что «вплоть до августа 1945 г. у яньаньского режима вообще не доходили руки до этой страны» ²⁹.

**БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПРОТИВ ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ ПЛАНОВ США
В МАНЬЧЖУРИИ**

Помощь СССР демократическим силам Маньчжурии

После капитуляции Японии в Китае столкнулись два диаметрально противоположных внешнеполитических курса: курс Советского Союза на поддержку китайского народа в его борьбе за полную национальную независимость, предотвращение гражданской войны, за демократический путь развития Китая и империалистический курс США на подчинение Китая интересам американских монополий, подавление демократических сил, укрепление реакционного режима гоминьдана.

Особенно ярко столкновение этих двух курсов проявилось в Маньчжурии. Советская Армия, выполняя свою интернационалистскую миссию, разгромила японских оккупантов, ликвидировала марионеточный режим Маньчжоу-го, оказала всестороннюю поддержку трудящимся Маньчжурии в создании демократических органов власти. Она помогла им создать свои вооруженные силы, которые впоследствии сыграли решающую роль в разгроме вооруженных сил гоминьдановцев, в завоевании китайским народом победы в масштабах всей страны, ознаменовавшейся созданием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Быстро росли и укреплялись демократические силы в Маньчжурии. Происходила замена старых органов власти в городах и селах народно-демократическими органами, где руководящую роль играли представители рабочего класса и трудового крестьянства.

Активно включились в общественно-политическую, хозяйственную и другие сферы деятельности профсоюзы Маньчжурии. Их представители вошли в состав руководящих муниципальных органов. Профсоюзы брали в

свси руки контроль над производством, создавали свои потребительские кооперативы, клубы, школы, свои органы печати. Все это способствовало тому, что центр китайского рабочего движения переместился в Маньчжурию.

1 августа 1948 г. в Харбине состоялся VI Всекитайский съезд профсоюзов, который объединил профсоюзное движение всего Китая и создал Всекитайскую федерацию профсоюзов. Это был первый форум представителей рабочего класса Китая за 19 лет с момента V съезда профсоюзов, состоявшегося в Шанхае в 1929 г. ¹.

Советское командование заботилось о возобновлении работы школ, решении проблем трудоустройства большой армии безработных из числа рабочих, служащих и интеллигенции. Были приняты меры по обеспечению нуждающегося населения продовольствием и предметами первой необходимости.

Советская военная администрация по-интернационалистски отнеслась к судьбам многочисленной армии рабочих и служащих-японцев, проявила большую заботу об их трудоустройстве, обеспечении продовольствием, топливом и помогла в решении многих острых проблем.

Советскому военному командованию приходилось разъяснять местным китайским партийным и профсоюзным руководителям, что методы грубого администрирования в отношении населения являются порочными и наносят ущерб интересам Советского Союза и Китая, интересам КПК.

В связи с гражданской войной в Китае, обострением внутренней обстановки в Маньчжурии и ненормальной работой транспорта Дальний и другие промышленные центры Ляодунского п-ова оказались в тяжелом положении: уменьшился или полностью прекратился подвоз продовольствия, сырья, топлива; остановились промышленные предприятия, росла безработица, надвигался голод.

Советское военное командование принимало самые энергичные меры к разрешению этих острых проблем. Была организована доставка хлеба с Шаньдунского п-ова и из других районов Китая. Кроме того, советское военное командование в Маньчжурии пресекало подрывную деятельность гоминьдановцев и их попытки формирова-

ния войск из местного населения и бывших частей армии Маньчжоу-го, а также создания диверсионных отрядов и групп.

В официальном заявлении, опубликованном в Яньани 14 февраля 1946 г., ЦК КПК следующим образом оценивал сложившуюся для демократических сил обстановку в Маньчжурии: «После вступления Советской Армии народные массы Маньчжурии взялись за оружие для ликвидации японских и марионеточных войск. Наибольшую активность проявили солдаты и командиры бывшей антияпонской объединенной армии. Численный состав этой армии под командованием Чжоу Баочжуна вскоре вырос до нескольких десятков тысяч человек. К ним присоединились находившиеся в плену в Северном Китае бойцы и командиры 8-й Народно-освободительной армии Китая, а также партизаны и военнослужащие корпуса народных добровольцев в Маньчжурии. На соединение с указанными войсками были направлены (из Внутреннего Китая) части под командованием генералов Маньчжурской 8-й армии и отряды Новой 4-й армии. На базе указанных вооруженных сил была образована маньчжурская Объединенная демократическая армия численностью до 300 тыс. человек, а также созданы корпус охраны мира и полиция...

В районах, очищенных от японцев и марионеток, были созданы избранные народом местные демократические органы власти. В руководство вооруженными силами и в местные органы власти вошли члены разгромленных японцами партийных организаций КПК. На руководящую работу в Маньчжурию была направлена группа членов ЦК КПК, создано Маньчжурское бюро ЦК. В настоящее время в Маньчжурии установлен мир и порядок, возрождается экономическая жизнь: торговля, промышленность, другие отрасли хозяйства, улучшаются жизненные условия населения»².

Таким образом, присутствие Советских Вооруженных Сил в Маньчжурии помогло росту и укреплению демократических сил, превращению их в фактор, сыгравший решающую роль в китайской революции.

Планы экспансии США в Маньчжурии под флагом доктрины «открытых дверей»

В своих политических и военно-стратегических планах на Дальнем Востоке после окончания второй мировой войны США отводили Маньчжурии особое место. Американцев привлекала близость Маньчжурии к советскому Дальнему Востоку, огромные природные ресурсы и довольно крупный промышленный потенциал этого района.

Об экспансионистских целях США в отношении Маньчжурии свидетельствуют многие официальные документы, опубликованные госдепартаментом. Прикрываясь ссылками на «угрозу» Маньчжурии и всему Китаю со стороны Советского Союза и «заботу» США об интересах Китая и о его суверенитете и т. п., американский империализм стремился с помощью чанкайшистов превратить Маньчжурию в экономический придаток монополий США и в крупнейшую военно-стратегическую базу, нацеленную на советский Дальний Восток.

В подготовленном в июне 1946 г. специальном докладе Межведомственного координационного подкомитета по Дальнему Востоку (состоявшего из представителей госдепартамента, военного и военно-морского департаментов США) указывалось, что «ни один из районов Китая не представляет зоны большей опасности для советско-американских отношений, чем Маньчжурия»³. Отмечая исключительно важное значение Маньчжурии в происходившей на Дальнем Востоке борьбе держав в предшествующий исторический период и подчеркивая тот факт, что Маньчжурия с ее огромными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами служила для Японии «главной опорой в ее планах установления мирового господства», авторы доклада отмечали, что «вопрос состоит в том, какое государство воспользуется в своих интересах ресурсами Маньчжурии в будущем».

Их мысль сводилась к тому, что эти ресурсы должны принадлежать США. В докладе подчеркивались преимущества и выгоды, которыми будет обладать государство, контролирующее Маньчжурию. Среди этих выгод американских стратегов привлекало наличие незамерзающих портов — Дальнего, Хулудао, Инкоу и

Порт-Артура, развитой сети железных дорог, соединяющих Маньчжурию с собственно Китаем, Кореей и Сибирью, огромных лесных, а также сельскохозяйственных ресурсов, позволяющих ежегодно выделять на экспорт около 1 млн. т излишков пшеницы, наличие богатых залежей угля, железной руды и т. п.

Приписывая Советскому Союзу «агрессивные» намерения в отношении Маньчжурии, авторы доклада заявляли, что если бы Советскому Союзу удалось «поглотить» Маньчжурию или привязать ее к себе экономически, то это «в огромной степени усилило бы советский военный потенциал» на случай «большой войны на Дальнем Востоке». В докладе неоднократно подчеркивалось, что США не должны допустить использования Советским Союзом Маньчжурии «в целях создания мощной силы в Восточной Азии, которая бы представляла собой серьезную угрозу Соединенным Штатам». Отмечалось также, что без Маньчжурии Китай в предстоящий период лишь номинально будет оставаться в числе главных держав и с превращением Японии в третьестепенную державу «баланс сил в Азии будет отсутствовать».

В докладе обосновывалось распространение на Маньчжурию отстаиваемой США политики «открытых дверей», причем последняя должна была руководствоваться не столько коммерческими целями, сколько соображениями стратегического порядка, поскольку Соединенным Штатам нужен Китай «как противовес России в Азии», а без Маньчжурии он таким противовесом служить не сможет. Поэтому в своих выводах авторы доклада рекомендовали американскому правительству оказать помощь правительству Чан Кайши в установлении его власти в Маньчжурии, «поощрять» его к тому, чтобы оно занимало жесткую позицию в отношении СССР в вопросах, касающихся Маньчжурии, и дать ему заверения в том, что его демарши против «нежелательных» действий со стороны СССР «будут энергично поддержаны Соединенными Штатами».

В целях укрепления позиций США в Маньчжурии в докладе предлагались планы американской «помощи» гоминьдановскому правительству в «восстановлении и развитии» Маньчжурии. Эти планы предусматривали предоставление займов через Экспортно-импортный

банк «для восстановления железных дорог... и других объектов». При этом указывалось, что речь идет о дорогах, «которые не контролируются иностранным капиталом», другими словами, о железнодорожных линиях и других объектах, которые не находились под совместным советско-китайским управлением.

Это показывает, что США стремились к осуществлению тех целей, которые Советское правительство предвидело на китайско-советских переговорах в 1945 г. На этих переговорах Сун Цзывэнь по подсказке американцев стремился максимально ограничить сферу деятельности компании КЧЖД, оставить за ней только главные магистрали и вывести из-под ее контроля предприятия, обслуживающие дорогу. Советское правительство разгадало эти маневры. Оно предвидело, что все, что не будет находиться в совместном советско-китайском владении, вероятнее всего, попадет в руки американцев, и заранее приняло необходимые меры со своей стороны, чтобы воспрепятствовать осуществлению этих американско-чанкайшистских планов. Разумеется, Советскому Союзу пришлось пойти на компромисс: вне рамок соглашения о КЧЖД осталось немало важных хозяйственных объектов, на использование которых СССР имел право по Ялтинскому соглашению.

Планы подчинения Маньчжурии интересам американских монополий под видом «помощи в восстановлении» ее экономики предусматривали также «поставку железнодорожного подвижного состава и строительного оборудования», предоставление Китаю «как можно большего количества технических специалистов и советников», а также «временное» использование в Маньчжурии японских инженерно-технических работников и т. п.

Более того, США планировали в целях создания под их контролем еще более мощного, чем при японцах, военно-промышленного потенциала в Маньчжурии перебросить туда промышленные предприятия и оборудование из Японии якобы в счет причитающихся Китаю репараций.

В докладе подчеркивалось, что США должны «всеми имеющимися в их распоряжении дипломатическими средствами и средствами пропаганды... препятствовать каждому шагу со стороны СССР к расширению сферы своего влияния и экономического контроля в Маньчжу-

рии», другими словами, всячески подрывать влияние Советского Союза и укреплять позиции США. В документе предлагалось, чтобы через свои контакты с гоминьдановским правительством США были «в курсе любого и всех соглашений, которые Советский Союз пожелал бы заключить с правительством Китая».

Доклад Межведомственного координационного комитета по Дальнему Востоку был согласован госдепартаментом с находившимся в Китае генералом Дж. Маршаллом, представлен на утверждение президенту Г. Трумэну и разослан правительственным ведомствам в качестве руководящего документа, «определяющего политику США».

Стремясь к осуществлению своих планов экономической экспансии в Маньчжурии, США вместе с гоминьдановцами выступили против использования Советским Союзом его законного права на военные трофеи — промышленное оборудование и некоторые другие объекты, находившиеся в руках японцев и непосредственно обслуживавшие нужды Квантунской армии. В связи с этим американская пропаганда клеветнически обвиняла Советский Союз в «ограблении» Маньчжурии, пытаясь вызвать недружелюбные чувства к СССР у китайской и мировой общественности.

Одновременно США выступали против установления сотрудничества между Советским Союзом и Китаем в деле совместной эксплуатации промышленных предприятий в Маньчжурии. К этим выступлениям американцев подстрекал Чан Кайши, который, стремясь использовать в своих политических целях заинтересованность американских монополий в природных богатствах и промышленном потенциале Маньчжурии, вел двойную игру.

Через советское командование в Чанчуне и через посла СССР в Чунцине чанкайшистское правительство обратилось к Советскому правительству с предложением «уступить» СССР половину промышленных предприятий Маньчжурии (имелись в виду предприятия Северной Маньчжурии) на условиях совместной эксплуатации в обмен на поддержку в «реокупации» Маньчжурии, хотя по вопросу о «реокупации» чанкайшистам с самого начала было разъяснено, что это сугубо внутрен-

нее дело Китая и СССР вмешиваться в это дело не будет.

Заявляя советской стороне о своем желании и готовности к совместной эксплуатации промышленных предприятий в Маньчжурии, чанкайшисты в то же время заверяли американцев, что не желают идти ни на какое экономическое сотрудничество с СССР. Так, при встрече с генералом Дж. Маршаллом и А. Гарриманом, посетившим Чунцин на пути из Москвы в Вашингтон в конце января 1946 г., Чан Кайши заявил, что командующий советскими войсками в Маньчжурии маршал Р. Я. Малиновский якобы потребовал установления на паевых началах совместной эксплуатации до 70% промышленных предприятий, находившихся в руках японцев, имея в виду, что 51% акций будет принадлежать Советскому Союзу, а 49% — китайскому правительству, и «угрожал», что в случае несогласия на эти условия предприятия будут демонтированы и вывезены в Советский Союз⁴. Сун Цзывэнь тогда же говорил А. Гарриману: «Пусть лучше русские силой заберут оборудование... чем позволить им постоянное присутствие в маньчжурской промышленности!» Он подчеркнул, что участие СССР в экономике Маньчжурии позволит ему будто бы нанести ущерб «суверенитету Китая»⁵.

Разумеется, гоминьдановские лидеры меньше всего беспокоились о суверенитете Китая, которому СССР к тому же ни в коей мере не угрожал. Они боялись политического влияния Советского Союза и поэтому хотели противопоставить ему США и как можно шире открыть двери американскому капиталу, с которым они были теснейшим образом связаны.

Желая припугнуть США опасностью советского «господства» в экономике Маньчжурии, Чан Кайши сообщил А. Гарриману и Дж. Маршаллу, что, возможно, он вынужден будет пойти на предоставление СССР некоторого долевого участия в эксплуатации ряда промышленных предприятий, поскольку, мол, Советский Союз оказывает «давление» на Китай путем задержки вывода своих войск из Маньчжурии, хотя вывод советских войск был отсрочен по просьбе самого же китайского правительства и не имел никакого отношения к вопросу о промышленных предприятиях в Маньчжурии.

А. Гарриман и Дж. Маршалл заявили Чан Кайши,

что он ни в коем случае не должен идти на какие-либо соглашения с Советским Союзом, «даже если это вызовет задержку с выводом советских войск из Маньчжурии»⁶.

Докладывая о своих переговорах с Чан Кайши и Сун Цзывэнем, А. Гарриман и Дж. Маршалл предложили Г. Трумэну предпринять демарш в отношении Советского правительства. «Мы не должны соглашаться с позицией Советского Союза, — подчеркнули они в своей телеграмме в Вашингтон от 30 января 1946 г. — Если мы уступим в настоящее время требованиям русских относительно предоставления Китаю доли участия в этих важных промышленных предприятиях в обмен на отказ от их претензий на военные трофеи, Россия будет господствовать в маньчжурской промышленности и экономике, что серьезно отразится на американских коммерческих интересах и в целом на всей политике „открытых дверей“»⁷.

В связи с этой телеграммой государственный секретарь США Дж. Бирнс дал указание временному поверенному в делах США в СССР Дж. Кеннану обратиться к Советскому правительству с нотой, в которой представитель США должен был выразить «озабоченность» своего правительства в связи с полученными сообщениями «о происходящих переговорах, которые могут привести к установлению исключительно китайско-советского контроля над промышленными предприятиями в Маньчжурии»⁸. Далее предлагалось подчеркнуть, что в условиях, когда доступ в Маньчжурию для граждан других стран закрыт и когда американцы и граждане других союзных держав лишены участия в экономическом развитии Маньчжурии на основе «равенства возможностей», правительство США считает, что соглашения между СССР и Китаем относительно промышленных предприятий Маньчжурии противоречили бы политике «открытых дверей». Они означали бы «явную дискриминацию американцев», которые бы пожелали иметь возможность участвовать в «развитии маньчжурской промышленности», и могли бы поставить «коммерческие интересы США в явно невыгодное положение в области установления будущих торговых отношений с Маньчжурией»⁹.

Другими словами, американское правительство на-

стаивало на том, чтобы Советский Союз признал свободу действий американцев в Маньчжурии, и прежде всего в таких районах, как Порт-Артур, Дальний и Китайская Чанчуньская железная дорога ¹⁰.

В ноте, направленной Советскому правительству 9 февраля 1946 г., американское правительство заявляло также, что вопрос о бывшей японской собственности в Маньчжурии подлежит окончательному решению тех союзных держав, которые несли «основную тяжесть в разгроме Японии» ¹¹. Разумеется, США имели в виду прежде всего себя.

Правительство США предлагало создать межсоюзническую комиссию по японским репарациям, которая должна рассмотреть этот вопрос с учетом претензий «всех сторон». Впредь до решения упомянутой межсоюзнической комиссии правительство США предложило воздержаться от вывоза бывшей японской собственности или совместного использования ее на договорных началах между СССР и Китаем. Оно обращалось к Советскому правительству и правительству Китая с просьбой информировать о любых переговорах по указанному вопросу, «если бы таковые велись или планировались к проведению» ¹².

Аналогичное заявление было сделано посольством США в Китае правительству Чан Кайши. Таким образом формально США делали представление обеим странам, но по существу это был нажим на Советский Союз.

Демарш США в адрес Советского правительства не имел успеха. В своем ответе на американскую ноту от 9 февраля правительство СССР отвергло попытки вмешательства США в вопросы, связанные с бывшим японским имуществом в Маньчжурии. Поскольку фактически речь шла об арсеналах, военных и других предприятиях, которые обслуживали Квантунскую армию, Советские Вооруженные Силы, разгромив эту армию, имели все основания считать указанную собственность своими трофеями. Правительство СССР решительно отклонило предложение США о передаче этого вопроса на рассмотрение репарационной комиссии для Японии, поскольку дело касалось лишь советско-китайских отношений ¹³.

Хотя нота от 9 февраля 1946 г. была прямым вме-

шательством в отношении между СССР и Китаем, правительство Чан Кайши приняло этот демарш в свой адрес «с большим удовлетворением»¹⁴. Оно заявило, что полностью согласно с позицией американского правительства, отказывается рассматривать какие-либо предложения о совместной с СССР эксплуатации промышленных предприятий в Маньчжурии и заверяет правительство США, что оно «может быть спокойным за то, что китайское правительство будет должным образом держать его в курсе будущего развития китайско-советских переговоров»¹⁵.

По получении ответа китайского правительства правительство США 9 марта 1946 г. направило Советскому правительству ноту с изложением его содержания и одновременно заявило, что полностью разделяет позицию правительства Чан Кайши, подтверждает свое предыдущее заявление по этому вопросу и возражает против вывоза из Маньчжурии промышленного оборудования и что, если таковой произведен, то США требуют предоставления им полной информации об этом. В ноте подчеркивалось, что правительство США «в принципе не возражает» против переговоров между СССР и Китаем о «будущем развитии Маньчжурии», но считает, что такие переговоры могут иметь место только после того, как центральное правительство Китая установит свой полный контроль над Маньчжурией, и когда правительства и частные лица других стран будут иметь возможность вести переговоры с китайским правительством о промышленном развитии Маньчжурии, и когда, таким образом, применительно к Маньчжурии будут соблюдаться принципы «открытых дверей и равных возможностей»¹⁶.

К американскому нажиму на Советский Союз выразила готовность присоединиться и английская дипломатия. В переговорах с американцами английские дипломаты высказали идею о том, не следует ли западным державам «показать свои зубы»¹⁷.

В своем ответе американскому правительству правительство СССР еще раз подтвердило свою позицию по затронутым вопросам и отвергло домогательства Вашингтона. На утверждения американцев о том, что позиция СССР якобы не имеет под собой международно-правовой основы и что промышленные предприятия

якобы не могут относиться к категории военных трофеев, Советское правительство заявило, что оно считает эти утверждения совершенно несостоятельными, что позиция СССР в этом вопросе полностью соответствует существующим международным актам, в частности соглашениям, подписанным СССР, США и Англией 28 октября 1944 г. с Болгарией и 20 января 1945 г. с Венгрией. Было указано также, что вопрос о репарациях не имеет никакого отношения к вопросу о военных трофеях и что это совершенно разные вещи¹⁸.

В своем ответе Советское правительство решительно отвергло также попытки вмешаться в советско-китайские отношения под флагом доктрины «открытых дверей». Оно указало, в частности, что эта доктрина не имеет никакого отношения к использованию военных трофеев, и отклонило американские претензии по поводу того, что советско-китайские соглашения об эксплуатации маньчжурских предприятий носят «дискриминационный» характер в отношении США и других «союзных государств»¹⁹.

Позиция Советского Союза была твердой и последовательной. Советская дипломатия исходила из того, что, учитывая политику, проводимую Соединенными Штатами в Китае и на Дальнем Востоке, и развертывание гоминьданом гражданской войны против КПК, было бы опасным допустить захват американцами и чанкайшистами крупнейшего на Дальнем Востоке маньчжурского военно-промышленного комплекса. Поэтому при выводе советских войск из Маньчжурии правительство СССР приняло решение демонтировать арсеналы, военные и некоторые другие предприятия, обслуживавшие японские вооруженные силы в Маньчжурии²⁰.

США и правительство Чан Кайши подняли вокруг этого и других вопросов, касающихся Маньчжурии, антисоветскую кампанию. 14 мая 1946 г. группа американских конгрессменов, дипломатов и руководителей реакционных профсоюзов США выступила с так называемым Маньчжурским манифестом, в котором его авторы требовали от президента Трумэна аннулировать Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку и осуществить в Маньчжурии доктрину «открытых дверей».

Прогрессивная общественность Китая и других стран не поддавалась на подобные провокационные выступле-

ния, имевшие целью дискредитировать политику СССР в отношении Маньчжурии и Китая в целом. Она понимала, что действия СССР, в том числе и в вопросе о японской собственности в Маньчжурии, являются вполне оправданными и необходимыми не только в интересах безопасности СССР, но и в интересах революционно-демократического процесса в Китае ²¹.

Это вынуждены были признавать и многие западные буржуазные историки. В частности, Ф. Джонес отмечал, что промышленность Маньчжурии «была создана главным образом для того, чтобы обслуживать Квантунскую армию», и Советский Союз «подозревал, что она снова может быть использована в этих же целях, если Китай (т. е. гоминьдановское правительство. — А. Л.) получит американскую помощь в восстановлении и управлении промышленными предприятиями Маньчжурии» ²². Даже среди американских военных кругов были трезво мыслящие люди, которые понимали, что демонтаж промышленного оборудования в Маньчжурии «был оборонительной реакцией на бряцание оружием гоминьдановской и американской военщины» ²³. Представители китайских прогрессивных кругов прямо заявляли, что указанные действия Красной Армии представляли собой помощь китайскому народу, за которую он «должен быть чрезвычайно благодарен» ²⁴.

Американские консульства в Маньчжурии и деятельность разведывательных центров США

С планами экспансии США в Маньчжурии были связаны и их усилия по созданию здесь широкой разведывательной сети. Для этих целей использовались, в частности, американские консульские учреждения, которые США стремились создавать прежде всего в таких стратегически важных пунктах Маньчжурии, как Мукден, Дальний, Харбин, Чанчунь. Эти консульства формально учреждались под предлогом защиты интересов американских граждан, их торгово-коммерческой деятельности и т. п., хотя в это время в Маньчжурии никаких американских граждан не проживало.

В телеграмме госдепартамента от 18 января 1946 г. американскому посольству в Китае поручалось догово-

ряться с китайскими властями в Чунцине и получить их согласие и содействие в направлении «в возможно короткий срок» американских сотрудников в различные пункты Маньчжурии²⁵. Министерство иностранных дел Китая поспешило дать такое согласие и заявило, что правительство США может направить в Маньчжурию не только своих консульских работников, но также сотрудников аппарата «военного и военно-морского атташе, а также службы ЮСИС и любых других работников, которых США пожелают иметь в Маньчжурии»²⁶. Давая принципиальное согласие американцам, правительство Чан Кайши в то же время заявило, что города, где США хотят открыть свои консульства, находятся под контролем советских войск и, поскольку гоминьдановское правительство не имеет там своей администрации, оно не может гарантировать безопасность консульских учреждений США и их сотрудников²⁷.

Однако это не обескуражило американцев. Они хотели как можно скорее развернуть деятельность своей агентуры в Маньчжурии. В телеграмме государственного секретаря США американскому посольству в Китае от 19 февраля 1946 г. подчеркивалось, что правительству США необходимо в кратчайший срок направить в Китай своих консульских работников «в целях получения из первых рук информации о событиях в Маньчжурии»²⁸.

Дж. Маршалл телеграфировал в Вашингтон, что он тоже считает необходимым форсировать открытие американских консульств в Маньчжурии, которые, подчеркивал он, будут служить пунктами наблюдения за действиями «русских», и что «одно лишь присутствие их будет создавать трудности для последних»²⁹.

Командующий американским 7-м флотом адмирал Ч. Кук предложил открыть американское консульство также в г. Аньдуне, на маньчжурско-корейской границе, с целью следить за обстановкой не только в южной части Маньчжурии, но и в Северной Корее. Адмирал указывал в своей телеграмме Дж. Маршаллу, что «своим присутствием» в Аньдуне США «укрепят руку китайского правительства в его усилиях открыть порт Дальний»³⁰.

Дж. Маршалл ответил Ч. Куку, что он направил его предложение на рассмотрение госдепартамента. Посоль-

ство США в Китае сообщило адмиралу, что оно соглас-
но с тем, что «Аньдун по своему месторасположению
предоставит прекрасные возможности»³¹.

Американские консульства были открыты в первую
очередь в контролируемых гоминьдановскими войсками
городах. Они служили также координационными цент-
рами по осуществлению планов «реоккупации» Мань-
чжурии³². Особенно большую активность они разверну-
ли в Мукдене, который служил главным опорным пунк-
том для развертывания деятельности США в Маньчжу-
рии.

Однако из всех пунктов, где американцы собира-
лись открыть свои консульства, их более всего интерес-
совали Харбин и Дальний. Генеральным консулом в
Харбин был назначен один из опытейших американских
разведчиков О. Клабб. Он намеревался проехать в Хар-
бин через территорию Советского Союза. Однако совет-
ские власти ему этого не разрешили, и О. Клаббу приш-
лось отправиться из Владивостока в Шанхай, откуда он
проследовал в Мукден (Шэньян), чтобы оттуда любыми
средствами «пробиться» в Харбин. Но и это ему не уда-
лось. Народно-демократические власти в Харбине не
дали разрешения на пропуск американской консульской
миссии. Тогда американцы обратились к Чжоу Энляю,
прося оказать содействие в получении разрешения на
посадку в Харбине самолета с сотрудниками генераль-
ного консульства США. Чжоу Энлай переадресовал их
обращение в Яньань. Оттуда ответили, что местные
власти в Харбине не могут обеспечить безопасной по-
садки американского самолета и что ввиду военной и
политической обстановки в Маньчжурии деятельность в
Харбине иностранных представительств невозможна³³.

О. Клабб предлагал принять решительные меры, при-
бегнуть «к угрозе» в отношении «китайских коммуни-
стов» и Советского Союза, но 5 октября 1946 г. Д. Аче-
сон телеграфировал послу США в Китае, что «госдепар-
тамент не одобряет применение репрессалий, предло-
женных... в телеграмме Клабба»³⁴. Было отвергнуто
и авантюристическое предложение О. Клабба направить
в Харбин самолет с сотрудниками консульства США
без разрешения харбинских властей. Открыть амери-
канское генеральное консульство в Харбине так и не
удалось.

Большое значение правительство США придавало открытию и деятельности своего генерального консульства в Дальнем. В официальных указаниях генеральному консулу Л. Стэрджину, находившемуся к моменту назначения в Китае, государственный секретарь Дж. Бирнс телеграфировал 12 марта 1946 г., что на генеральное консульство в Дальнем возлагаются будто бы самые «обычные» задачи, «включая все вопросы гражданственности (в том числе выдача паспортов) и все визовые вопросы»³⁵. По прибытии к месту работы Л. Стэрджин убедился, что никаких таких «обычных» консульских дел — паспортных и визовых и тому подобных — здесь фактически нет и не предвидится. Он решил покинуть Дальний в ожидании, когда будет установлена в этом городе гоминьдановская администрация. За свою «наивность» в понимании целей, которые ставились перед его «миссией» в Дальнем Л. Стэрджин был заменен Г. Беннигофом³⁶.

Отъезд Л. Стэрджина вызвал неудовольствие и у посольства США в СССР, которое проявляло особую заинтересованность в американском присутствии в Дальнем. В телеграмме, адресованной Дж. Бирнсу, поверенный в делах США Дж. Кеннан просил сообщить, «почему Стэрджин и другие сотрудники возвращаются в Шанхай». Было ли это заранее так предусмотрено, спрашивал Дж. Кеннан, «или встретились затруднения в открытии консульства в Дайрене?». Дж. Кеннан подчеркнул, что посольство США в Москве придает важное значение получению информации из Дайрена, касающейся прежде всего отношения советских властей к деятельности американцев и «общей советской политики в этом районе»³⁷.

США усиленно стремились использовать свое присутствие в Дальнем под флагом консульства для того, чтобы добиться открытия порта для захода американских судов, т. е. вывести его из-под контроля советских властей. Американское военное командование (в частности, командующий 7-м флотом США адмирал Ч. Кук) пыталось под предлогом доставки в Дальний дипломатических курьеров добиться захода в этот порт американских военных судов. Американские власти не оставались даже перед провокациями. В конце декабря 1946 г. они направили в Дальний американское суд-

но, на котором вместе с дипкурьерами оказались американские корреспонденты и представитель компании «Стандарт ойл». Это было сделано без предварительного разрешения и даже уведомления советской стороны, как того требовал установленный порядок. Советские власти в Дальнем не разрешили указанным лицам сойти на берег. Американская и гоминьдановская печать подняли вокруг этого инцидента антисоветскую кампанию, рассчитанную на то, чтобы оказать давление на Советский Союз и заставить снять установленный им контроль над Дальним.

Госдепартамент направил ноты одновременно правительствам СССР и Китая, предлагая как можно скорее «положить конец ненормальному положению», существующему в Дальнем, и создать «такие нормальные условия», которые бы позволили «американским гражданам приезжать и проживать в Дальнем и заниматься на законном основании своей деятельностью»³⁸.

Советское правительство не поддалось давлению. В своих ответах оно указало, что СССР осуществляет контроль над районом Порт-Артурской военно-морской базы, в которую входит Дальний, на законном основании — в соответствии с советско-китайским договором 1945 г. Что касается затяжки с учреждением китайской гражданской администрации в Дальнем и Порт-Артуре, то вина за это целиком лежит на китайском правительстве, которое сознательно тормозит решение этого вопроса, связывая его со своими требованиями о посылке гоминьдановских войск в Порт-Артур и Дальний, на что Советское правительство не может согласиться, так как такие требования идут вразрез с условиями советско-китайского договора и соглашения о Порт-Артурской базе, оборона которой вверена Советскому Союзу³⁹.

Безуспешны были и все попытки США использовать Дальний, этот «наблюдательный пункт», как они его именовали, для шпионажа против СССР и подрывной деятельности против КПК. Советские военные власти приняли все меры к тому, чтобы пресечь такую деятельность⁴⁰.

В последующие годы гоминьдановское правительство не без одобрения Вашингтона сделало попытку закрыть порт Дальний для Советского Союза. В августе 1947 г.

Исполнительный юань принял решение о запрещении захода в Дальний «иностранных судов». Правительство СССР ответило, что в соответствии со ст. IV соглашения от 14 августа 1945 г. о Дальнем советские суда пользуются и будут пользоваться бесспорным правом захода в указанный порт⁴¹.

Таким образом, Советское правительство расстроило все попытки США распространить на Маньчжурию политику «открытых дверей» и под ее флагом подчинить Маньчжурию интересам американских монополий.

*Гоминьдано-американские планы
«реоккупации» Маньчжурии
после отвода советских войск*

В осуществление своих политических и военно-стратегических планов в отношении Маньчжурии США прежде всего предприняли все меры к тому, чтобы помочь Чан Кайши в так называемом «принятии», или «реоккупации» Маньчжурии. Вслед за освобождением ее Советской Армией Чан Кайши совместно с американцами немедленно приступил к переброске гоминьдановских войск из глубинных районов Китая, Бирмы и Индии в крупнейшие порты Южного и Восточного Китая для дальнейшей отправки их на север, к границам Маньчжурии, а с отводом советских войск — непосредственно на территорию самой Маньчжурии.

В самом начале «реоккупации» Чан Кайши обратился за содействием к Советскому правительству. Он просил, чтобы СССР предоставил ему в аренду советские корабли, однако ему было сказано, что Советский Союз не располагает кораблями, которые могут быть предоставлены для указанных целей.

США же выразили готовность предоставить к услугам Чан Кайши свой военно-морской флот и транспортную авиацию⁴². Для практического осуществления операции по «реоккупации» Маньчжурии был создан китайско-американский военно-оперативный штаб.

Единственным портом на побережье Маньчжурии, который мог принимать крупные корабли и обеспечить высадку большой массы войск и боевой техники, был Дальний. Чан Кайши обратился с настоятельными

просьбами к Советскому правительству разрешить пропуск гоминьдановских войск через Дальнинский порт и переброску их внутрь Маньчжурии по КЧЖД. В удовлетворении этой просьбы ему было решительно отказано на том основании, что согласно советско-китайскому договору порт Дальний и транспортные линии КЧЖД не могут быть использованы для переброски войск и вооружения. Чан Кайши апеллировал лично к главе Советского правительства. Он заявлял, что без использования Дальнего «принятие» Маньчжурии от Советской Армии невозможно, и выражал готовность в обмен пойти на предоставление СССР любых льгот и концессий, но все эти домогательства были безуспешны.

Тогда Чан Кайши в целях давления на СССР направил в декабре 1945 г. в Москву своего сына Цзян Цзинго для встречи с руководителями Советского правительства и обсуждения «основных вопросов» советско-китайских отношений. В Москве его вежливо приняли, выслушали, но на просьбу о помощи в овладении Маньчжурией ответили, что СССР не может брать на себя такую миссию.

Тем временем китайское правительство попыталось явочным порядком, без согласия советской стороны, осуществить «реокупацию» Маньчжурии. В конце сентября 1945 г. по договоренности с Чан Кайши американцы погрузили гоминьдановские войска на корабли 7-го флота США и в начале октября двинули их к Дальнему, рассчитывая, что советское командование в Маньчжурии поддастся такому грубому нажиму и не решится отказать в высадке этих войск. Однако советское командование не разрешило американским судам входить в Дальнинский порт, отказало в пропуске через него войск и вооружения. Караван судов, простояв безрезультатно некоторое время на рейде, вынужден был направиться в Хулудao и Инкоу, решив произвести разгрузку кораблей в этих мелких портах Маньчжурии⁴³. При этом Чан Кайши обратился к Советскому правительству с просьбой обеспечить прикрытие этой операции ввиду препятствий, чинимых «неправительственными войсками», т. е. силами Объединенной демократической армии. Однако Советское правительство ответило, что, во-первых, его командование в Маньчжурии не может нести ответственность за положение в районах,

покидаемых советскими войсками, а во-вторых, отношения между правительственными и «неправительственными» войсками в Маньчжурии — чисто внутреннее дело самого Китая, в которое Советский Союз не может вмешиваться.

Таким образом, проплавав на американских кораблях свыше месяца, гоминьдановские армии, предназначенные для «реоккупации» Маньчжурии, вынуждены были по указанию американского командования высадиться в одном из портов Северного Китая — Циньван-дао. Чанкайшистско-американская операция, рассчитанная на быстрое овладение Маньчжурией военным путем, была сорвана.

В этих условиях китайско-американским военно-оперативным штабом был разработан план переброски гоминьдановских войск в Маньчжурию по суше, через территорию Северного Китая. Помощь в транспортировке этих войск до Шанхайгуаня предоставили американцы. Чтобы обеспечить дальнейшее их продвижение в глубь Маньчжурии, правительство Чан Кайши обратилось к советской стороне с просьбой предоставить железнодорожный транспорт и обеспечить охрану воинских эшелонов, которые должны были проходить через территории, занятые народно-революционными войсками. В этом правительству Чан Кайши, как и в предыдущих случаях, было отказано.

Были разработаны также планы переброски гоминьдановских войск в Маньчжурию по «воздушному мосту», который американское командование взялось перекинуть из Северного Китая до Мукдена и Чанчуня. Но без согласия и содействия советского командования осуществление этих планов было невозможно.

Советское командование не могло допустить в расположение своих войск крупные гоминьдановские части, которые вели себя по отношению к Советской Армии весьма недружественно. К тому же в условиях, когда население Маньчжурии выступало против навязываемых ему гоминьдановских властей и когда в Маньчжурии находились войска ОДА и были созданы избранные народом демократические власти, советское командование не могло позволить втянуть себя в открытые столкновения между указанными внутренними силами. Поэтому оно ответило китайскому правительству, что в

принципе не возражает против переброски в отдельные пункты войск центрального правительства, поскольку это его законное право. Однако было указано, что такая переброска может быть осуществлена лишь накануне вывода из этих пунктов советских войск.

Такая позиция советского командования совершенно не устраивала гоминьдановцев и американцев. Чан Кайши нужно было в возможно кратчайший срок обеспечить сосредоточение в Маньчжурии крупных войсковых масс, вооружения, военной техники до отхода советских войск из городов и районов Маньчжурии с тем, чтобы помешать переходу их под контроль ОДА.

Ввиду ограниченных возможностей использования «воздушного моста» чанкайшисты и американцы сосредоточили внимание на переброске гоминьдановских войск в Маньчжурию по суше через Шанхайгуань. Американцы оказали при этом правительству Чан Кайши все необходимое содействие. Американские представители в Китае регулярно докладывали об этом в Вашингтон. Их информация носила характер сводок боевых операций. С учетом этого правительство и военное командование США принимали соответствующие меры по оказанию помощи Чан Кайши в преодолении трудностей, которые он встречал на пути в Маньчжурию. В частности, американское командование взяло на себя охрану железных дорог, ведущих из Северного Китая в Маньчжурию, разместило на наиболее важных объектах (железнодорожные мосты, крупные железнодорожные узлы и т. п.) отряды морских пехотинцев. Как сообщали в своих донесениях американские офицеры, «даже один морской пехотинец, стоящий на охране линии железной дороги, производил огромный психологический эффект, так как коммунисты вынуждены были избегать инцидентов с морской пехотой США»⁴⁴.

При содействии американцев Чан Кайши удалось в конечном счете перебросить из Северного Китая в Маньчжурию и сосредоточить в южной ее части полумиллионную армию. Гоминьдановское командование при этом воспользовалось обнаружившейся слабостью и неспособностью командования частей Народно-освободительной армии (НОА), действовавших в Северном Китае, преградить путь войскам Чан Кайши в Маньчжурию. Как отмечает историк Ф. Джонес, по мере продви-

жения гоминьдановских войск под командованием генерала Ду Лимина через Северный Китай в Маньчжурию, войска НОА «отходили, оказывая очень слабое сопротивление»⁴⁵.

Однако сосредоточение гоминьдановских войск в Маньчжурии не принесло успеха Чан Кайши и американцам. Время было упущено. Объединенная демократическая армия Маньчжурии сумела подготовиться к тому, чтобы отразить удары чанкайшистов и разгромить их.

Антисоветские акции гоминьдановских властей и роль в них США

С первых же дней вступления Советской Армии на территорию Маньчжурии реакционные круги гоминьдана в сотрудничестве с США повели активную подрывную деятельность против политики Советского Союза в отношении Маньчжурии и Китая в целом. Их активность в этом направлении усиливалась по мере роста успехов демократических сил и все больших неудач чанкайшистов в «реокупации» Маньчжурии. Гоминьдановцы прибегали при этом к организации террористических актов против воинов Советской Армии. Для этих целей создавались вооруженные банды из бывших полицейских, солдат и офицеров армии Маньчжоу-го, а также местных «хунхузов». Совершались налеты на советские комендатуры и отдельные гарнизоны, на промышленные предприятия, речные переправы, железные дороги, линии телеграфной и телефонной связи. Чинились зверские расправы с захваченными советскими военнослужащими. Одних уничтожали на месте, других вывозили из Маньчжурии внутрь Китая и здесь тайно держали в заключении⁴⁶.

Месть чанкайшистов за интернациональную помощь демократическим силам Китая в еще больших масштабах обрушилась на советских людей в Маньчжурии после вывода советских войск. Были учинены жестокие расправы над работниками советских учреждений, служащими КЧЖД и другими советскими гражданами, погромы в советских учреждениях, больницах, жилых домах, квартирах, грабежи, аресты, избиения⁴⁷.

Советское правительство предприняло ряд диплома-

тических демаршей гоминьдановскому правительству. 20 ноября 1946 г. ТАСС в своем заявлении разоблачил грубейший произвол чанкайшистских властей. Одновременно было принято решение отозвать своих железнодорожников из оккупированных чанкайшистами районов Маньчжурии.

Чанкайшисты попытались представить перед китайской и мировой общественностью выезд советских железнодорожников как шаг, якобы согласованный между китайским правительством и советскими властями. Они заявили, что часть железнодорожников остается для продолжения работы на КЧЖД. Советское правительство опровергло эти лживые утверждения гоминьдановских властей и заявило, что никто из советских железнодорожников на занятой гоминьдановцами территории Маньчжурии не останется ⁴⁸.

Хотя антисоветские акции осуществлялись непосредственно чанкайшистами, однако последние действовали в тесном сотрудничестве с американцами: тысячи американских офицеров и других «специалистов» работали в гоминьдановских административных, политических и военных органах, включая органы разведки и контрразведки, военное министерство, генеральный штаб, китайско-американский объединенный штаб по «реоккупации» Маньчжурии и другие учреждения и организации, причем американцы занимали в них руководящее положение ⁴⁹.

Американские средства информации и органы западной печати тоже принимали «посильное» участие в развертывании кампании клеветы против Советского Союза и его политики на Дальнем Востоке. Так, орган штаба генерала Д. Макартура, газета «Старз энд Страйпс», в середине сентября 1946 г. опубликовала интервью «высокого официального лица», данное якобы корреспонденту агентства «Интернэшнл ньюс сервис» в Токио и содержавшее различные измышления о действиях советских властей. Так, в нем говорилось о «сосредоточении в Северной Корее такого большого количества русских войск, что они способны осуществить второй Дюнкерк в случае войны», о том, что «русские сохраняют нетронутыми по крайней мере одну или две японских дивизии», что «японские генералы и офицеры обучаются в советских школах», и т. п.

Агентство Рейтер, ссылаясь на сообщение вашингтонского корреспондента газеты «Таймс», распространило сведения, будто бы в Вашингтоне стало известно, что шесть советских самолетов бомбили захваченный го-миньдановскими войсками г. Аньдун, расположенный на корейско-маньчжурской границе. Все эти и подобные им «достоверные» сообщения немедленно опровергались. По поводу первого из них ТАСС было поручено заявить, что «распространение подобного рода лжи и провокаций, давно свойственное пресловутому херстовскому агентству „Интернэшнл ньюс сервис“, является не чем иным, как очередным провокационным измышлением, не имеющим под собой никаких оснований»⁵⁰. По поводу второго ТАСС заявил 15 ноября 1946 г., что это сообщение является клеветническим от начала до конца⁵¹.

Очень широкую антисоветскую кампанию чанкайшисты развернули вокруг вопроса о выводе советских войск из Маньчжурии. Дважды попросив у Советского правительства отсрочки вывода его войск, правительство Чан Кайши попыталось представить перед китайским и мировым общественным мнением дело таким образом, будто Советский Союз сознательно затягивает пребывание своих войск и нарушает тем самым свои договорные обязательства перед Китаем. В Чунцине, Шанхае, Нанкине, Тяньцзине и многих других городах Китая были организованы антисоветские демонстрации. Предпринимались попытки разгромить советские представительства.

И здесь, как и в Маньчжурии, за спиной чанкайшистов стояли американцы, которые фактически поддерживали их антисоветские акции и в определенной степени выступали в роли подстрекателей. Об этом свидетельствует, в частности, телеграмма Дж. Маршалла президенту Г. Трумэну от 9 февраля 1946 г., в которой фактически признается, что в беседе с министром иностранных дел Китая Ван Шицзе он посоветовал чанкайшистским властям развернуть антисоветскую кампанию, использовать экономические средства давления, не соглашаться с позицией СССР по вопросу о трофейном имуществе⁵². Дж. Маршалл сообщал Трумэну, что Ван Шицзе полностью согласился с его мнением и что китайское правительство «уже думает над идеей о том,

чтобы повернуть в сторону Маньчжурии внимание широкой общественности»⁵³.

Следует отметить, что в большинстве городов, где происходили антисоветские демонстрации, американцы были фактически хозяевами. Они имели там военноморские и военно-воздушные базы, свою военную администрацию, которая по существу контролировала китайскую гражданскую и военную администрацию. В частности, в Шанхае, у набережной Вампу, стояли десятки американских военных кораблей, по улицам города разгуливали сотни американских солдат морской пехоты; в качестве блюстителей порядка разъезжали «джипы» с нарядами американской военной полиции. Рядом с советским генеральным консульством, которое пытались разгромить «демонстранты», располагался штаб генерала А. Ведемейера, главнокомандующего американскими вооруженными силами в Китае и главного военного советника Чан Кайши. В распоряжении чанкайшистских «демонстрантов» были американские грузовики, громкоговорители и т. п.

Американские власти делали вид, что имеют дело с «патриотическими» выступлениями «китайского народа», хотя прекрасно знали истинное положение дел. Так, при обсуждении с чанкайшистским представителем в «Комитете трех» Сун Юнчаном обстановки в Маньчжурии Дж. Маршалл заявил, что, согласно сообщению американского военного атташе майора Ригга, «не русские солдаты участвовали в боях на стороне КПК (во время боев за Чанчунь. — А. Л.), а как раз наоборот — японские солдаты участвовали на стороне правительственных войск, и не русские, а японские танки и оружие были у коммунистических войск»⁵⁴. Но этот разговор остался между ними, а в печати США распространялась гоминьдановская версия, и американские официальные круги не опровергали подобные грубые антисоветские измышления.

В упомянутой выше беседе с Ван Шицзе Дж. Маршалл сказал, что майор Ригг сообщил ему «о смерти нескольких русских в Чанчуне от рук гоминьдановских солдат». Дж. Маршалл заявил, что «ему легко понять, почему это могло произойти». Он выразил лишь «большое беспокойство по поводу реакции и возможных ответных мер со стороны русских»⁵⁵.

В телеграмме от 23 февраля 1946 г. американское посольство в Китае сообщило государственному секретарю США о том, что 22 февраля состоялась «мирная» студенческая демонстрация с требованием «возвращения Маньчжурии под китайский контроль и немедленно вывода советских войск». В сообщении посольства указывалось, что это якобы является выражением «растущего в Китае беспокойства» по поводу положения в Маньчжурии, «недоверия и подозрительности» в отношении «подлинных намерений русских в Маньчжурии». В телеграмме отмечалось, что во время этой «мирной» демонстрации были разгромлены редакции китайских прогрессивных газет и их сотрудники были избиты. Но это приписывалось небольшой, специально подосланной группе погромщиков и, согласно «достоверной информации», участники «студенческой» демонстрации «не несут ответственности за акты насилий». Посольство США сообщало далее, что намечено провести вторую «студенческую» демонстрацию, приуроченную к проводимому советским посольством празднованию Дня Советской Армии⁵⁶.

Так выполнялась чанкайшистами рекомендация генерала Дж. Маршалла об использовании в Китае «психологического оружия» в антисоветских целях.

Не поддаваясь ни на какие провокации чанкайшистов и американцев, правительство СССР проявило твердость в проведении последовательной и принципиальной политической линии в Маньчжурии, необходимую выдержку и хладнокровие, чтобы не накалять обстановку на Дальнем Востоке, не давать американской военщине в Китае повода для авантюристических действий, опасных для мира в этом районе и для развития революционного процесса в Китае.

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА ВЫВОД АМЕРИКАНСКИХ И ЯПОНСКИХ ВОЙСК ИЗ КИТАЯ

Борьба советской дипломатии против происков США в Китае

После капитуляции Японии США поспешили направить в Китай крупные вооруженные силы. Их общая численность составляла около 113 тыс. человек¹. Посылка этих войск мотивировалась необходимостью оказания помощи китайскому правительству в разоружении и удалении японцев из Китая. Но, как показали последующие события, главная цель этой акции состояла в том, чтобы продемонстрировать свою военную силу в Азии, воздействовать на политическую обстановку в Китае и поддержать режим Чан Кайши.

Американское командование и гоминьдановцы не торопились с разоружением и эвакуацией японцев. Они стремились использовать японцев в борьбе с КПК и демократическими силами в Китае. Японцам было сохранено оружие, они продолжали осуществлять контроль над занимаемыми ими городами и районами, преграждая путь войскам КПК. Более того, в ряде случаев Чан Кайши с ведома и полного одобрения американцев использовал японцев в боевых операциях против народно-революционных сил.

Так, в телеграмме от 15 марта 1946 г. временный поверенный в делах США в Китае сообщал государственному секретарю США, что «около одиннадцати тысяч солдат японской Первой армии по-прежнему находятся под ружьем в провинции Шаньси и используются для охраны и ремонта железных дорог»². А в телеграмме в Вашингтон от 20 марта прямо указывалось, что эти «значительные силы, все еще находящиеся под ружь-

ем», фактически используются против сил КПК, хотя это «не помогает поправить положение»³.

Для задержки японских войск в Китае использовались разные предлоги, так, в частности, они назывались «техническими специалистами», якобы необходимыми для обеспечения работы промышленности и транспорта. Так, 16 мая 1946 г. Дж. Маршалл официально запросил гоминьдановское правительство, сколько оно пожелает оставить у себя на службе таких «специалистов». Он указал, что, по полученным им данным, гоминьдановские власти держат у себя на службе в районе Пекина 5 тыс. японских «специалистов», в районе Тяньцзиня — около 5 тыс., в районе Циндао — около 6 тыс. и в районе Тайюаня — от 1,5 до 3 тыс. Дж. Маршалл просил подтвердить эти «потребности»⁴, что правительство Чан Кайши не замедлило сделать. В письме от 5 июня 1946 г. министр иностранных дел Китая Ван Шицзе ответил на запрос Дж. Маршалла, что гоминьдановское правительство намерено оставить у себя на службе в Китае, не считая Маньчжурии и Тайваня, около 12 тыс. японских «технических специалистов для обеспечения бесперебойной работы промышленных предприятий и путей сообщения»⁵.

Само перечисление пунктов, где находились группы японских «специалистов», — Пекин, Тяньцзинь, Циндао, Тайюань — указывало на то, что эти «специалисты» использовались вовсе не для хозяйственных, а прежде всего для военных целей, так как здесь было крайне мало промышленных объектов. Названные пункты были основными базами, на которые опиралось гоминьдановское правительство в военных операциях против сил КПК в Северном Китае. Здесь же была размещена основная часть американских вооруженных сил и главные военные базы США, нацеленные против Советского Союза и Маньчжурской революционной базы, в которой США видели основную опору революционно-демократических сил Китая.

Присутствие американских войск в Китае входило в планы общей военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке, которые стремились поставить под свой контроль все важнейшие ключевые порты и островные опорные пункты от Тайваня до Маньчжурии, чтобы прочно и надолго обосноваться здесь. Положение ослож-

нялось тем, что действия американцев поддерживало правительство Чан Кайши, которое не желало вывода американских войск.

Советское правительство повело решительную борьбу за вывод американских войск и быстрое разоружение и удаление японцев из Китая. Борьба была очень сложной и напряженной, причем особенно важное значение в ходе этой борьбы имело Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии, состоявшееся 16—25 декабря 1945 г.

Государственный секретарь США Дж. Бирнс предложил было обсудить на совещании вопрос о «передаче контроля» над Маньчжурией в руки гоминьдановской администрации⁶. Советская делегация отвергла такую постановку вопроса, указав, что на этот счет имеются договор и соглашения между СССР и Китаем, что советские войска уже покинули Южную Маньчжурию и их вывод был бы полностью завершен, если бы не просьба самого китайского правительства задержать вывод советских войск, поскольку правительство не готово к принятию Маньчжурии⁷.

Отклонив предложение Дж. Бирнса, делегация СССР, в свою очередь, поставила вопрос о выводе из Китая войск США. 21 декабря делегация СССР огласила меморандум «Об американских вооруженных силах в Китае», в котором указывалось, что присутствие на территории Китая огромного количества все еще не разоруженных японских войск, почти до 500 тыс. человек, является совершенно недопустимым и представляет собой грубое нарушение условий капитуляции Японии. Более того, подчеркивалось в меморандуме, США и гоминьдановское правительство используют японские войска в Китае в своих политических целях, втягивают их в борьбу между различными группировками в Китае⁸.

Дж. Бирнс пытался оправдать присутствие американских войск в Китае необходимостью оказания помощи правительству Чан Кайши в разоружении и эвакуации японцев. Он заявил, что как только эта задача будет осуществлена, американские войска будут выведены из Китая.

Однако при встрече с Дж. Бирнсом 23 декабря 1945 г. И. В. Сталин отвел как несостоятельные его попытки объяснить присутствие американских войск в Ки-

тае ссылками на просьбу правительства гоминьдана о помощи в разоружении японцев. Глава Советского правительства подчеркнул, что с этой несложной задачей оно вполне могло справиться самостоятельно. Он указал на тот факт, что в Мукдене 25 советских десантников сумели разоружить два японских армейских корпуса⁹.

Советское правительство высказалось за полное вмешательство иностранных государств во внутренние дела Китая. Оно выдвинуло предложение об одновременном выводе из Китая советских и американских войск¹⁰. Поставленный в затруднительное положение, Дж. Бирнс вынужден был искать пути к отступлению. Он отказался назвать конкретный срок, но ему пришлось заявить, что войска США будут выведены из Китая и что это имеется в виду сделать в недалеком будущем. В соответствующем разделе коммюнике, опубликованном 28 декабря 1945 г., было записано, что министры иностранных дел США и СССР пришли к полному согласию «в отношении желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок»¹¹.

Очень важное значение имела достигнутая на Московском совещании договоренность трех держав о необходимости объединения и демократизации Китая, о привлечении демократических элементов во все органы национального правительства и прекращении гражданской войны. Эта договоренность давала в руки Советского Союза, а также КПК и всех прогрессивных сил Китая политическое оружие для дальнейшего наступления на позиции американцев в Китае.

США расценили результаты Московского совещания как свое серьезное поражение. По возвращении Дж. Бирнса из Москвы президент Г. Трумэн выразил ему недовольство по поводу принятого на совещании коммюнике¹². Решение Московского совещания было большим ударом и для Чан Кайши. Он заявил Дж. Маршаллу и просил передать об этом Г. Трумэну, что рассматривает решения Московского совещания министров иностранных дел по китайскому вопросу как «оскорбление достоинства и суверенитета китайской нации»¹³. Другими словами, Чан Кайши расценил решения Московского совещания как удар по гоминьдановскому режиму, как это и было в действительности,

Советское правительство и после Московского совещания продолжало держать в центре внимания вопрос о выводе американских войск из Китая, используя двусторонние и многосторонние встречи на высоком уровне. Так, принимая государственного секретаря США Дж. Бирнса 25 декабря 1945 г., глава Советского правительства категорически поставил этот вопрос перед американским правительством. Он указал, что «видимо, американцы не хотят выводить свои войска из Китая»¹⁴. Отвечая на возражения Дж. Бирнса и его заявления о том, что США не имеют намерения оставить свои войска в Китае, но что правительству США возможно придется пойти на это, «если китайцы попросят», И. В. Сталин подчеркнул, что, если китайский народ убедится, что Чан Кайши опирается на помощь иностранных войск, он потеряет свое влияние в Китае. Его будут считать ставленником иностранных держав, а не национальным лидером¹⁵.

В таком же направлении Советское правительство действовало и в отношении правительства Китая. В частности, во время приема 30 декабря 1945 г. Цзян Цзинго, личного представителя Чан Кайши, глава Советского правительства обратил внимание китайского правительства на недопустимость иностранного вмешательства во внутренние дела Китая.

Цзян Цзинго пытался оправдать пребывание американских войск в Китае ссылаясь на то, что это было предусмотрено соглашением, заключенным еще до капитуляции Японии. Цзян Цзинго заверил Советское правительство, что американские войска будут выведены, как только они выполнят свою задачу по разоружению и удалению японских войск.

Ему было указано на неубедительность для Советского правительства таких заверений и выражено удивление, что японские войска все еще не разоружены. И. В. Сталин подчеркнул, что длительное пребывание иностранных войск в Китае осложнит положение в стране¹⁶.

При следующей встрече с Цзян Цзинго И. В. Сталин вновь поднял вопрос о выводе иностранных войск из Китая. Он заявил, что не понимает, почему затягивается разоружение японцев. Цзян Цзинго ответил, что китайские власти принимают меры к тому, чтобы ускорить

разоружение и удаление японских войск с китайской территории¹⁷.

В беседах с Цзян Цзинго глава Советского правительства указал также на опасность для Китая экспансионистской политики США под флагом доктрины «открытых дверей». Отвечая на вопрос Цзян Цзинго, что он думает по поводу этой политики, И. В. Сталин сказал, что «открытых дверей» требуют от колониальных стран. Он предостерег относительно пагубных последствий такой политики для национальных интересов Китая. Он сказал, что ввиду экономической слабости Китая будет трудно на первых порах отвергнуть эту политику, но с течением времени ему придется «закрыть двери» в интересах создания собственной промышленности. Этой экспансионистской политике США И. В. Сталин противопоставил политику Советского Союза. Он указал, что Советское правительство не требует от Китая «открытых дверей», что оно выражает готовность торговать с Китаем на такой же основе, как и с другими суверенными государствами¹⁸.

Дипломатическую борьбу против американской политики экспансии в Китае Советский Союз умело сочетал с использованием такого действенного средства, как пребывание советских войск в Маньчжурии. Документы, опубликованные госдепартаментом США, показывают, что в переписке с Вашингтоном, в беседах с представителями чанкайшистского правительства Дж. Маршалл, А. Ведемейер и другие американские официальные лица, находившиеся в Китае, постоянно признавали, что присутствие советских войск в Маньчжурии, в непосредственной близости к Северному Китаю, где были сконцентрированы главные американские военные и военно-морские силы, находившиеся в Китае, представляло собой такой фактор, с которым США приходилось серьезно считаться¹⁹.

В Вашингтоне понимали, что Советский Союз не будет оставаться сторонним наблюдателем в случае дальнейшей задержки в Китае японцев, а тем более их использования гоминьданом в борьбе с КПК. На США отрезвляюще действовал тот факт, что японские военнопленные находились не только у чанкайшистов. Основная масса японских оккупационных войск — Квантунская армия — сдалась советским войскам в Маньчжу-

рии. Поэтому задержка с эвакуацией японцев из других районов Китая и попытки использовать их одной из сторон в гражданской войне было делом рискованным.

Не случайно поэтому Дж. Маршалл рекомендовал государственному секретарю США Дж. Бирнсу «прозондировать» вопрос о японских военнопленных, захваченных Советской Армией, выяснить, где они находятся, и спросить, не пожелают ли советские власти эвакуировать их через порт Дальний или другие маньчжурские порты при содействии американцев. Дж. Маршалл советовал сделать это под предлогом того, что американским властям необходимо учесть это при планировании морских перевозок. Из соображений «осторожности» Дж. Маршалл просил не поднимать вопрос о японских военнопленных на уровне госдепартамента США и МИД СССР, а поручить ему, Дж. Маршаллу, обратиться по этому вопросу в неофициальном порядке к послу СССР в Китае²⁰.

Дж. Бирнс в тот же день ответил Дж. Маршаллу, что согласен с его мнением предложить советским властям услуги американцев в эвакуации японских гражданских лиц из Маньчжурии. «Я считаю весьма желательным, — писал Дж. Бирнс, — чтобы они были убраны из Маньчжурии как можно скорее, хотя мы не должны делать из этого проблемы, если Советы не проявят желания принять это предложение»²¹.

4 июля 1946 г. советский посол в Китае А. А. Петров ответил Дж. Маршаллу на его письмо от 27 апреля 1946 г., что советские власти будут готовы произвести эвакуацию японцев из Дальнего и зоны военно-морской базы Порт-Артура через порт Дальний. Репатриация японцев из других районов, кроме Дальнего и зоны Порт-Артурской базы, должна быть произведена через другие ближайшие порты²². Этот ответ Советского правительства лишал американцев предлогов для оправдания задержки японцев в Китае.

2 декабря 1946 г. американский посол в Китае Дж. Стюарт направил по поручению правительства США на имя министра иностранных дел Ван Шицзе письмо, в котором указывалось на имеющиеся у американских властей данные о том, что в контролируемых гоминьданом районах продолжает оставаться большое количество японцев и что китайские власти и впредь

намерены их задерживать. В письме указывалось, что, по-видимому, в данном вопросе «имеет место недопонимание со стороны китайских официальных лиц, на которые возложена ответственность за это дело». Далее предлагалось дать указание китайским властям принять меры к выполнению программы репатриации в целях «устранения из Китая всех пагубных влияний со стороны японцев»²³.

Таким образом, под воздействием со стороны СССР, правительство США было вынуждено в конце концов форсировать эвакуацию японцев из Китая. Дж. Маршалл докладывал президенту Г. Трумэну 14 декабря 1946 г., что если первоначально китайские порты в среднем покидало 1500 японцев в день, то к марту 1946 г. темпы эвакуации возросли в среднем до 20 тыс. человек ежедневно. Он доложил, что к октябрю 1946 г. был вывезен из Китая 2 980 361 японец и что «программу эвакуации можно считать завершённой»²⁴.

Эта телеграмма была вызвана подготовкой к Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в феврале—марте 1947 г., где американское правительство ожидало неприятной для него постановки Советским Союзом вопроса о выполнении соглашений по Китаю, подписанных на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. 18 декабря 1946 г. президент Г. Трумэн выступил с заявлением, что США в своей политике в отношении Китая будут избегать участия в гражданской войне²⁵.

Особенно подтолкнула американцев к действиям такого рода задержка вывода советских войск из Маньчжурии. Правительство США понимало, что каждый день пребывания советских войск в Маньчжурии укрепляет позиции народно-революционных сил и усугубляет нежелательное для США влияние их на всю обстановку в Китае. Еще большей тревогой было охвачено правительство Чан Кайши. С одной стороны, оно дважды вынуждено было по своей инициативе просить об отсрочке вывода советских войск, а с другой — видело, что эта отсрочка ему не помогает: время работает против него, и Маньчжурия ускользает из-под его власти. Не случайно поэтому чанкайшисты были готовы даже на провокацию. Они требовали от США принять «соот-

ветствующие акции» в отношении Советского Союза. Но США ограничились лишь поддержкой развязанной чанкайшистами антисоветской кампании в печати.

Правительство США вынуждено было поспешить и с решением вопроса о пребывании американских вооруженных сил в Китае. Оно заговорило о «свертывании китайского театра операций» и «поэтапном» выводе этих войск из этой страны. В телеграмме Г. Трумэну от 9 февраля 1946 г. Дж. Маршалл писал: «Мы должны убрать свои руки отсюда как можно скорее, чтобы не подвергнуться неизбежным нападкам со стороны русских, аналогичным тем, которые мы сегодня терпим по поводу британских войск в Греции. Я имею в виду, что мы должны ликвидировать „китайский театр действий“ и вместо него создать военную советническую группу... В этой связи мы должны также вывести из Китая всю морскую пехоту, за исключением некоторых подразделений службы разведки, транспорта, интендантской службы и охраны»²⁶.

В телеграмме от 23 февраля 1946 г. начальнику штаба армии генералу Д. Эйзенхауэру (для передачи «начальникам штабов и государственному секретарю») Дж. Маршалл предложил форсировать решение указанного вопроса и «как можно скорее начать вывод всех войск морской пехоты, желательно 1 апреля», за исключением транспортных и некоторых других подразделений и групп²⁷.

В телеграмме Дж. Бирнса от 27 февраля 1946 г., адресованной Дж. Маршаллу, признавалось, что в вопросе, касающемся задержки с выводом советских войск из Маньчжурии, у СССР более выгодные позиции, чем у США, задерживающих свои войска в Китае. Из этой телеграммы видно, что правительство США испытывало серьезное давление со стороны СССР, требовавшего вывода американских войск, и при всех увертках и маневрировании оно вынуждено было с этим давлением считаться.

В этой телеграмме Дж. Бирнс писал: «Ввиду того, что ожидается выступление Москвы, в котором она постарается использовать советское предложение, внесенное на Московском совещании об одновременном выводе русских и американских войск к 15 января (1946 г. — А. Л.), я должен как можно скорее сделать заявление

относительно наших планов деактивизации китайского театра и вывода американских войск из Северного Китая». Дж. Бирнс указал, что, не собираясь называть конкретных сроков, упомянутых в телеграмме Дж. Маршалла Д. Эйзенхауэру от 23 февраля 1946 г., он намерен в общей форме заявить, что правительство США «в скором времени планирует осуществить деактивизацию (китайского) театра и вывод морской пехоты»²⁸.

Под «деактивизацией» имелось в виду сократить численный состав американских войск, но сохранить свое военное присутствие и продолжить оказание военной помощи Чан Кайши в форме «советнической группы». Под этой вывеской Объединенный комитет начальников штабов США предложил оставить в Китае офицерский корпус в составе 4600 человек, который формально должен был заниматься оказанием помощи правительству Чан Кайши в реорганизации и обучении китайской армии. Фактически же, по признанию Дж. Бирнса, этот план преследовал «скорее демонстрацию военной мощи США на Азиатском континенте, чем просто помощь Китаю в модернизации его армии»²⁹.

Создание «советнической группы» должно было замаскировать действия США как перед китайской общественностью, так и перед Советским Союзом. Так, в телеграмме исполняющего обязанности государственного секретаря США Д. Ачесона американскому послу в СССР Б. Смиту от 17 июня 1946 г. последнему было поручено дать ответ на письмо А. Я. Вышинского. В этом ответном письме правительство США вынуждено было давать объяснения правительству СССР по поводу создания «советнической группы». Ссылаясь при этом на просьбу китайского правительства, оно всячески пыталось представить задачи и функции этой группы как сугубо «технические». Было указано, например, что эту группу планируется создать в составе «не более 1000 офицеров и солдат, включая военно-морской персонал»³⁰.

Заявив о сроках окончательного вывода своих войск из Маньчжурии, Советский Союз еще более усилил давление на Соединенные Штаты, и в Вашингтоне это сразу почувствовали. 24 марта 1946 г. Дж. Маршалл телеграфировал А. Ведемейеру, что в ближайшие дни Дж. Бирнсу потребуется выступить в Совете Безопас-

ности ООН по поводу сокращения американских войск в Китае. Дж. Маршалл указывал, что это вызвано заявлением Советского правительства о выводе советских войск из Маньчжурии к 15 апреля 1946 г. Дж. Маршалл предложил А. Ведемейеру срочно сообщить, как обстоит дело с подготовкой к «ликвидации китайского театра к 1 мая, и с 1 апреля начать сокращение контингента морской пехоты полками поэтапно». «Было бы хорошо, — продолжал он, — если бы вы предложили точно сформулированный текст для заявления г-на Бирнса»³¹.

*Вопрос об американских войсках в Китае
в ООН и на других международных форумах*

29 августа 1946 г. представитель СССР в Совете Безопасности ООН А. А. Громыко по поручению Советского правительства внес предложение о том, чтобы Совет Безопасности потребовал от всех государств — членов ООН представить в Совет Безопасности в двухнедельный срок информацию о наличии иностранных войск на территориях Объединенных наций и других государств, не относящихся к бывшим вражеским территориям. В этой информации предлагалось точно указать:

1) в каких пунктах территории Объединенных наций или иных государств, за исключением бывших вражеских территорий, и в каком количестве расположены вооруженные силы других Объединенных наций;

2) в каких пунктах на указанных выше территориях расположены авиационные и морские базы и каков состав их гарнизонов, принадлежащих к вооруженным силам других государств — членов ООН.

Указанные в пунктах 1 и 2 сведения было предложено представить по состоянию на 1 августа 1946 г.

Выступая с обоснованием этого предложения, А. А. Громыко подчеркнул, что, хотя война с гитлеровской Германией и милитаристской Японией давно закончена, на территории ряда стран продолжают находиться введенные туда ранее войска отдельных государств, что не может не порождать вполне естественного беспокойства у народов этих стран³². Вместе с тем, как указал далее А. А. Громыко, и мировая общественность,

заинтересованная в скорейшем установлении мира и поддержании всеобщей безопасности, с нескрываемой озабоченностью следит за создавшимся положением в этих странах ³³.

23 сентября 1946 г. А. А. Громыко вновь поднял на заседании Совета Безопасности ООН вопрос о выводе войск Объединенных наций с территорий невражеских государств. Он повторил предложение, внесенное им 29 августа 1946 г., и настойчиво потребовал самого серьезного его рассмотрения. «Пребывание иностранных войск на территории этих стран, — сказал А. А. Громыко, — ведет к осложнению как международного, так и внутреннего порядка в этих странах, так как иностранные войска часто вмешиваются во внутренние дела этих государств и поддерживают там антидемократические силы» ³⁴. А. А. Громыко прямо указал при этом на Китай. Необходимо напомнить Совету Безопасности о том, сказал А. А. Громыко, что этот вопрос уже являлся предметом обсуждения на совещании представителей союзных держав. Он напомнил об официальном коммюнике Московского совещания министров иностранных дел трех великих держав от 28 декабря 1945 г. и подчеркнул, что данные в нем заверения правительства США о выводе своих войск из Китая, под которым стоит подпись государственного секретаря Дж. Бирнса, были подтверждены президентом Г. Трумэном 30 декабря 1945 г.

А. А. Громыко указал далее, что, согласно заявлению официальных японских властей, опубликованному 19 августа 1946 г., репатриация японцев, находящихся в Китае, к концу июня 1946 г. была почти закончена; во всем Китае, не включая Маньчжурию, нерепатрированных японцев оставалось только 41760 человек. А. А. Громыко заявил, что продолжающееся пребывание американских войск в Китае вылилось в оказание активной поддержки одной из двух борющихся в Китае сторон и во вмешательство во внутренние дела Китая. Он привел многочисленные факты, свидетельствующие о глубококом возмущении китайской общественности, и подчеркнул, что «ко всем этим голосам следует прислушиваться. Игнорировать их невозможно. Они затрагивают вопрос, который касается не только Китая и Соединенных Штатов» ³⁵.

Советские представители в ООН совершенно ясно и определенно указали на опасный характер возможных последствий такой политики США на Дальнем Востоке. 29 октября 1946 г. глава советской делегации В. М. Молотов поднял этот вопрос на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он напомнил об официальном предложении, внесенном советским представителем в Совете Безопасности 28 августа 1946 г., и потребовал, чтобы Генеральная Ассамблея высказалась по этому вопросу. Глава советской делегации указал на недопустимость незаконного пребывания иностранных войск на чужих территориях и заявил, что, согласно Уставу ООН, Совет Безопасности должен располагать полной информацией, где и какие вооруженные силы находятся за пределами своих границ.

В вопросе о войсках на чужих территориях, подчеркнул он, проявляется империалистическая политика агрессивных кругов США и Англии, которые стремятся к мировому господству и ради этого, если их не остановить, «могут пойти на бесшабашную агрессию и на самые рискованные военные авантюры»³⁶.

От лица Советского Союза В. М. Молотов призвал все миролюбивые государства решительно противостоять такого рода «ненасытным аппетитам и стремлениям к мировому господству»³⁷.

Эти выступления Советского Союза, направленные против американской экспансии в Китае, оказывали огромную морально-политическую поддержку китайскому народу. Еще больший вес им придавал вывод советских войск из Маньчжурии, заверченный 3 мая 1946 г., и последовательное соблюдение Советским правительством принципов невмешательства во внутренние дела Китая.

Советское правительство неоднократно поднимало вопрос об американских войсках в Китае на сессиях Совета министров иностранных дел и на других международных форумах, требуя включения его в повестку дня в порядке контроля за выполнением декларации Московского совещания от 28 декабря 1945 г.

Следуя указаниям Советского правительства, советские дипломаты и другие советские работники, находившиеся в Китае, США, Англии и во всех других странах, с которыми Советский Союз имел дипломатические отношения, проводили в вопросе о Китае активную, целе-

направленную деятельность среди представителей официальных, политических, общественных и деловых кругов, среди представителей прессы. Советские работники за рубежом использовали свои контакты и связи для разоблачения опасной для дела мира авантюристической политики США в отношении этой страны, широко распространяли правдивую информацию об истинном положении в Китае, стремились мобилизовать общественное мнение в зарубежных странах, в том числе в США и Китае, в поддержку справедливой борьбы, которую вел китайский народ под руководством КПК против американского вмешательства в китайские дела.

США при поддержке Англии всячески сопротивлялись дипломатическим акциям СССР. Но даже в тех случаях, когда им удавалось помешать включению этого вопроса в повестку дня того или иного международного форума, борьба вокруг самой повестки дня, постановка вопроса о войсках США в Китае получала широкий международный резонанс, привлекала внимание мировой общественности и вызывала горячие политические дискуссии, в том числе и в самих Соединенных Штатах.

Насколько действия советской дипломатии были эффективными, видно, в частности, из записки директора Дальневосточного управления госдепартамента США Д. Винсента на имя заместителя государственного секретаря Д. Ачесона от 5 ноября 1946 г., подготовленной в связи с сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Высказывая замечания по подготовленному проекту директив для американской делегации на этой сессии, Д. Винсент обращает внимание на слабость американской позиции в китайском вопросе. Указывая на ту часть Московской декларации, которая содержит заявление государственного секретаря Дж. Бирнса, где он аргументирует пребывание американских войск в Китае ссылками на просьбу чанкайшистского правительства, Д. Винсент подчеркивает, что для защиты американской позиции на международном форуме такие аргументы являются легковесными и неубедительными, поскольку они не дают прямого и ясного ответа по существу вопроса: почему, с какой целью американские войска продолжают находиться в Китае? Д. Винсент подчеркивает в своей записке: «Нет никакого сомнения, что русские на Ас-

самблее постараются „заработать капитал“ на этом за-
явлении Бирнса»³⁸.

Д. Винсент далее обращает внимание руководства госдепартамента на возрастающее давление мирового общественного мнения, в том числе в самих США, на огромный поток писем, запросов, в которых настойчиво спрашивается, почему и на каком основании американская морская пехота продолжает оставаться в Китае. Д. Винсент отмечает, что отвечать на эти письма и запросы становится все трудней, иногда настолько трудно, что «просто встаешь в тупик»³⁹.

Д. Винсент указывает, что одними словами позицию США в китайском вопросе защитить и объяснить перед мировой общественностью невозможно. Он предложил предпринять практические шаги и хотя бы частично вывести американские войска из Китая, чтобы как-то подкрепить заявление, с которым собирался выступить на сессии Генеральной Ассамблеи ООН государственный секретарь США. «Это могло бы, — подчеркивает Д. Винсент, — положить конец всем дискуссиям на этот счет, и психологический эффект от этого был бы огромным»⁴⁰.

Позиция СССР

*в Совете министров иностранных дел
союзных держав*

Американской дипломатии нечего было противопоставить советской дипломатии, опиравшейся на широкую поддержку всех миролюбивых сил. Поэтому при всем сочувствии чанкайшистскому режиму правящие круги США вынуждены были маскировать свои действия в Китае, вести себя сдержанней, чем им хотелось, и в конечном счете идти на сокращение своих войск на китайской территории. Как отмечалось выше, такие вынужденные акции, как правило, предпринимались правительством США накануне и во время работы таких важных международных форумов, как сессии Совета министров иностранных дел, сессии Генеральной Ассамблеи и других органов ООН, когда в Вашингтоне заранее знали, что советская дипломатия непременно поднимет на них этот вопрос.

В эти дни происходили многочисленные совещания и дискуссии в Белом доме, госдепартаменте и военных штабах, на различных межведомственных уровнях; шел оживленный обмен телеграммами между Вашингтоном и американскими представителями в Китае: личным представителем президента США генералом Дж. Маршаллом, командованием военными и военно-морскими силами в Китае, американским посольством.

Так, когда проходила Нью-Йоркская сессия СМВД (ноябрь—декабрь 1946 г.) и обстановка в Китае все более обострялась, Дж. Маршалл телеграфировал из Китая в Вашингтон 25 ноября, что, по его «твердому убеждению, крайне желательно немедленно произвести сокращение численности морской пехоты на 10 тыс. человек, оставив в Китае всего 5 тыс.». Он подчеркнул, что обстоятельства могут принудить к этому и тогда это будет выглядеть так, что сокращение сделано под давлением. «Количество войск, предлагаемое к сокращению, мало принесет пользы, — писал Дж. Маршалл, — и по существу лишь осложнит обстановку, поэтому я предлагаю действовать безотлагательно»⁴¹.

Посол США в Китае Дж. Стюарт поддержал Дж. Маршалла. Стюарт подчеркнул, что считает целесообразным произвести предлагаемое сокращение в два приема (по 5 тыс. человек каждый)⁴².

Особенно заметно пришлось активизироваться американской дипломатии в отношении вывода своих войск из Китая в связи с подготовкой к Московской сессии министров иностранных дел (март—апрель 1947 г.), где США предстояло дать отчет о выполнении, а точнее, о невыполнении ими решений Московского совещания министров иностранных дел 1945 г.

Московская сессия СМВД открылась 10 марта 1947 г. На первом же заседании советская делегация предложила включить в повестку дня вопрос о выполнении декларации Московского совещания 1945 г. в части, касающейся Китая.

Дж. Маршалл (назначенный к тому времени государственным секретарем США) выступил против, заявив, что этот вопрос нельзя рассматривать без участия Китая.

Глава советской делегации В. М. Молотов указал, что, поскольку Китай не подписывал решения Москов-

ского совещания, нет оснований для его участия на данной сессии СМВД.

На следующем заседании, 11 марта, Дж. Маршалл и министр иностранных дел Англии Э. Бевин заявили, что обсуждение вопроса о Китае не входит в компетенцию СМВД. Они предложили ограничиться неофициальным обменом информацией и сделать это «не за столом Совета министров иностранных дел» ⁴³.

Участвовавший в работе сессии французский министр иностранных дел Ж. Бидо заявил, что Франция не будет принимать участия в обсуждении поставленного СССР вопроса ⁴⁴.

Советское правительство согласилось участвовать в таком «неофициальном совещании», но предложило опубликовать соответствующее коммюнике о его результатах ⁴⁵.

Стремясь любым путем сорвать обсуждение вопроса о Китае, США выступили против какого бы то ни было совещания по Китаю. В письме на имя В. М. Молотова от 15 марта Дж. Маршалл писал, что всякое обсуждение «китайского вопроса» является для США «нежелательным» ⁴⁶, и выдвинул предложение о том, чтобы участники Московского соглашения 1945 г. обменялись до 1 апреля 1947 г. информацией о его выполнении. 24 марта 1947 г. Советское правительство ответило, что оно не возражает против новой американской инициативы, отметив при этом, что предлагаемый порядок является «не совсем удовлетворительным» ⁴⁷.

Дж. Маршалл представил 31 марта 1947 г. документ, в котором указывалось, что американские войска осуществили репатриацию около 3 млн. японцев из Китая и намерены завершить их эвакуацию. Было указано, что приблизительно к 1 июня 1947 г. в Китае останется 6180 человек американского персонала.

Советское правительство не удовлетворилось таким ответом. 1 апреля 1947 г. министр иностранных дел СССР направил Дж. Маршаллу письмо, в котором Советское правительство требовало не частичного, а полного вывода американских войск из Китая и строгого проведения в жизнь всех положений Московского соглашения 1945 г. по Китаю ⁴⁸.

В. М. Молотов напомнил основные положения этого соглашения, особо указав на обязательства о выводе

советских и американских войск. Он подчеркнул, что СССР почти год назад, к 3 мая 1946 г., вывел свои войска из Маньчжурии, и требует, чтобы США вывели свои войска из Китая и прекратили вмешательство в гражданскую войну. Было указано, что это вмешательство усиливает гражданскую войну, ведет к тяжелым последствиям для Китая и вызывает тревогу у всей мировой общественности.

Позиция СССР на Московской сессии СМВД вызвала резкое недовольство гоминьдановцев. В донесении Дж. Стюарта в Вашингтон от 21 февраля сообщалось, что правящие круги гоминьдана, заранее ожидая выступление СССР на сессии СМВД по «китайскому вопросу», выдвигали идею посылки в Москву накануне этой сессии высокой правительственной делегации, чтобы попытаться предотвратить такой шаг со стороны СССР⁴⁹. Однако, понимая бесперспективность посылки такой делегации, гоминьдановцы решили действовать через американцев. Они обратились в Вашингтон, а также к главе американской делегации в Москве государственному секретарю Дж. Маршаллу с настоятельными просьбами о противодействии предложению СССР⁵⁰. Одновременно гоминьдановское правительство организовало серию пресс-конференций руководящих гоминьдановских деятелей, на которых последние выступали против обсуждения «китайского вопроса» в Москве, и мобилизовало всю китайскую реакционную прессу для развертывания антисоветской кампании.

Демократическая общественность Китая поддержала позицию СССР. 12 марта 1947 г. в Москву была направлена телеграмма, подписанная 56 видными деятелями Демократической лиги Китая, в том числе Чжан Ланем, Ма Сюйлунем, Ло Лунцзи и Го Можо. Они требовали обсуждения поставленного Советским правительством вопроса и принятия всех необходимых мер для прекращения гражданской войны, всякого иностранного вмешательства, выполнения Московского соглашения по Китаю⁵¹.

15 марта от имени ЦК КПК выступил Чжоу Эньлай, заявивший о необходимости и своевременности постановки вопроса о выполнении Московского соглашения на сессии СМВД. ЦК КПК осудил США, как нарушителя этого соглашения, и потребовал прекращения вме-

шательства во внутренние дела Китая. В заявлении указывалось, что если гоминьдановское правительство будет настаивать на посылке своей делегации на сессию СМВД, то КПК потребует участия своих представителей⁵².

Таким образом, дипломатические шаги, предпринятые Советским правительством на Московской сессии СМВД в поддержку борьбы китайского народа против американской интервенции, получили широкий резонанс в Китае. Они привлекли внимание широкой общественности и в других странах. В США они вызвали большое озлобление реакционных кругов против СССР, что видно, в частности, из высказываний Дж. Маршалла в одном из его выступлений перед офицерами Пентагона.

Характеризуя остроту борьбы между СССР и США, происходившей на Московской сессии СМВД 1947 г., Дж. Маршалл заявил, в частности, следующее: «Помню, когда я был государственным секретарем, мне постоянно приходилось испытывать давление... когда я был в Москве. Одна за другой шли радиограммы (с требованием) поставить русских на место... Когда я возвратился (в США), ко мне поступали такие же обращения по поводу Дальнего Востока и Китая. В то время наши возможности осуществить это — а я солдат и кое что понимаю в этом деле — сводились к одной и одной трети дивизии на территории США. Чего стоит такое предложение, когда вы имеете дело с кем-либо, у кого 260 дивизий, а у вас одна и одна треть? У нас ничего не было на Аляске. У нас не было достаточно (войск), чтобы защитить взлетно-посадочную полосу в Фэрбэнксе»⁵³.

Дж. Маршалл, разумеется, сгустил краски. В действительности США располагали сухопутными силами, насчитывавшими к концу 1946 г., по официальным данным, 1 320 000 солдат и офицеров⁵⁴, а также мощными военно-морским флотом и военно-воздушными силами. После войны они всюду расширяли сеть своих военных, военно-морских и военно-воздушных баз, используя их в целях проведения политики «с позиции силы».

Реакционные силы в США использовали обстановку в Маньчжурии и Китае в целом для разжигания «холодной войны», обострения советско-американских отношений. Наиболее авантюристические элементы призы-

вали даже к войне с Советским Союзом. Усиленно нагнетали военный психоз чанкайшисты. Так, в одном из своих интервью американским корреспондентам, Чан Кайши призвал США «нанести удар по Советскому Союзу», чтобы «остановить коммунизм». Он предлагал сделать это «без промедления, не дожидаясь, пока Советский Союз станет достаточно индустриальной державой», на что, мол, СССР потребуется «лет двадцать»⁵⁵.

Чан Кайши призывал США оказать ему широкую военную помощь. Он и его сторонники в наиболее реакционных политических и военных кругах США искали доказательств якобы прямого вмешательства Советского Союза в дела Китая на стороне КПК, чтобы оправдать организацию американской интервенции. Но, как позже признал Дж. Маршалл, Советский Союз, помогая КПК в Маньчжурии, избегал такого вмешательства и делал все таким образом, что трудно было «придраться»⁵⁶.

Провал американских планов военной интервенции в Китае

По мере того как Чан Кайши терпел все большие поражения в Маньчжурии, а затем и на других фронтах гражданской войны, в правящих кругах США, по свидетельству Г. Трумэна, раздавались требования «оказать необходимую помощь Чан Кайши»⁵⁷. Разделяя эти настроения, американское командование подготовило и представило на рассмотрение правительства конкретные планы, в которых по существу намечалось развертывание прямой и широкой военной интервенции. Основное содержание этих планов было изложено в докладе генерала А. Ведемейера Г. Трумэну от 19 сентября 1947 г. Так, в частности, предлагалось значительно увеличить финансово-экономическую и военную помощь Чан Кайши, довести численность группы военных советников до 10 тыс. человек и расширить ее полномочия по контролю за действиями гоминьдановской армии и руководству ею.

Особое место в планах американского командования отводилось Маньчжурии. Оно, по существу, предлагало Вашингтону установить контроль над Маньчжурией в

форме учреждения над этой частью Китая «опеки великих держав на период, пока китайское правительство станет достаточно сильным и стабильным, чтобы принять на себя ответственность за полный контроль над страной»⁵⁸. В докладе А. Ведемейера подчеркивалось, что это «единственный путь, чтобы спасти Маньчжурию от коммунистов»⁵⁹.

На случай неудачи с опекой предлагалось, чтобы правительство США само взяло на себя осуществление всех необходимых мер по спасению чанкайшистского режима, причем рекомендовалось прикрыть эти меры флагом ООН. «Неважно, — заявлял А. Ведемейер в американском сенате, — является Чан Кайши деспотом или демократом, а важно то, что он всю свою жизнь борется с коммунизмом»⁶⁰.

План Ведемейера был направлен на заключение в госдепартамент, а также в военное и военно-морское министерства.

В госдепартаменте к плану А. Ведемейера отнеслись довольно сдержанно, особенно к предложению относительно установления над Маньчжурией международной опеки или протектората.

После тщательного изучения этого плана экспертами госдепартамента 13 октября 1947 г. директору Дальневосточного управления внешнеполитического ведомства США У. Баттерворту был представлен меморандум директора управления по специальным политическим вопросам Д. Раска⁶¹. В этом документе были исследованы все возможные варианты и подходы к решению поставленной А. Ведемейером задачи. Были рассмотрены следующие возможности установления международного контроля над Маньчжурией под флагом ООН и вне ООН: 1) создание администрации из представителей пяти держав — Китая, США, Англии, Франции, Советского Союза; 2) создание администрации из представителей четырех держав (исключая Советский Союз); 3) осуществление управления Маньчжурией непосредственно самой Организацией Объединенных Наций; 4) установление над Маньчжурией протектората великих держав «по договоренности между ними» вне рамок ООН; 5) получение «согласия ООН» на то, чтобы китайское правительство декларировало предоставление Маньчжурии «независимости»⁶².

Авторы меморандума пришли к выводу, что ни один из рассмотренных вариантов и подходов неприемлем, так как осуществить любой из них практически невозможно. В качестве одного из аргументов они сослались на то, что правительство Чан Кайши «неохотно» пойдет на это. Но главным и непреодолимым препятствием они считали позицию Советского Союза. В меморандуме было отмечено, что решение вопроса через Совет Безопасности ООН обречено на провал ввиду существующего в этом органе ООН принципа единогласия пяти великих держав (авторы документа понимали, что СССР наложит вето на любое подобное предложение). Для решения же вопроса на Генеральной Ассамблее ООН требовалось собрать не менее $\frac{2}{3}$ голосов членов ООН, что также было маловероятно. В документе подчеркивалось, что СССР «вряд ли добровольно позволит США, Великобритании и Франции утвердиться в сердце Северной Азии в форме международного контроля над Маньчжурией»; что он решительно выступит в ООН против таких предложений. «При оппозиции со стороны СССР, — указывалось в меморандуме, — следует ожидать также активных выступлений... широких слоев населения Маньчжурии»⁶³. Все это чревато созданием такой обстановки, «которая может повести к военным столкновениям с Советским Союзом»⁶⁴.

После ознакомления с меморандумом государственного секретаря Дж. Маршалла правительство США положило предложения А. Ведемейера в отношении Маньчжурии под сукно. Взяло верх понимание того, что, опираясь на поддержку Советского Союза, китайский народ не позволит империалистическим державам отторгнуть Маньчжурию и установить там свое господство под флагом или без флага ООН.

В отличие от госдепартамента военные ведомства отнеслись к военным аспектам плана генерала Ведемейера более положительно. Некоторые наиболее воинственно настроенные представители военных кругов, такие, в частности, как генерал К. Ченнолт и командующий 7-м военно-морским флотом США адмирал Ч. Кук, поддержанные военно-морским министром Дж. Форрестолом, выступали за широкую военную поддержку Чан Кайши.

Так, генерал К. Ченнолт настаивал на решительных

военных акциях против КПК. Уже накануне краха режима Чан Кайши, в январе 1949 г., когда войска Народно-освободительной армии подошли к Янцзы, К. Ченнолт предложил под видом «добровольцев» бросить на помощь Чан Кайши «тщательно подобранную военную силу», чтобы остановить наступление войск НОА и «защитить долину нижнего течения Янцзы и Шанхай». К. Ченнолт осудил американскую дипломатию за то, что она сосредоточила «свое внимание» на европейских делах в тот момент, когда «рушится азиатская плотина», и заявил, что если «США не предпримут быстро действующую военную акцию, то мы потеряем наши шансы навсегда»⁶⁵.

Он выразил готовность возглавить «крестовый поход» за спасение гоминьдановского режима и предложил вернуть в Китай своих «мальчиков» из 14-го авиасоединения, которым он ранее командовал. Он начал в США кампанию записи «добровольцев», которые должны были приступить к «бомбардировке городов и районов, занятых войсками КПК», и заверял американское правительство и чанкайшистов, что сумеет остановить «китайских коммунистов».

Точку зрения наиболее крайне настроенных военных разделяли представители определенных политических кругов, в том числе активные деятели «китайского лобби» в конгрессе У. Джадд и Л. Кларк, известный дипломат и разведчик У. Буллит и др.

Специальная подкомиссия при Комиссии по иностранным делам конгресса осенью 1948 г. опубликовала доклад «Коммунизм в Китае». В нем содержалось требование увеличить помощь Чан Кайши, включая прямую военную поддержку. Это требование мотивировалось тем, что Китай является «решающим районом борьбы между Советским Союзом и Западом»⁶⁶.

С подобными же требованиями выступили ряд конгрессменов и сенаторов. Так, сенатор С. Бриджес, председатель Комиссии по ассигнованиям и объединенной комиссии конгресса по осуществлению «плана Маршалла», 13 ноября 1948 г. обратился к Г. Трумэну с требованием созвать специальную сессию конгресса для рассмотрения вопроса о «помощи Китаю». Он рекомендовал назначить генерала Макартура главнокомандующим и как бы своего рода «диктатором» в Китае⁶⁷.

Конгрессмен У. Джадд, выступая за военную интервенцию, подчеркивал прежде всего «особо выгодное (разумеется для США. — А. Л.) стратегическое положение Китая как страны, простирающейся на 2000 миль вдоль границы с Сибирью» и служащей, по его словам, «ключом к бассейну Тихого океана»⁶⁸.

Сенатор Мэлон заявлял, что «США давно рассматривали Китай, в том числе Маньчжурию и провинцию Жэхэ, как район, в котором США имеют первостепенные интересы»⁶⁹.

У. Буллит, посланный в 1947 г. в Китай вместе с «миссией» А. Ведемейера в качестве «специалиста по борьбе с коммунизмом», представил на рассмотрение Вашингтона программу «уничтожения китайских коммунистов в течение трех лет» из 18 пунктов. Он рекомендовал наряду с увеличением финансовой помощи Чан Кайши до 1,3 млрд. долл. немедленно оказать военную помощь гоминьдановским войскам, в особенности в Маньчжурии; послать дополнительно большое число американских военных советников и поставить фактически гоминьдановские вооруженные силы под командование американцев, назначив в качестве главнокомандующего генерала Д. Макатура⁷⁰.

С подобными же просьбами обращались к правительству США правящие круги гоминьдана. Они предлагали США создать и возглавить антикоммунистический блок в составе Англии, Франции, Японии, а также Южной Кореи, Филиппин и других «демократических» стран Южной и Юго-Восточной Азии. Газета «Хэпин жибао» писала 6 декабря 1948 г., что первоочередной задачей этого блока должна быть военная интервенция в Китае⁷¹.

1 декабря 1948 г. в США прибыла со специальной миссией жена Чан Кайши, Сун Мэйлин. Ей было поручено добиться согласия правительства США наряду с расширением финансово-экономической и военной помощи на направление в Китай генерала Д. Макатура, который возглавил бы руководство вооруженными силами гоминьдана.

С аналогичной просьбой обратился к США Сунь Фо, занявший в декабре 1948 г. пост премьер-министра. В первый же день вступления на этот пост Сунь Фо заявил на пресс-конференции, что он готов предоставить

США и другим иностранным государствам любые привилегии, включая снятие всяких ограничений на торговую-промышленную, финансовую и другую деятельность, лишь бы они помогли гоминьдану разбить вооруженные силы КПК.

Однако более трезво мыслящие представители правящих кругов США, в том числе ряд членов правительства, считали необходимым воздержаться от прямого военного вмешательства. Отражая настроения сторонников такого курса, «Вашингтон пост» писала в начале декабря 1948 г.: «Только слепой не может видеть, что американская политика помощи Чан Кай-ши... полностью обанкротилась... Надо окончательно порвать с прошлым». Касаясь просьбы Чан Кайши к США прислать «высокопоставленного и наиболее авторитетного генерала», которому была бы предоставлена полная свобода действий и вся полнота власти, «Вашингтон пост» указывала, что США все это уже испробовали. Газета призывала «не поддаваться панике» и не кричать о помощи Нанкину «по греческому образцу».

Рекомендуя не втягиваться глубже в китайские дела, «Вашингтон пост» указывала в качестве главного аргумента на «конфронтацию» западных держав с Советским Союзом в Европе. Газета подчеркивала, что, если бы был взят курс на прямое и широкое военное вмешательство в Китае, «США лишились бы и безопасности и израсходовали бы свои ресурсы... Стратегия, связанная с конфликтом Запада с Россией, навязывает творцам нашей политики курс невмешательства в дела Китая... Эта стратегия вылетит в окно, если мы позволим втянуть себя в антикоммунистический крестовый поход» ⁷².

Правительство США было вынуждено считаться с такими настроениями, отражавшими реальное положение вещей, которое американский историк Дж. Пратт охарактеризовал следующими словами: «Не может ли американская помощь Китаю (т. е. гоминьдановскому режиму. — А. Л.) встретить эквивалентную русскую помощь коммунистам?» ⁷³.

Г. Трумэн в своих мемуарах подчеркивает в связи с этим: «Телеграммы Маршалла из Китая показывают, что он отдавал себе полный отчет в том, что китайские коммунисты могут рассчитывать на русскую поддерж-

ку»⁷⁴. Он отмечает далее: «Наше положение в Китае оставляло нам ограниченные возможности для выбора. Мы не могли просто пустить дело на самотек... Противоположная альтернатива была в равной степени непрактична. Она состояла в том, чтобы разбить коммунистов, удалить с континента японцев и силой вынудить русских к уходу из Маньчжурии. Американский народ никогда не поддержал бы такого начинания»⁷⁵.

Положение правящих кругов США усугублялось еще рядом обстоятельств. Так, отвечая на предложение посла США в Китае Дж. Стюарта, изложенное в докладе от 22 октября 1948 г., о том, чтобы активизировать меры по спасению режима Чан Кайши, Дж. Маршалл указал, что принятие предлагаемого курса «непосредственно втянуло бы Соединенные Штаты в гражданскую войну в Китае» и взвалило бы на них такие расходы, «которые трудно было бы подсчитать», причем в такой период, подчеркнул Дж. Маршалл, когда США «имеют серьезные обязательства в других районах мира»⁷⁶.

США были прикованы к Европейскому континенту, где они были заняты осуществлением «плана Маршалла», оказанием «помощи» Греции, Турции и т. д. Как признает Г. Трумэн, США и Англия «безуспешно» пытались помешать переходу стран Восточной Европы «в коммунистический лагерь» и «заставить» Советский Союз проводить такую европейскую политику, которая бы устраивала Вашингтон и Лондон. «Но мы ничего не могли сделать», — сожалеет он⁷⁷. В США «поднимались голоса, — пишет далее Г. Трумэн, — призывавшие порвать с русскими. Эти люди не понимали, что мы могли выбирать только между переговорами и войной. Третьего пути не было»⁷⁸. Поэтому, замечает Дж. Пратт, Ведемейер предлагал «больше, чем правительство США готово было предпринять»⁷⁹.

Правда, правящие круги США пытались запугать СССР атомным оружием и стремились всеми средствами сохранить монополию в этой области, но безуспешно. «Во всех моих взаимоотношениях с комиссией по атомной энергии, — пишет Г. Трумэн, — я взял за практику заканчивать каждое совещание призывом к тому, чтобы мы продолжали идти впереди. Но наша монополия закончилась раньше, чем предсказывали эксперты.

В августе 1949 г. был произведен атомный взрыв в России»⁸⁰.

Таким образом, США в своей политике в отношении Китая все время приходилось оглядываться на Советский Союз, служивший мощным тылом, на который опирались революционно-демократические силы в Маньчжурии и во всем Китае. В этих условиях американское правительство вынуждено было проявить сдержанность и отказаться от того пути, на который его толкала наиболее агрессивная часть правящих кругов США.

Во время упомянутого выше визита в Вашингтон Сун Мэйлин президент Трумэн ограничился заверениями о готовности США выполнить уже принятые ранее конгрессом программы помощи и уклонился от предоставления Китаю дополнительных средств в размере 3 млрд. долл., на чем настаивала Сун Мэйлин. Он уклонился также от каких-либо обязательств в отношении оказания широкой военной помощи.

На решение американского правительства в определенной степени повлияло то обстоятельство, что визит Сун Мэйлин состоялся в разгар так называемого «Берлинского кризиса», вызванного провокационной политикой западных держав, пытавшихся включить оккупированные ими секторы Берлина в состав Западной Германии.

Китайские историки отмечали, что одним из главных факторов, сорвавших планы американской интервенции в Китае, явилось стремительное продвижение ОДА из Маньчжурии в Северный Китай, вместе с другими силами НОАК осуществившей бросок к Янцзы и далее на юг. Быстрое наступление народно-революционных армий, лишившее гоминьданцев возможности маневрировать и сосредоточить новые силы, в немалой степени объяснялось хорошо налаженной работой железных дорог в Маньчжурии, откуда шли главные переброски людских и материальных резервов.

Понимая, что по мере продвижения войск КПК от главной Маньчжурской базы на юг Китая проблема коммуникаций, бесперебойной переброски подкреплений, оружия и боеприпасов приобретала для них все большее значение, гоминьдановские войска, отступая, выводили из строя железные дороги, взрывали мосты, угоняли или уничтожали подвижной состав. Таким об-

разом гоминьдановцы рассчитывали максимально затруднить продвижение войск НОАК и выиграть время. Они стремились также помешать подвозу в освобождаемые районы Китая, и особенно в крупные города (Шанхай, Нанкин, Ухань), продовольствия, топлива, сырья и тем самым вызвать экономический хаос. В этом им готовы были содействовать американцы. В телеграмме в Вашингтон от 22 октября 1948 г. Дж. Стюарт предлагал блокировать Китай, прекратить подвоз муки, риса, нефтепродуктов, хлопка и других товаров, вызвать голод в стране, чтобы таким путем помешать победе народно-революционных сил. «Мы обладаем, — подчеркивал он, — политико-экономическим рычагом первостепенной важности. Не только отказом, но даже угрозой отказа в импорте по программе экономической помощи можно будет удержать, если не предотвратить создание в Нанкине коалиционного правительства, где бы преобладали коммунисты... Такой курс действий наиболее полно отвечает интересам Соединенных Штатов»⁸¹. Но все это не могло предотвратить победы народно-революционных сил.

В КНР впоследствии отмечалось, что народно-революционные силы сумели добиться быстрой военной победы над гоминьдановцами, закрепить отвоеванные у них позиции и преодолеть трудности, связанные с чанкайшистско-американской блокадой китайского побережья лишь благодаря СССР, оказавшему огромную и разностороннюю помощь главной революционной базе Китая — Маньчжурии.

Наряду с другими формами помощи очень важное значение имела посылка в Маньчжурию, а затем и в другие районы Китая советских специалистов (в частности, железнодорожников), которые «проявляли великий дух интернационализма и самоотверженности»⁸².

*Попытки американской дипломатии
использовать националистические устремления
некоторой части руководства КПК*

Наряду с открытой поддержкой Чан Кайши в гражданской войне и угрозой широкой военной интервенции США пытались прибегнуть к политическому манев-

рированию. Цель этих маневров состояла в том, чтобы путем осуществления некоторых буржуазных реформ реорганизации правительства Чан Кайши по существу укрепить гоминьдановский режим, ослабить КПК, ликвидировать революционные армии и пресечь дальнейшее развитие революционного процесса в Китае. Именно в этом была суть посреднической миссии П. Хэрли, а затем Дж. Маршалла, которые, учитывая националистические настроения и взгляды Мао Цзэдуна и некоторых близких к нему лиц, пытались воспользоваться этим.

Попытки американцев заигрывать с Мао Цзэдуном встретили заинтересованность с его стороны. Мао Цзэдун установил с Дж. Маршаллом личные контакты. Он писал американскому генералу в конце января 1946 г.: «Я высоко ценю Вашу справедливую и бескорыстную позицию в ходе переговоров и в осуществлении соглашения о прекращении огня. От имени ЦК КПК я хотел бы выразить Вам самую глубокую благодарность».

ЦК КПК, подчеркивал Мао Цзэдун, рассчитывает «воспользоваться Вашей беспристрастной помощью для решения многих проблем, как общенационального, так и местного характера, которые стоят перед всем китайским народом»⁸³.

Мао Цзэдун выразил согласие распространить «миссию» Дж. Маршалла на Маньчжурию. Действуя с его одобрения, Чжоу Эньлай обратился к Дж. Маршаллу за помощью в решении «всех спорных вопросов, как военных, так и политических». При этом Чжоу Эньлай заявил Дж. Маршаллу, что КПК питает к нему «полное доверие». «Мы полностью уверены в том, — подчеркнул он, — что участие США в этом деле стабилизирует обстановку во всем Китае. Мы приветствуем участие наших американских друзей в решении этих проблем. Мы верим, что только вы обладаете способностью оказать содействие в осуществлении этих задач»⁸⁴. Передавая послание Мао Цзэдуна Дж. Маршаллу, Чжоу Эньлай изложил генералу ряд «концепций», которые уже ранее были сформулированы Мао Цзэдуном в беседе с Дж. Сервисом в Яньани⁸⁵.

Выступая 8 октября 1949 г. в госдепартаменте на «дискуссии за круглым столом», Дж. Маршалл, касаясь своих встреч с Чжоу Эньлаем (а их, по его словам, было

около 600), заявил, в частности, следующее: «Он (Чжоу Энълай) несколько раз привозил мне послания от Мао Цзэдуна, в которых указывалось... что Китай должен сначала пройти через стадию американской демократии». Дж. Маршалл при этом отметил, что «он (Чжоу Энълай) говорил это так часто, что мне было видно, что это было заучено им наизусть». В высказываниях Дж. Маршалла фактически признается, что в своих заигрываниях с американцами Чжоу Энълай, действуя от имени Мао, зашел очень далеко. Так Дж. Маршалл заявил: «Дело дошло до того, что мне пришлось вступить за него и ходатайствовать перед Мао Цзэдуном, потому что одно время казалось, что они (КПК) снимут его. Они считали, что он слишком себя скомпрометировал». Дж. Маршалл заметил при этом, что «Чжоу Энълай... пошел на многие другие компромиссы»⁸⁶.

Мао Цзэдун с Дж. Маршаллом вел переговоры о создании американцами военных школ для подготовки и переподготовки командного состава войск КПК, включая командиров дивизий. Согласно достигнутой предварительной договоренности, было решено создать два таких военных училища — в Яньани и Калгане. Военных инструкторов и преподавателей, как и все техническое оснащение, должна была выделить ставка генерала Д. Макартура. Осуществление этой идеи было затруднено требованием Чан Кайши относительно подчинения войск КПК гоминьдановскому верховному командованию и было окончательно сорвано развернувшейся затем гражданской войной⁸⁷.

В своих переговорах с американскими представителями Мао Цзэдун и его окружение нередко допускали антисоветские высказывания. Так, в политически острый момент, когда чанкайшистская и американская пресса развернула антисоветскую пропагандистскую кампанию вокруг вопроса о задержке вывода советских войск из Маньчжурии, Чжоу Энълай выступил перед группой американских корреспондентов с заявлением провокационного характера. «Я им откровенно заявил, — сказал Чжоу Энълай Дж. Маршаллу, — что если бы это касалось только наших интересов, то мы считаем, что, чем скорее советские войска будут выведены, тем лучше»⁸⁸. Чжоу Энълай сетовал при этом на то, что интервью не получило широкого освещения на Западе,

а гоминьдановская пресса о нем вообще умолчала. Он жаловался Дж. Маршаллу также по поводу того, что гоминьдановские власти связывают с КПК «все, что относится к Советской России»⁸⁹. Упомянув организованные гоминьдановцами в феврале 1946 г. в ряде городов Китая антикоммунистические демонстрации и погромы, Чжоу Эньлай заявил, что «эти подлые элементы не предприняли никаких акций против советского посольства и консульств... Вместо них они избрали нас своей единственной мишенью»⁹⁰.

Чжоу Эньлай в данном случае извратил факты. Как уже отмечалось в главе третьей, гоминьдановские власти не жалели сил в осуществлении враждебных акций в отношении СССР. Многие советские работники в Китае стали жертвами их грубого произвола. Однако советские представители, подчеркивая принципиальную позицию СССР о невмешательстве во внутренние китайские дела, не скрывали при этом своих симпатий в отношении справедливой борьбы КПК за национальные интересы китайского народа. Они решительно осуждали репрессии против коммунистов и всех китайских патриотов.

Одобрив на словах проводимую Советским правительством политику невмешательства в китайские дела как единственно правильную и лучше всего отвечающую интересам китайского народа, Мао Цзэдун на деле пытался вовлечь СССР в борьбу между КПК и гоминьданом.

Идя на переговоры с гоминьданом при участии американцев, Мао Цзэдун и его окружение действовали таким образом, что это нельзя было расценить иначе, как попытку втянуть СССР в эти переговоры, а следовательно, в острую внутривосточную борьбу в Китае и в маневры, предпринятые США. Он, как и Чан Кайши, фактически стремился к тому, чтобы столкнуть США и СССР по известному в Китае принципу: «с горы наблюдать за схваткой тигров».

О попытках Мао играть на советско-американских противоречиях свидетельствует такой факт, приведенный в донесении посла США в Китае Дж. Стюарта государственному секретарю США от 6 января 1947 г. Дж. Стюарт писал, что при встрече с Дж. Маршаллом Чжоу Эньлай заявил, что своей политикой поддержки

гоминьдановского правительства, наносящей ущерб интересам КПК, «США толкают коммунистов в объятия русских и подрывают их симпатии к Соединенным Штатам». Стюарт при этом заметил: «Возможно, это было сказано искренне, возможно, для красного словца, а возможно, в этом заявлении есть и то, и другое»⁹¹.

Такие попытки предпринимались, в частности, со стороны делегации КПК в Чунцине. В этой связи представителям КПК была разъяснена принципиальная позиция Советского Союза, согласно которой существующие внутривосточные проблемы в Китае должны, по мнению Советского правительства, решаться без постороннего вмешательства самим китайским народом и решение их лежит на пути объединения всех прогрессивных, демократических сил страны, исходя из общих интересов китайского народа.

Однако, несмотря на эти разъяснения, делегация КПК не прекратила своих попыток. Так, на заседании Комитета трех (созданного после приезда Дж. Маршалла в Китай в составе представителей гоминьдана, КПК и США) 7 января 1946 г. при обсуждении вопросов, связанных с конфликтом между КПК и гоминьданом в Маньчжурии, Чжоу Эньлай заявил, что «эти вопросы должны быть рассмотрены с участием Советской России».

Представитель гоминьдана выступил против. Он заявил, что вопросы, касающиеся «реоккупации» Маньчжурии, предусмотрены советско-китайским договором и относятся к компетенции двух стран — Китая и СССР, поэтому нет необходимости в обсуждении этих вопросов с Советским Союзом в Комитете трех⁹².

На заседании Комитета, состоявшемся на следующий день, Чжоу Эньлай снова поднял этот вопрос. «Я думаю, что было бы необходимым, — заявил он, — чтобы были приглашены военные представители от Советской России, которые дали бы нам разъяснения относительно истинного положения» в вопросах, касающихся отвода советских войск из Маньчжурии и передачи территории центральному правительству⁹³.

На последующих заседаниях Комитета, когда развернулись острые споры между представителями КПК и гоминьдана из-за Толуна и Чифэна в провинции Чахар, Чжоу Эньлай вновь предлагал, чтобы представители

СССР приняли участие в обсуждении этой острой конфликтной ситуации⁹⁴.

Выступая против предложения представителя КПК и ссылаясь на советско-китайский договор, представитель гоминьдана, разумеется, менее всего заботился о соблюдении этого договора. Он преследовал иные политические цели. Но дискуссия, которую затевал Чжоу Эньлай в Комитете трех, поднимая вопрос об участии Советского Союза в решении внутривосточных проблем в Китае, шла вразрез с четкой и принципиальной позицией Советского правительства.

Потерпев неудачу с приглашением представителей СССР в Комитет трех, Чжоу Эньлай стал настойчиво добиваться, чтобы Дж. Маршалл вместе с ним отправился в Маньчжурию, мотивируя это необходимостью на месте разобраться в обстановке. Дж. Маршалл, по согласованию с президентом Трумэнem, занял отрицательную позицию, опасаясь, как он заявил, что приезд специального представителя президента США в Маньчжурию может вызвать подозрение и отрицательную реакцию в Советском Союзе. В телеграмме Г. Трумэну от 26 февраля 1946 г. Дж. Маршалл писал: «Чжоу Эньлай предлагает, чтобы мы посетили Мукден и Чанчунь. Я не соглашусь поехать в Мукден, если там находятся русские, потому что уверен, что они припишут моему появлению там что угодно, кроме действительной цели, что может создать более затруднительную, чем полезную обстановку»⁹⁵.

В беседе с представителем Чан Кайши в Комитете трех 20 февраля 1946 г. Дж. Маршалл заявил, что Чжоу Эньлай добивается поездки членов Комитета трех в Маньчжурию, но что он, Маршалл, хочет воздержаться от этого, так как «не желает давать русским повода для пропаганды, которая может повредить его миссии». Дж. Маршалл сказал, что, возможно, он решится на такую поездку в Мукден, «когда оттуда уйдут русские войска»⁹⁶. И действительно, Чжоу Эньлаю удалось уговорить представителя США отправиться в Мукден после ухода оттуда советских войск.

В телеграмме от 18 марта 1946 г. из Вашингтона, где он находился в то время, Дж. Маршалл писал своему заместителю в Комитете трех генералу А. Гиллему, что, если гоминьдановские войска взяли Мукден, «я

не вижу более оснований откладывать вашу поездку в Мукден»⁹⁷. В то же время, когда американский генерал Г. Байроуд из так называемого «исполнительного штаба» в Пекине собирался из Мукдена отправиться в Чанчунь для встречи с маршалом Р. Я. Малиновским, чтобы под предлогом информирования представителей советского командования о работе указанного штаба «прощупать», по его словам, связи советского командования с КПК, посольство США в Китае указало Байроуду, что ему «ни в коем случае не следует ехать в Чанчунь или в любой другой район, занятый русскими, без получения специальных полномочий Комитета трех или разрешения генерала Маршалла»⁹⁸.

2 апреля 1946 г. Дж. Маршалл телеграммой из Вашингтона подтвердил указание американского посольства и одновременно предложил, чтобы инспекционные группы, направляющиеся в Маньчжурию, не вступали на территорию той ее части, «которая занята русскими»⁹⁹.

Таким образом, США стремились держаться в стороне от прямых контактов с советским командованием в Маньчжурии, избегали прямой конфронтации там с СССР. Они предпочитали действовать через правительство Чан Кайши, добиваться осуществления своих целей в Китае руками гоминьдановцев.

Однако США не удалось реализовать свои планы в Китае, в частности в Маньчжурии, ни методами прямого военного вмешательства, ни сговором с чанкайшистами, ни попытками налаживания контактов с Мао Цзэ-дуном. Главным препятствием для них явился Советский Союз, который, твердо стоя на позициях невмешательства во внутренние дела Китая, вел решительную борьбу за прекращение вмешательства США в эти дела в любой форме, за вывод американских войск из Китая.

Китайский историк Ляо Гайлун писал, что американским планам «захвата Маньчжурии и порабощения всего Китая» не суждено было осуществиться благодаря существованию могучего антиимпериалистического лагеря во главе с СССР, который не позволил американскому империализму «сконцентрировать свои силы, чтобы подавить китайскую революцию»¹⁰⁰.

В прогрессивной китайской печати и в выступлениях

руководителей КПК и представителей китайской общенности неоднократно указывалось, что агрессивным планам США «противостояла мощь Советского Союза»¹⁰¹.

Мао Цзэдун подчеркивал впоследствии, что «Советский Союз — оплот мира во всем мире, могучий фактор, препятствующий установлению мирового господства американской реакции. Существование Советского Союза делает притязания американской и мировой реакции совершенно неосуществимыми»¹⁰².

В статье «Прощайте, Лэйтон Стюарт!», опубликованной 18 августа 1949 г. в связи с выходом американской «Белой книги» о Китае, Мао Цзэдун отмечал: «Слушайте же те из китайцев, которые полагают, что победа возможна и без международной помощи. Ачесон дает вам урок! Ачесон — хороший учитель, он, не утаивая, преподносит всю правду. США не выставили большого количества войск для наступления на Китай не потому, что правительство США не хотело этого, а потому, что у него были свои опасения»¹⁰³. Отмечая главные из них, Мао Цзэдун писал: «Правительство США опасалось, что народы Советского Союза, Европы и всего мира выступят против него, опасалось всеобщего осуждения»¹⁰⁴.

Таким образом, Мао Цзэдун признавал перед лицом всей мировой общности громадную роль Советского Союза в судьбах китайской революции.

События, характеризующие историю освободительного движения Китая в сложный и ответственный период конца 40-х годов, роль, которую играли в этих событиях СССР и США, выбивают почву из-под ног тех, кто, стремясь «навести мосты» между Пекином и Вашингтоном и идя на сближение с другими империалистическими государствами, старается оправдать политику вражды в отношении Советского Союза, помешать восстановлению советско-китайской дружбы.

Таким образом, факты показывают, что, следуя ленинской внешней политике в отношении Китая, Советский Союз оказывал огромную поддержку КПК и возглавляемым ею народно-революционным силам в их борьбе против попыток осуществления американской интервенции в Китае. Не поддаваясь провокациям и давлению со стороны гоминьдано-американского блока

и не позволяя ни одной из борющихся в Китае сторон, в том числе Мао Цзэдуну, непосредственно втянуть себя во внутренний конфликт в стране, Советское правительство твердо и последовательно стояло на позициях решительной борьбы за интересы китайского народа и сделало все, чтобы максимально содействовать его победе, завершившейся образованием Китайской Народной Республики.

ОБРАЗОВАНИЕ КНР.
СССР — ГЛАВНАЯ ОПОРА КНР
В БОРЬБЕ ЗА УПРОЧЕНИЕ ПОБЕДЫ
НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Отношение правящих кругов США
к образованию Китайской Народной Республики*

После образования в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики США начали проводить в отношении ее крайне враждебную политику. Они повели борьбу против признания КНР другими государствами, пытались объединить их в единый фронт.

В опубликованном в январе 1973 г. Сенатской комиссией по иностранным делам конгресса США специальном документе, посвященном проблеме отношений Соединенных Штатов и Китая в 1949—1950 гг., говорится: «Перед войной в Корее администрация Трумэна действительно сознательно воздерживалась от признания (Китайской Народной Республики. — А. Л.) и пыталась изолировать новый коммунистический режим». Но это, как утверждали американцы задним числом, делалось «лишь по тактическим соображениям», чтобы «принудить китайцев к выполнению определенных специфических международных обязательств»¹. Здесь нужно учитывать, что с начала 70-х годов, в связи со взятым Соединенными Штатами курсом на сближение с Китаем, американские официальные лица и историки пытаются представить политику США в отношении КНР в первые годы ее существования в более благоприятном свете, нежели это было в действительности.

В чем же заключались эти «международные обязательства», выполнения которых добивались США в качестве условия признания КНР? В цитируемом выше документе Сенатской комиссии указывается: «В 1949 и начале 1950 г. это понятие („международные обязатель-

ства". — А. Л.) простиралось до включения обязательства соблюдать условия договоров, заключенных цинской династией и гоминьдановским правительством... Если бы коммунисты выполнили эти обязательства, их действия были бы расценены американской прессой и в администрации как признак того, что коммунисты собираются быть более ответственными, менее антиамерикански настроенными и менее крайними в своем коммунизме»². Другими словами, американские правящие круги предлагали китайскому народу заплатить США за признание ими КНР согласием восстановить между Китаем и США те отношения неравноправия, которые существовали во времена господства цинских императоров и гоминьдановских правителей.

Несмотря на полную абсурдность этих условий, Вашингтон, по свидетельству упомянутого документа Сенатской комиссии, продолжал настойчивые попытки навязать их КНР вплоть до начала войны в Корее. При этом Соединенные Штаты оказывали нажим на другие государства, добиваясь создания единого фронта против Китая³.

Государственный секретарь США Д. Ачесон заявлял: «Ни одна из стран не получит никаких выгод от того, что она первой признает коммунистов. Позиции всех нас будут сильнее, если мы будем придерживаться общей линии... до тех пор, пока коммунисты не займут благоприятной позиции по вопросу признания своих международных обязательств, или по крайней мере до тех пор, когда мы будем точно знать, во что мы вовлекаемся. Когда наступит это время, тогда, по нашему мнению, будет целиком дело каждого самому решить, выиграют или пострадают его собственные интересы в результате такой акции»⁴.

Стремясь к сколачиванию единого фронта против КНР, в Вашингтоне исходили из того, что международная изоляция КНР, только что вышедшей из кровопролитной гражданской войны, усилит ее и без того огромные экономические трудности, заставит китайское руководство обратиться за помощью к западным монополиям и подчиниться их диктату. Таким образом, речь шла не о дипломатической тактике, а о политической стратегии Вашингтона, стремившегося всеми средствами сохранить за собой права и привилегии, которые

позволили бы американским монополиям по-прежнему хозяйничать в Китае.

Главное препятствие на пути осуществления такой политики в отношении КНР правящие круги США видели в Советском Союзе. Поэтому они всячески стремились к тому, чтобы оторвать КНР от СССР и других стран социализма. Анализируя обстановку накануне и вскоре после образования КНР, председатель Сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Фулбрайт писал в 1973 г., что в 1949—1950 гг. политические стратеги в администрации Трумэна разработали «двоякую политику» в отношении Азии, чтобы «справиться» с так называемой «международной коммунистической опасностью». «Для коммунистического Китая, — указывает Дж. Фулбрайт, — они выработали политику, рассчитанную на то, чтобы вызвать раскол между китайцами и Советами. В остальной части Азии администрация стремилась к тому, чтобы остановить распространение коммунизма (который она рассматривала как продолжение советской внешней политики) путем создания „санитарного кордона“ вокруг Китая»⁵.

В рассекреченных за последние годы документах госдепартамента и конгресса США признается, что правящие круги США рассчитывали на перерождение КПК, на усиление националистических и великодержавно-шовинистических настроений в Китае. Госдепартамент предпринимал все меры к тому, чтобы эти силы «беспрепятственно действовали против Советского Союза»⁶.

Государственный секретарь США Д. Ачесон заявил в марте 1950 г., что для США безразлично, кто правит Китаем, «пусть даже сам дьявол», лишь бы он был «независимым дьяволом». Он тут же оговорился, что США предпочитают, чтобы «Китаем правил кто-то другой, но не коммунисты, поскольку коммунисты стремятся тяготеть к Москве»⁷. «Тяготение» Китая к Советскому Союзу, сближение, сотрудничество и дружбу с СССР в Вашингтоне называли не иначе, как «подчинение» Москве, потеря независимости и т. п.

Еще до победы китайского народа, в период «посреднической» миссии в Китае Дж. Маршалла, США делали все возможное, чтобы не допустить создания коалиционного правительства с участием коммунистов

(вопреки распространяемой американцами ныне версии, что будто бы США были не против коалиционного правительства с участием коммунистов). Так, в заявлении 11 марта 1948 г. президент Г. Трумэн подчеркнул: «Политика Соединенных Штатов, которая осуществлялась генералом Маршаллом в период его миссии в Китае, заключалась в оказании содействия правительству Чан Кайши, с тем чтобы оно могло справиться со сложившейся ситуацией». Он выразил надежду, что в правительство будут включены китайские либералы, но заявил, что, «насколько это в наших силах, мы не желаем никаких коммунистов в правительстве Китая или в любом другом месте»⁸.

Уже после создания КНР, в одном из документов Совета национальной безопасности США, датированном 30 декабря 1949 г., приводится следующая директива администрации США: «Соединенные Штаты должны продолжать политику отказа от предоставления военной и политической поддержки любым некоммунистическим элементам, если только эти элементы не желают оказывать сопротивления коммунизму с помощью или без помощи Соединенных Штатов и если такая помощь не будет служить серьезным противодействием коммунистам и способствовать общим интересам Соединенных Штатов»⁹. При этом предлагалось использовать «через соответствующие политические, психологические и экономические средства любые расхождения между китайскими коммунистами и СССР»¹⁰.

Важное место в планах США относительно КНР отводилось Тайваню. Своего рода «освоение» ими Тайваня началось сразу же после капитуляции Японии, когда США высадили на острове войска, сосредоточили здесь свои военно-воздушные силы. Опираясь на них, как справедливо отмечал известный китайский историк Лю Данянь, США «утвердили на Тайване свое экономическое и политическое влияние, установили контроль над военными базами и экономикой, то есть фактически заменили японское господство своим господством»¹¹. Вслед за военными на Тайвань хлынула многочисленная армия американских бизнесменов и разного рода специалистов под предлогом оказания «помощи в деле восстановления Тайваня»¹².

В октябре 1946 г. США заключили с Чан Кайши со-

глашение, по которому американцы получили право на свободное учреждение различных предприятий на Тайване, восстановление и строительство гидроэлектростанций, на превращение портов Цзилун и Гаосюн в так называемые «свободные международные порты». В феврале 1948 г. между США и правительством Чан Кайши было заключено новое соглашение, которое предоставило американским монополиям широкие права на добычу нефти, серы, золота, угля, вольфрама, сурьмы и других ископаемых¹³. США установили здесь свой контроль над ведущими отраслями промышленности и всей экономической жизнью.

Через свою агентуру на Тайване США инспирировали кампанию за отделение его от Китая. В своем докладе правительству США от 17 августа 1947 г. генерал А. Ведемейер, описывая огромные богатства Тайваня, предлагал захватить эту территорию, учредив над ней «опеку». Он утверждал, что «формозцы благоприятно относятся к опекунству Соединенных Штатов и опеке ООН»¹⁴. Американские представители на Тайване прибегали даже к открытым подстрекательствам. Они заявляли, что «если формозцы пожелают освободиться от правления Китая, то Соединенные Штаты будут готовы им помочь»¹⁵.

После образования КНР Вашингтон принял все меры к тому, чтобы воспрепятствовать освобождению Тайваня и установлению над ним контроля КНР. Сначала был выдвинут тот предлог, что до подписания мирного договора с Японией Формоза «технически» все еще является японской территорией¹⁶. В ноябре 1949 г. США заключили с чанкайшистами секретное соглашение, которое предусматривало, что в случае необходимости США оккупируют Тайвань от имени ООН, чтобы воспрепятствовать освобождению его вооруженными силами НОАК¹⁷.

25 июня 1950 г. в связи с начавшейся войной в Корее Г. Трумэн официально объявил приказ авиационным и морским силам США об оккупации Тайваня под предлогом «обеспечить прикрытие и поддержку войскам корейского (южнокорейского. — А. Л.) правительства». Г. Трумэн заявил, что решение вопроса о будущем статусе Формозы должно быть отложено до восстановления безопасности на Тихом океане, до заключения

мирного договора с Японией или до рассмотрения этого вопроса Организацией Объединенных Наций¹⁸, другими словами — до греческих календ.

Одновременно с «освоением» Тайваня США развернули в сотрудничестве с чанкайшистами широкую шпионско-диверсионную деятельность против КНР. Для руководства подрывной деятельностью против КПК разведывательные органы США создали широкую сеть специальных центров на Тайване, в Гонконге, на Филиппинах, в Таиланде, Японии, Южной Корее и в ряде других мест. На Тайване, в Японии, на Филиппинах и в Южной Корее были созданы специальные школы, где под руководством американцев готовились разведчики и диверсанты для засылки в Китай¹⁹. Широко использовались бывшие японские и ванцинвэевские разведчики, а также «специалисты» из спецорганов Маньчжоу-го.

При организации подрывной деятельности против КНР были использованы опыт и кадры шпионско-диверсионных школ, созданных и действовавших еще во время войны с Японией в самом Китае (в Чунцине, Сиани, Ланьчжоу, Цзяньане, Шанхае, Наньнине, Сюйчжоу). Уже тогда выпускники этих школ использовались для борьбы с демократическим движением в Китае.

Американо-чанкайшистские спецслужбы развернули широкую деятельность, направленную на то, чтобы вызвать экономический хаос в КНР, запугать китайское население, подорвать у него доверие к органам народной власти, помешать становлению и упрочению народной власти в Китае. По Китаю прокатилась волна диверсий на промышленных предприятиях, железных дорогах и других важных для страны объектах, а также актов террора. Однако власти КНР при решительной поддержке народа сумели справиться с этими подрывными действиями.

Еще в ходе гражданской войны, по мере отступления гоминьдановских войск под ударами НОАК, американцы совместно с Чан Кайши организовали блокаду освобождаемых районов. Под прикрытием американских военных кораблей гоминьдановцы нападали на иностранные торговые суда, направлявшиеся в порты, контролируемые новыми китайскими властями. Так, только в ноябре 1949 г. были атакованы и повреждены торго-

вые корабли «Люис Моллер», «Эдит Моллер», «Леонби», «Цзинань», «Усан».

После создания КНР блокада усилилась. США запретили поставки Народному Китаю не только так называемых «стратегических товаров», но также продовольствия и товаров первой необходимости. США хотели таким путем лишить крупные промышленные центры КНР подвоза сырья, топлива, необходимых продуктов питания для населения, вызвать голод, усилить и без того огромную безработицу.

Чжоу Эньлай в своем заявлении от 2 февраля 1951 г. так характеризовал политику США в первые трудные годы становления КНР. «Замыслы американского империализма заключаются в следующем: продолжать захват Кореи и Тайваня, продолжать вмешательство во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии... вновь вооружить Японию, а вместе с ней и Западную Германию; толкнуть народы Азии, Европы и всего мира в бездну войны с тем, чтобы осуществить свое стремление к мировому господству»²⁰. Такая оценка тогдашним руководством КПК политики США соответствовала действительности и полностью совпадала с оценками этой политики Советским Союзом и другими странами социализма.

*Помощь Советского Союза
Китайской Народной Республике
в преодолении трудностей мирного строительства
и в укреплении ее международного положения*

Для КНР начальный период становления и упрочения независимости представлял особую сложность. В течение тридцати с лишним лет, начиная с контрреволюционного переворота 1927 г., страна находилась в состоянии гражданской войны, японского нашествия, а затем новой, еще более кровопролитной гражданской войны. Хозяйственная жизнь Китая была парализована. Промышленные предприятия не работали из-за отсутствия сырья, топлива, квалифицированных специалистов. Сельское хозяйство пришло в полный упадок, ирригационные системы были разрушены, деревни разорены. Железные дороги не функционировали, морские и речные суда были угнаны гоминьдановцами или взорва-

ны. В южных и юго-восточных районах еще продолжались военные действия по очистке их от остатков гоминьдановских армий. Тяжелое внутреннее положение усугублялось, как отмечалось выше, враждебными подрывными акциями со стороны США.

Чтобы разорвать созданное Соединенными Штатами кольцо экономической блокады и внешнеполитической изоляции, преодолеть внутренние трудности, китайский народ крайне нуждался в срочной и надежной помощи. Таковую помощь он получил со стороны Советского Союза и других стран социализма.

Сразу же после официального провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики Советский Союз заявил о ее признании и установлении с нею дипломатических отношений. Таким же образом поступили другие страны социализма. 3 октября 1949 г. КНР признала Болгария, 4 октября — Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, 5 октября — Корейская Народно-Демократическая Республика, 7 октября — Монгольская Народная Республика, а 25 октября было объявлено об обмене дипломатическими представительствами между КНР и ГДР. 16 января 1950 г. к ним присоединилась ДРВ. Эти внешнеполитические акции Советского Союза и других социалистических стран нанесли серьезный удар по внешнеполитическим позициям США, сорвали их попытки создания вокруг КНР «санитарного кордона». Прорыв международной изоляции КНР на участках социалистических стран Европы и Азии облегчил задачу установления КНР международных связей с развивающимися странами, которым в иных условиях было бы трудно решиться на такой шаг. 16 декабря 1949 г. о признании КНР и готовности установить дипломатические отношения с нею заявила Бирма, 30 декабря — Индия, 4 января 1950 г. — Пакистан, 6 января — Цейлон, 12 января — Афганистан, 27 марта — Индонезия, за ними последовал ряд других стран. Таким образом кампания непризнания КНР, которую США развернули начиная еще с апреля 1949 г., сразу же после падения гоминьдановской столицы Нанкина, потерпела провал.

Важной вехой в укреплении международного положения КНР явился подписанный 14 февраля 1950 г. договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР.

Одновременно с договором были подписаны соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного кредита и ряд других соглашений.

Согласно договору, СССР и Китайская Народная Республика взяли на себя обязательство совместно предпринимать необходимые меры, чтобы не допустить повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с ней в агрессивных актах. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из сторон другая немедленно окажет ей военную или иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Договором предусмотрены обязательства сторон участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, направленных на укрепление мира и безопасности. Стороны договорились консультироваться друг с другом по важным внешнеполитическим вопросам, затрагивающим интересы обоих государств.

Относительно срока действия договора было предусмотрено, что он останется в силе в течение 30 лет, причем, если одна из договаривающихся сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать договор, он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться ²¹.

В новых условиях, сложившихся на Дальнем Востоке после августа 1945 г., когда был подписан договор с гоминьдановским правительством, представилось возможным пересмотреть подход к вопросам, касающимся Китайской Чанчуньской железной дороги, Порт-Артура и Дальнего. Учигывая победу китайской революции и выражая свои искренние симпатии и доверие к новому Китаю, Советский Союз выразил готовность безвозмездно передать в полную собственность КНР все свои права по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой со всем принадлежащим дороге имуществом. Согласно новому соглашению, передача должна была произойти после заключения мирного договора с Японией, но не позже, чем в конце 1952 г. ²².

В соглашении о Порт-Артуре было предусмотрено,

что советские войска будут выведены из этой совместно используемой военно-морской базы, а все сооружения, находившиеся в этом районе, перейдут в полное распоряжение КНР. Вывод войск и передачу сооружений было предусмотрено осуществить в те же сроки, что и передачу КЧЖД, т. е. после заключения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 г.²³

СССР выразил готовность оказать КНР экономическую и научно-техническую помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства, в подготовке инженерно-технических и других кадров. Для осуществления строительства промышленных и других важных объектов СССР согласился предоставить правительству КНР льготный кредит в сумме 300 млн. долл.²⁴

Кроме того, СССР решил безвозмездно передать правительству КНР имущество, которое было приобретено советскими организациями у японских собственников в Маньчжурии (49 промышленных предприятий, портовые сооружения и оборудование порта Дальний, автобазы, мастерские и др.). Были переданы также здания и территория бывшего русского военного городка в Пекине.

27 марта 1950 г. между СССР и КНР было достигнуто соглашение об организации на паритетных началах советско-китайской авиационной компании, а также смешанных обществ по добыче нефти и цветных металлов на северо-западе Китая, в провинции Синьцзян. Вслед за этим было образовано советско-китайское общество по строительству и ремонту морских судов в Дальнем. Эти предприятия имели не только большое хозяйственное значение, но играли также важную роль в деле подготовки инженерно-технических кадров для Китая.

По просьбе правительства КНР Советский Союз направил в Китай большое число специалистов (в том числе инженеров, ученых, военных) для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства, подготовке кадров, укреплении обороноспособности страны.

В апреле 1950 г. СССР и КНР заключили соглашение о торговле и товарообороте и ряд соглашений о взаимных поставках товаров. Уже к концу 1950 г. объем советско-китайской торговли превысил 2,3 млрд. руб.²⁵ СССР занял первое место среди торговых парт-

неров Китая. Главную статью китайского импорта из СССР составили машины и оборудование. Это содействовало выходу Китая из экономической зависимости, в которой его держали империалистические монополии до ликвидации их господства в Китае.

Развитие торгово-экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами помогало Народному Китаю, как отмечали руководители внешней торговли КНР, «укреплять свою экономическую самостоятельность... ликвидировать зависимость от капиталистических стран» ²⁶.

Жизненная важность помощи и поддержки КНР со стороны Советского Союза особенно ярко проявилась во время вооруженной агрессии США в Корее, которая представляла собой «прелюдию к нападению на Китай» ²⁷.

Организаторами агрессии были разработаны планы, предусматривавшие захват Маньчжурии и других районов Китая после завершения военных действий в Корее, причем некоторые американские военные, в частности главнокомандующий американскими вооруженными силами в Корее Д. Макартур, рассчитывали перейти р. Ялу и вторгнуться на территорию Китая еще до окончания военных действий в Корее. Уже с 27 августа 1950 г. самолеты и военно-морские корабли США, базирующиеся в Южной Корее, приступили к бомбардировкам населенных пунктов в Маньчжурии. В связи с этим в документе, распространенном заместителем министра иностранных дел КНР У Сюцюанем на пресс-конференции в Лейк Саксесе 16 декабря 1950 г., подчеркивалось: «Длинная цепь агрессивных действий Соединенных Штатов доказывает, что правительство США преисполнено решимости распространить агрессию на Китай и что агрессивные военные действия американских империалистов против Китайской Народной Республики уже начались» ²⁸.

Китайский народ ответил на агрессивные действия США массовой патриотической кампанией «Кан Мэй юань Чао» («Отпор Америке, помощь Корее»). По всей стране развернулось движение за подъем производства, укрепление оборонной мощи, сбор средств, продовольствия, одежды для патриотов КНДР.

Агрессия со стороны США принимала все более

угрожающие размеры. Войска интервентов в Корее пересекли 38-ю параллель и двигались к границам Китая.

В этих условиях правительство КНР было вынуждено направить в Корею армию китайских добровольцев под командованием одного из самых талантливых военачальников НОАК — Пын Дэхуая.

Советский Союз и другие страны социализма оказали корейскому и китайскому народам всю необходимую помощь. Из СССР через Маньчжурию непрерывным потоком направлялись необходимая боевая техника, боеприпасы, продовольствие и т. д. В Китае при содействии СССР было развернуто строительство оборонных предприятий, быстрыми темпами шло перевооружение, организация и переподготовка вооруженных сил КНР, оснащение их новейшей советской военной техникой.

В дополнение к Советским Вооруженным Силам, расположенным в районе военно-морской базы Порт-Артур, в Маньчжурию были переброшены мощные военно-воздушные силы и части противовоздушной обороны, которые послужили защитой Маньчжурии от американских интервентов и надежно прикрыли линии коммуникаций, связывающих Китай с Кореей. Об эффективности этого прикрытия можно судить хотя бы по тому факту, что, несмотря на все попытки американской авиации, ей до конца войны так и не удалось вывести из строя переправы через р. Ялу и прервать железнодорожное сообщение между Маньчжурией и Северной Кореей.

Подлинный героизм был проявлен советскими специалистами авиационной промышленности. В кратчайшие сроки, на открытых площадках, не дожидаясь постройки заводских цехов, они смонтировали все необходимое оборудование, доставленное из СССР, и обеспечили все виды ремонта и возвращение в строй боевых самолетов, получивших повреждения в схватках с американской авиацией. Такую же самоотверженность проявляли все другие советские специалисты, работавшие в КНР, несмотря на предложение китайских властей покинуть наиболее опасные зоны и эвакуировать свои семьи в Советский Союз в связи с налетами американской авиации.

Столкнувшись с твердой поддержкой Китайской Народной Республики со стороны Советского Союза, США предприняли попытку использовать ООН в своих целях. Чанкайшистский представитель в ООН, действуя с полного одобрения Вашингтона, направил в ООН накануне 4-й сессии Генеральной Ассамблеи «жалобу» на Советский Союз, обвиняя его в нарушении советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. и во вмешательстве во внутренние дела Китая.

Как уже отмечалось, с подобной «жалобой» на СССР гоминьдановские власти собирались обратиться в ООН еще раньше, в 1947—1948 гг. Но тогда США удержали их от этого шага, так как они, принимая все меры к спасению гоминьдановского режима и своих позиций в Китае, действовали весьма бесцеремонно и боялись, что такое обращение в ООН повернется против них самих. Теперь же, когда они вместе с Чан Кайши были изгнаны из Китая, США решили поддержать действия чанкайшистов. Так появилась в ООН гоминьдано-американская «жалоба», озаглавленная «Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Китая и миру на Дальнем Востоке, проистекающая из нарушений Советским Союзом китайско-советского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., а также из нарушений Советским Союзом Устава Организации Объединенных Наций.

Излагая в своем выступлении в ООН содержание «жалобы», гоминьдановский представитель заявил о том, что решающую роль в «победе коммунистов» в Китае сыграла Маньчжурская база, а главным фактором в создании этой базы явилось присутствие в Маньчжурии Советских Вооруженных Сил. В выступлении подчеркивалось, что гоминьдановскому правительству не удалось овладеть Маньчжурией ввиду отказа Советского Союза в помощи в переброске гоминьдановских войск, запрещения пропуска их через порт Дальний, отказа в разрешении на формирование гоминьдановских войск на месте, в районах самой Маньчжурии (гоминьдановские власти пытались сформировать их из числа бывших марионеточных войск, из полицейских отрядов и разно-

го рода банд). Советскому Союзу ставилось также в «вину» оказание помощи народно-революционным силам, выразившееся в передаче им японского трофейного оружия и в экономической поддержке китайских народных властей в Маньчжурии путем установления с ними торговых связей ²⁹.

Все это было расценено гоминьдановским представителем и выступавшим в его поддержку представителем США Дж. Даллесом как нарушение советско-китайского договора от 14 августа 1945 г., хотя по этому договору СССР вовсе не брал и не собирался брать на себя каких-либо обязательств помогать гоминьдановскому правительству в борьбе с оппозиционными ему силами, а тем более в гражданской войне, развязанной при прямой поддержке США, которые тем самым грубо нарушили Московское (декабрь 1945 г.) соглашение министров иностранных дел по Китаю.

В выступлениях гоминьдановского правительства содержалась также целая серия совершенно абсурдных измышлений о снабжении войск ОДА советским оружием, об участии советских войск в боевых действиях на стороне ОДА и т. п. ³⁰.

Глава советской делегации в ООН выступил против включения гоминьдановской «жалобы» в повестку дня Генеральной Ассамблеи и обсуждения ее в других органах ООН. Он подчеркнул, что не может быть и речи о какой-либо угрозе политической независимости и территориальной целостности Китая, как и миру на Дальнем Востоке, равно как не может быть и речи о каких-то претензиях по поводу якобы нарушения Советским Союзом Устава ООН. Весь этот вопрос был поставлен с единственной целью: отвлечь внимание от текущих событий в Китае, происходящих в результате победы китайского народа в его борьбе против иностранного гнета и внутренней реакции. Советский представитель указал далее, что рассмотрение упомянутого вопроса является совершенно необоснованным и незаконным, поскольку он поставлен бывшим гоминьдановским правительством, которое свергнуто китайским народом. Он указал также на незаконность того, что гоминьдановцы представляют Китай в Организации Объединенных Наций, что советская делегация не будет ни принимать участия в рассмотрении этого вопроса, ни признавать ре-

шений, могущих быть принятыми по требованию гоминьдановцев³¹.

В поддержку позиции Советского Союза выступили делегации других социалистических стран. Несмотря на маневры США, последним не удалось проташить нужную им резолюцию, направленную против Советского Союза. Первый Комитет ограничился решением передать вопрос Межсессионному Комитету Генеральной Ассамблеи для продолжения его рассмотрения и представления доклада с рекомендациями на следующей очередной сессии³².

На 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в ноябре 1950 г., гоминьдановцы снова потребовали рассмотрения своей «жалобы» на СССР. В ней они добавили «обвинения» Советского Союза в помощи Китайской Народной Республике путем заключения нового советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г., в укреплении вооруженных сил «китайских и корейских коммунистов». Гоминьдановский представитель подчеркнул особую роль Маньчжурии, заявил, что войскам «Объединенных наций» в Корее приходится сражаться «с армией, которая пользуется территорией Маньчжурии в качестве оперативной базы»³³.

Представитель США Дж. Даллес, в своем выступлении обрушился на советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г., заключенный «с врагами национального правительства», на советскую политику поддержки национально-освободительной борьбы народов Азии³⁴.

Отвечая ему, представитель СССР разоблачил подоплеку гоминьдановской «жалобы», рассчитанной на то, чтобы обмануть мировое общественное мнение и представить дело так, будто крах гоминьдановского режима был вызван вмешательством СССР во внутренние дела Китая. Он показал, что явную угрозу политической независимости и территориальной целостности этой страны представляют попытки вмешательства США во внутренние дела Китая.

Он опроверг как несостоятельные утверждения американских представителей, будто СССР нарушил Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку. Советский представитель указал, что вступление СССР в войну против Японии в соответствии с Ялтинским соглашением спасло жизни не менее 200 тыс. американцев³⁵.

Советский представитель выступил против предложений некоторых стран, следовавших в фарватере политики США, передать выдвинутый гоминьдановцами вопрос на рассмотрение Международного суда. Разоблачая клевету гоминьдановцев и американцев о том, что СССР якобы стремился забрать в свои руки экономику Маньчжурии, советский представитель указал на заключенные Советским Союзом с КНР договор от 14 февраля 1950 г. и соглашения, по которым он по своей инициативе и доброй воле выразил готовность передать Китаю безвозмездно все свои имущественные права на КЧЖД и другие объекты в Маньчжурии. «Согласились бы когда-нибудь Соединенные Штаты на безвозмездную передачу находящегося под их контролем или в их владении имущества в других странах?» — спросил советский представитель³⁶. На этот вопрос выступавший от имени США Дж. Даллес предпочел не отвечать.

В ходе дискуссий американцы и чанкайшисты пытались протащить решение о создании специальной комиссии по расследованию на месте фактов «вмешательства» Советского Союза. Представители стран западного блока не решились принять такое предложение, мотивировав свою позицию тем, что, если такая комиссия будет создана, СССР и КНР не пускают ее на свою территорию заниматься «расследованиями». Вопреки категорическим возражениям социалистических стран, была принята предложенная Сирией резолюция, предусматривавшая передачу вопроса на дальнейшее изучение³⁷. Следует отметить, что против указанной резолюции голосовали также Норвегия, Швеция, Великобритания, Австралия, Бирма, Канада, Дания, Исландия, Индия и некоторые другие страны. Высказываясь по мотивам голосования, представитель Исландии заявил, что этот вопрос «отошел в область истории»³⁸.

Выступления СССР в ООН против агрессии США в отношении Китая

В связи с созывом в конце 1950 г. 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН правительство Китайской Народной Республики направило в ее адрес жалобу по поводу агрессии США в отношении Китая и потребовало включения этого вопроса в повестку дня Ассамблеи.

Правительство КНР потребовало также участия своей делегации в обсуждении указанного вопроса.

Представитель гоминьдановской клики выступил с протестом против приглашения в ООН делегации «коммунистического режима». Его поддержал представитель США. Он ссылаясь при этом на то, что ООН не может принимать предложений относительно включения в повестку дня и обсуждения того или иного вопроса, если он ставится не членом ООН. Таким путем США рассчитывали торпедировать рассмотрение жалобы Китайской Народной Республики.

Советский Союз немедленно принял меры, чтобы расстроить маневры США. Советская делегация заявила, что она вносит в ООН жалобу от своего имени. Она представила ее как советский документ, который назывался «Протест Союза Советских Социалистических Республик по поводу агрессии Соединенных Штатов Америки против Китая»³⁹. Таким образом была выбита почва из-под попыток делегации США использовать формальные основания, чтобы уйти от неприятных для себя разоблачений.

США, однако, вместе с чанкайшистами попытались провалить советский проект резолюции, заблокировав один из основных ее пунктов, содержащий требование пригласить для участия в обсуждении вопроса в Первом Комитете представителя КНР. При этом США пытались оказать давление на другие страны и заручиться их поддержкой. Представитель США Дж. Даллес мотивировал свою позицию тем, что жалобщиком является Советский Союз, а не КНР, поэтому присутствие делегации Пекина необязательно. Он заявил, что США не признают «коммунистическое правительство» Китая и приглашение его делегации означало бы признание КНР, против чего США решительно протестуют.

Предложение о приглашении делегации КНР встретило горячую поддержку всех социалистических стран. В результате острых дискуссий к принятию этого предложения склонилось большинство других стран, оговорив свое согласие условием, что принятие советского предложения не будет предрешать вопроса о представительстве Китая в ООН и о признании КНР. Проект резолюции СССР был принят 30 голосами против 8, при 22 воздержавшихся⁴⁰.

Основываясь на этом решении, глава советской делегации в ООН настоял на немедленной посылке в Пекин телеграммы с приглашением делегации КНР. Он предложил не начинать рассмотрение внесенного СССР вопроса до прибытия делегации народного правительства Китая. Однако под давлением США Первый Комитет принял решение приступить к обсуждению жалобы правительства СССР без КНР, хотя делегация Пекина к этому времени уже находилась в США. После ее приглашения к участию в заседаниях Первого Комитета она должна была получить полномочия своего правительства.

Рассмотрение вопроса началось с выступления главы советской делегации. На неопровержимых фактах он раскрыл перед участниками Генеральной Ассамблеи ООН и всей мировой общественностью враждебную в отношении китайского народа политику США, которая четко прослеживалась с начала XX в. Он указал на их роль в гражданской войне в Китае, всестороннюю помощь гоминьдановской клике, вплоть до участия американских солдат в боевых действиях на стороне чанкайшистов, разоблачил замыслы и действия США в отношении Тайваня. Независимо от того, заявил далее глава советской делегации, признают США центральное народное правительство Китая или нет, захват ими Тайваня является актом преступной агрессии. Он подчеркнул, что тем самым США нарушают Каирскую декларацию, Потсдамское соглашение, нормы международного права и Устав ООН. Несмотря на то что гражданская война окончилась полной победой китайского народа, заявил глава советской делегации, Соединенные Штаты Америки мешают восстановлению мира в Китае⁴¹.

В своем выступлении глава американской делегации Дж. Даллес, пытаясь оправдать акты агрессии, утверждал, что США действовали как «друг Китая», что якобы главным в их политике в отношении Китая всегда были религиозные, культурные и другие гуманитарные связи, а не экономические и торговые факторы, которые, по его словам, не представляли для США особого значения⁴².

Дж. Даллес заявил, что на Тайване нет американских вооруженных сил, что весь военный персонал США

на этом острове состоит из 44 человек, включая 19 военных атташе при американских дипломатических миссиях. Он оправдывал отданный Г. Трумэном 27 июня 1950 г. приказ об «обороне» Тайваня от КНР, утверждая, что статус этого острова, как бывшей японской колонии, еще не определен.

Что касается приведенных в советском документе фактов нарушения воздушного пространства КНР американскими самолетами и сбрасывания бомб в районах Маньчжурии, Дж. Даллес пытался оправдать эти пиратские действия тем, что американские летчики «не подозревали», что они совершали нарушения и что им «весьма трудно» было производить бомбежку корейской территории, не затрагивая территории Маньчжурии. Несмотря на неопровержимые факты агрессии, Дж. Даллес заявил, что в своих действиях в отношении Китая США всегда руководствовались «желанием содействовать... благосостоянию китайского народа»⁴³.

Отвечая на выступление Дж. Даллеса, глава советской делегации указал, что никакие его ссылки на те или иные причины не могут оправдать нарушений территориальной целостности и неприкосновенности другого государства. Он подчеркнул, что фактически представитель США признал эти нарушения, и потребовал от США прекратить нарушения международного права, неприкосновенности Китая и его границ⁴⁴.

В последующих дискуссиях в Первом Комитете приняла участие делегация КНР, которой представители СССР и других социалистических стран оказали горячий прием и всяческую поддержку.

В последующие годы, когда при поддержке других западных держав США удалось блокировать допуск КНР в ООН, Советский Союз с другими странами социалистического содружества решительно выступал против этой враждебной в отношении КНР политики и использовал трибуну ООН и ее специализированных органов для борьбы в защиту интересов КНР, за укрепление ее международных позиций, обеспечение мирных условий для ее развития, за изгнание из ООН чанкайшистов и восстановление законных прав Народного Китая.

*Советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г.
и оценка его общественностью и руководством КНР*

Ярким выражением политики интернациональной помощи Советского Союза Китайской Народной Республике был заключенный 14 февраля 1950 г. советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи.

В сложной международной обстановке 50-х годов этот договор приобретал все более важное значение. Возрастала его роль как фактора мира на Дальнем Востоке и прочной основы, на которую опиралась Китайская Народная Республика в решении своих внешнеполитических и внутренних проблем. Это понимали и высоко ценили руководители КПК и всех других партий и организаций, поддерживающих программу правительства КНР. Так, в телеграмме на имя главы Советского правительства от 14 февраля 1951 г. Мао Цзэдун писал, что «подписание Китайско-Советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи не только оказало огромную помощь строительству нового Китая, но и послужило мощной гарантией в борьбе против американской агрессии, за обеспечение мира в Азии и во всем мире»⁴⁵.

Выступая со статьей в печати по случаю первой годовщины договора, Чжоу Эньлай отмечал, что 14 февраля 1950 г. «китайский народ рассматривает как один из самых памятных для себя дней». Выполнением подписанных в 1950 г. соглашений с КНР о КЧЖД, Порт-Артуре, Дальнем, а также по торгово-экономическим и другим вопросам Советский Союз, заявил он, «оказал бескорыстную помощь китайскому народу, в огромной степени содействовал восстановлению и развитию экономики нашей страны»⁴⁶.

Лидер Революционного комитета гоминьдана Ли Цзишень отмечал, что скрепленный договором «советско-китайский союз — это союз народов-братьев», он «поднял престиж Китая на международной арене и вдохновил все колониальные и полуколониальные народы Азии и угнетенные народы всего мира на всеобщую решительную и героическую борьбу за свое национальное освобождение, за прочный мир на земле и безопасность для всего человечества, против империалистических агрессоров»⁴⁷.

В своем заявлении от 14 февраля 1951 г. Демократическая лига Китая расценила советско-китайский договор как «самый большой успех за всю историю отношений Китая с иностранными государствами». Лига выразила «твердую решимость оберегать этот величайший и беспрецедентный в истории китайской дипломатии союз», который «уже принес свою великую пользу». В заявлении подчеркивалось исключительно важное международное значение договора, его влияние на национально-освободительное движение, а также его роль в укреплении обороноспособности КНР и обеспечении успешного решения стоящих перед КНР задач хозяйственного и культурного строительства. В этом же заявлении дана высокая оценка заключенных с СССР соглашений в области торговли, экономического и технического сотрудничества. Касаясь, в частности, соглашения о разработке природных ресурсов такого района, как Синьцзян, Демократическая лига Китая указывала, что это будет содействовать «быстрой индустриализации обширных северо-западных районов Китая, которые на протяжении тысячелетий представляли собой глухую пустыню»⁴⁸.

Китайский народ «полностью отдает себе отчет в том», подчеркивалось в заявлении китайского Комитета защиты мира и борьбы с американской агрессией, что успехи, достигнутые в боевых действиях в Корее китайскими народными добровольцами и войсками корейской народной армии, «неотделимы от мощной поддержки Советского Союза и существования прочной и непобедимой дружбы и союза между СССР и Китаем»⁴⁹. В заявлении Комитета указывалось, что советско-китайский договор «не только закрепил результаты победы народной революции Китая, но служит также огромным вкладом в дело укрепления мира, демократии и социализма во всем мире»⁵⁰.

В заявлениях политических партий, общественных организаций и видных деятелей Китая с особой остротой подчеркивалась мысль о том, что в свете авантюристической политики США на Дальнем Востоке большую опасность для Китая представляет возрождение японского милитаризма и реваншистских сил, возможность использования их американским империализмом для восстановления утерянных им позиций в Китае. В Китае

хорошо понимали, что решающей силой, способной предотвратить такое развитие событий, является тесное сотрудничество Китая с Советским Союзом.

«Японский империализм при поддержке американского империализма, — писал Го Можо, — имеет стремление к тому, чтобы повторить все сначала». Указывая на советско-китайский договор и его соответствующие положения на этот счет, Го Можо заявил, что попытка осуществления подобных действий «будет равносильна тому, что империализм сам выкопает для себя могилу и найдет в ней конец своему существованию»⁵¹.

Подводя итоги первого года существования КНР, «Жэньминь жибао» отмечала, что своим опытом истекшего года (1950) китайский народ дал ответ на три основных вопроса, вставших перед ним после победы над Чан Кайши: «Во-первых, сумеем ли мы справиться с (хозяйственным. — А. Л.) строительством без помощи капиталистических государств? Во-вторых, могут ли империалисты после поражения их сообщника Чан Кайши добровольно отказаться от агрессии против Китая и позволить нам „с головой“ погрузиться в дела строительства? В-третьих, сумеем ли мы справиться с агрессией империалистов и обеспечить безопасность своей родины?»

И «Жэньминь жибао» сделала вывод о том, что китайский народ сумел успешно справиться со всеми этими проблемами в результате самоотверженных усилий под руководством КПК «и благодаря бескорыстной помощи великого социалистического государства — Советского Союза»⁵².

Идеи тесного единства между СССР и КНР, основанного на принципах пролетарского интернационализма, зафиксированные в советско-китайском договоре от 14 февраля 1950 г., нашли яркое проявление в создании по всему Китаю массовых организаций обществ китайско-советской дружбы. Они создавались по почину трудящихся городов, сел, промышленных предприятий, воинских частей, учебных заведений.

Общество китайско-советской дружбы существовало в Китае и при гоминьдановском правительстве. Но оно не было широкой, массовой организацией и не имело своих периферийных отделений, деятельность его ограничивалась столицей Китая. В Особом районе и других

базовых районах обществ дружбы с СССР не существовало.

Начало массовому движению за создание обществ китайско-советской дружбы было положено в Маньчжурии. Первые общества были созданы в Дальнем и Харбине, их примеру последовали другие города. В мае 1949 г. они были учреждены в Гирине, Цзямусы, Хайларе, в августе — в Сыпингае, Жэхэ, в октябре — в Чанчуне, в ноябре — в Мукдене, в десятках городов провинций Ляодун, Хэйлунцзян, Цицикар, а также в Мудацзяне, Цзямусы, Фушуне и многих других промышленных центрах.

Вслед за Маньчжурией кампания по созданию обществ китайско-советской дружбы охватила весь Китай. 16 июля 1949 г. состоялось учредительное собрание по созданию Всекитайского общества китайско-советской дружбы. В нем приняло участие около 700 видных государственных, партийных, военных и общественных деятелей, в том числе Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Сун Цинлин, Го Можо, Ли Цзишень, Чжан Лань, Хуан Яньпэй.

В речи на этом собрании Чжу Дэ призвал «еще больше развивать и укреплять глубокую дружбу между народами Китая и Советского Союза». Опыт последних 32 лет, заявил он, «полностью подтвердил, что великое социалистическое государство — Советский Союз — является самым родным и близким, самым надежным другом китайского народа».

Чжу Дэ отметил, что в годы антияпонской войны «Советский Союз был первым, кто действительно оказал китайскому народу моральную и материальную помощь». Он указал на решающую роль СССР в разгроме милитаристской Японии и отметил, что разгром Советскими Вооруженными Силами Квантунской армии в Маньчжурии «принудил японский империализм к капитуляции». Чжу Дэ заявил, что «победа китайской народно-демократической революции неотделима от дружественной помощи Советского Союза». Без Советского Союза и возглавляемого им мощного лагеря мира и демократии победа китайской народной революции «была бы невозможна. А если бы она и была завоевана, то ее невозможно было бы закрепить и упрочить. Разве это не ясно?»⁵³

Говоря о задачах строительства социализма в Китае, Чжу Дэ подчеркнул: «И здесь мы имеем лучшего учителя, а именно — Советский Союз». Он призвал китайских рабочих, крестьян, ученых, инженеров, педагогов, деятелей культуры, специалистов различных отраслей «усердно учиться у Советского Союза, перенимать у него разносторонний опыт строительства, научные знания, культуру и применять это в строительстве нашей великой родины... идти рука об руку с Советским Союзом в борьбе за прочный мир и демократию»⁵⁴.

События и факты, характеризующие историю освободительного движения Китая в сложный и ответственный период конца 40-х годов, как и в период, последовавший за образованием КНР, роль, которую играли в этих событиях СССР и США, показывают, что, следуя ленинской внешней политике в отношении Китая, Советский Союз принимал на себя главные удары «холодной войны» и, отвергая всякие компромиссы в ущерб интересам китайского народа, постоянно оказывал огромную поддержку КПК и возглавляемым ею народно-революционным силам в их борьбе против американской агрессии в отношении Китая.

Этим целям служила советская дипломатия, которая умело использовала в качестве средства воздействия на правящие круги США и гоминьдан международный авторитет Советского Союза, его положение в ООН, пребывание советских войск в Маньчжурии, Ялтинское соглашение, советско-китайский договор и соглашения от 14 августа 1945 г., свои межгосударственные связи с США, Китаем и другими странами.

Не поддаваясь давлению со стороны гоминьдано-американского блока и не позволяя ни одной из борющихся в Китае сторон втянуть себя во внутренний конфликт в стране или какие-либо политические махинации и маневры, Советское правительство твердо и последовательно стояло на принципиальных позициях решительной борьбы за интересы китайского народа и сделало все, чтобы лучшим образом содействовать его победе, завершившейся образованием Китайской Народной Республики, а в дальнейшем, чтобы помочь строительству нового Китая. Это неоднократно подчеркивал в свое время Мао Цзэдун, заявлявший: «Коммунистическая партия Советского Союза — наш лучший учитель. Нам следует учиться у Коммунистической партии СССР»¹.

Все эти факты выбивают почву из-под ног тех, кто в наши дни, стремясь «навести мосты» между Пекином

и Вашингтоном, старается оправдать политику вражды в отношении Советского Союза, помешать восстановлению китайско-советской дружбы. Тем, кто толкает Китай на путь вражды с СССР и другими странами социалистического содружества, Советский Союз противопоставляет принципиальный ленинский внешнеполитический курс, подтвержденный XXV съездом КПСС, выражающий решимость «давать отпор этой поджигательской политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения»². Вместе с тем в решении XXV съезда указывается, что если в Пекине откажутся от враждебного социалистическим странам курса, «то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма»³.

Принципиальная интернационалистская позиция КПСС нашла четкое отражение в заявлении Советского правительства от 5 апреля 1979 г. в связи с односторонней акцией Пекина, объявившего о прекращении действия Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, заключенного в 1950 г.

Раскрывая подлинные мотивы, побудившие пекинскую правящую верхушку предпринять этот шаг, Советское правительство с полным основанием указало, что он тесно связан с гегемонистским политическим курсом нынешнего китайского руководства.

Выражая мысли и чувства советского народа, правительство СССР подчеркнуло в своем заявлении, что «никакие старания противников советско-китайской дружбы, никакие попытки вытравить из памяти народной, перечеркнуть все то позитивное, что было накоплено за годы братского сотрудничества между двумя странами, построить стену вражды между народами Советского Союза и Китая не принесут им желаемых результатов»⁴.

Введение

- ¹ В. Тучман. Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945. N. Y., 1972, с. 180.
- ² Congressional Records. US Senate. Vol. LXXXIV, Wash., 1939, с. 10766.
- ³ Там же, с. 10766.
- ⁴ Там же, с. 10766.
- ⁵ Tang Tsou. America's Failure in China, 1941—1950. Chicago, 1963, с. 27.
- ⁶ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974, с. 376.
- ⁷ Е. К а h n. The China Hands. N. Y., 1976, с. 1.
- ⁸ The United States and Communist China in 1949 and 1950. The Question of Rapprochement and Recognition, Committee of Foreign Relations, US Senate. Wash., 1973, с. 3 (далее: The United States and Communist China in 1949 and 1950).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ч ж а н Ц з ю н ь и н. Цзисаньцы гонэйгэмин чжанчжэн (Третья революционная гражданская война). Пекин, 1964, с. 8.

Глава первая

- ¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. China (далее: FRUS. 1942. China). Wash., 1956, с. 186.
- ² Цит. по: В. Тучман. Stilwell and the American Experience in China, с. 551.
- ³ Там же, с. 525.
- ⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. VI. The British Commonwealth. The Far East (далее: FRUS. 1945. Vol. VI). Wash., 1969, с. 568.
- ⁵ В. Тучман. Stilwell and the American Experience in China, с. 547.
- ⁶ Там же, с. 548.
- ⁷ FRUS. 1942. China, с. 127.
- ⁸ Там же, с. 2.
- ⁹ Там же, с. 7.
- ¹⁰ В. Тучман. Stilwell and the American Experience in China, с. 437.
- ¹¹ FRUS. 1942. China, с. 57.
- ¹² The Meaning of Yalta. Baton Rouge, 1958, с. 130.
- ¹³ Tang Tsou. America's Failure in China, 1941—1950. Chicago, 1963, с. 39.

- ¹⁴ Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945 гг. М., 1973, с. 508.
- ¹⁵ The Meaning of Yalta, с. 33.
- ¹⁶ О. Б. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. М., 1975, с. 66.
- ¹⁷ The Chinese Communist Movement. A Report of the United States War Department, July 1945. Stanford, 1968, с. 116—117 (далее: The Chinese Communist Movement).
- ¹⁸ F. Price. China — Twilight or Dawn. N. Y., 1948, с. 29—39.
- ¹⁹ FRUS. 1942. China, с. 15.
- ²⁰ Там же, с. 24.
- ²¹ Там же, с. 26.
- ²² O. E. Clubb. 20th Century China, N. Y.—L., 1964, с. 233.
- ²³ FRUS. 1942. China, с. 57.
- ²⁴ Там же. с. 96.
- ²⁵ Там же, с. 33.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же, с. 8.
- ²⁹ R. Elegant. The Centre of the World, с. 161.
- ³⁰ Там же, с. 162.
- ³¹ Tang Tsou. America's Failure in China, 1941—1950, с. 130.
- ³² The Chinese Communist Movement, с. 101.
- ³³ R. Payne. Eyewitness, N. Y., 1972, с. 282.
- ³⁴ The Chinese Communist Movement, с. 124.
- ³⁵ Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945 гг., с. 176.
- ³⁶ Там же, с. 181.
- ³⁷ Там же, с. 182.
- ³⁸ B. Tuchman. Stilwell and the American Experience in China, с. 596.
- ³⁹ The Meaning of Yalta, с. 33.
- ⁴⁰ История дипломатии. Т. 4. М., 1975, с. 542.
- ⁴¹ Lost chance in China. The World War II Despatches of John S. Service. N. Y., 1974, с. 335—336 (далее: Lost chance in China).
- ⁴² FRUS. 1942. China, с. 227.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Lost chance in China, с. 291.
- ⁴⁵ B. Tuchman. If Mao had come to Washington.—«Foreign Affairs», № 1, oct. 1972.
- ⁴⁶ H. Feis. The China Tangle. Princeton, 1953, с. 224.
- ⁴⁷ Lost chance in China, с. 347—348.
- ⁴⁸ См.: В. Б. Воронцов. Дело «Амерэйша». М., 1974.
- ⁴⁹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1946. The Far East. China. Vol. IX (далее: FRUS. 1946. Vol. IX). Wash., 1972, с. 152; American Policy toward China. Round Table Discussion, US Dept. of State, oct. 6, 7, 8, 1949. Wash., 1950, с. 408 (далее: American Policy toward China).
- ⁵⁰ R. Payne. Eyewitness, с. 329.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 331.
- ⁵³ Там же, с. 332.
- ⁵⁴ Lost chance in China, с. 355.

- ⁵⁵ Гоцзи дуй Хуа юйлунь (Мировое общественное мнение о Китае). Куньмин. 1945, с. 1—24.
- ⁵⁶ В. Tuchman. Stilwell and the American Experience, с. 514.
- ⁵⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1948. Vol. VII, The Far East. China (далее: FRUS. 1948. Vol. VII).
- ⁵⁸ J. Pratt. A History of US Foreign Policy. N. Y., 1955, с. 734.
- ⁵⁹ Forrestal Diaries. N. Y., 1951, с. 31.
- ⁶⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947, с. 54—56.
- ⁶¹ В. И. Ленин. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 166.
- ⁶² История дипломатии. Т. 4, с. 420.
- ⁶³ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, Wash., 1955, с. 6.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976, с. 171—172 (далее: Переписка...).
- ⁶⁴ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2, М., 1958, с. 557.
- ⁶⁵ Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970, с. 199—200.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс..., с. 584.
- ⁶⁸ H. Feis. The China Tangle, с. 243.
- ⁶⁹ FRUS. 1942. China, с. 69.
- ⁷⁰ См.: Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс..., с. 134.
- ⁷¹ История дипломатии. Т. 4, с. 395.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta. 1945 (далее: FRUS. Conferences at Malta and Yalta). Wash. 1955, с. 396.
- ⁷⁴ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, с. 398.
- ⁷⁵ Там же, с. 399.
- ⁷⁶ Там же, с. 594.
- ⁷⁷ Там же, с. 394.
- ⁷⁸ Там же, с. 390.
- ⁷⁹ Там же, с. 394—395.
- ⁸⁰ Там же, с. 389—390.
- ⁸¹ О домогательствах США по вышеупомянутым вопросам см.: Переписка... Т. 2, с. 113, 115, 164, 198.
- ⁸² Там же, с. 271—272.
- ⁸³ Там же, с. 287—288.
- ⁸⁴ Там же, с. 289.
- ⁸⁵ H. Feis. The China Tangle, с. 245—246.
- ⁸⁶ Там же, с. 246.
- ⁸⁷ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, с. 769.
- ⁸⁸ H. Feis. The China Tangle, с. 247.
- ⁸⁹ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, с. 894.
- ⁹⁰ Тегеран, Ялта, Потсдам, с. 200.
- ⁹¹ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, с. 895.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс..., с. 584.

- ⁹⁴ История дипломатии. Т. 4, с. 575.
- ⁹⁵ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс..., с. 285.
- ⁹⁶ У. Черчилль. Вторая мировая война. Т. 4. М., 1955, с. 371.
- ⁹⁷ Там же, с. 369.
- ⁹⁸ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957, с. 280.
- ⁹⁹ The Meaning of Yalta, с. 26.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 31.

Глава вторая

- ¹ В. Тучман. Stilwell and American Experience in China, с. 655.
- ² М. С. Капца. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 320.
- ³ О. Clubb. China and Russia. The «Create Game». N. Y.—L., 1971, с. 341.
- ⁴ Там же, с. 342.
- ⁵ Там же, с. 343.
- ⁶ Н. Feis. The China Tangle, с. 314—315.
- ⁷ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс..., с. 110—111.
- ⁸ «Правда», 1.VII.1945.
- ⁹ Н. Труман. Memoirs. Vol. I. N. Y., 1955, с. 315—316.
- ¹⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran. 1943 (далее: FRUS. The Conferences at Cairo and Teheran). Wash., 1961, с. 325.
- ¹¹ Там же, с. 367.
- ¹² FRUS. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (Potsdam Conference). Potsdam Papers (далее: Potsdam Papers). Wash., 1960. Vol. II, с. 1587.
- ¹³ О. Clubb. China and Russia, с. 379.
- ¹⁴ S. Bhushan. China on the Way to Fascism. New Delhi, 1975, с. 45.
- ¹⁵ Цит. по: «Правда», 21.IV.1978.
- ¹⁶ Тегеран, Ялта, Потсдам, с. 199—200.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ W. Leahy. I was there. N. Y., 1950, с. 351.
- ¹⁹ Ю. Л. Кузнец. От Пёрл-Харбора до Потсдама, М., 1970, с. 257.
- ²⁰ Н. Труман. Memoirs. Vol. I, с. 228.
- ²¹ J. Grew. A Turbulent Era. N. Y., 1962, с. 1450.
- ²² Там же, с. 1456—1457.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, с. 1457.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Forrestal Diaries, N. Y., 1951, с. 53.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ А. Харриман. Peace with Russia. N. Y., 1960, с. 4—5.
- ²⁹ Forrestal Diaries, с. 56.
- ³⁰ J. Burnce. Speaking Frankly. N. Y., 1947, с. 208.
- ³¹ Там же, с. 208.
- ³² Forrestal Diaries, с. 50.
- ³³ Н. Feis. The China Tangle, с. 307.

- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Н. Труман. *Memoirs*. Vol. I, с. 87.
- 37 Potsdam Papers. Vol. I, с. 906.
- 38 Там же.
- 39 Forrestol Diaries, с. 51.
- 40 Там же, с. 50.
- 41 См.: С. Хаяси. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964, с. 164—169.
- 42 Ю. Л. Кузнец. От Пёрл-Харбора до Потсдама, с. 312.
- 43 J. Grew. *A Turbulent Era*, с. 1458.
- 44 Там же, с. 1458.
- 45 Там же, с. 1459.
- 46 Н. Труман. *Memoirs*. Vol. I, с. 264.
- 47 Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс..., с. 634.
- 48 Там же, с. 634—635.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Н. Труман. *Memoirs*. Vol. I, с. 265.
- 52 Переписка... Т. 2, с. 264.
- 53 Н. Feis. *The China Tangle*, с. 314.
- 54 Там же, с. 315.
- 55 Там же.
- 56 Н. Feis. *The China Tangle*, с. 313.
- 57 Н. Труман. *Memoirs*. Vol. I, с. 270.
- 58 Там же.
- 59 J. Grew. *A Turbulent Era*, с. 1468.
- 60 Н. Труман. *Memoirs*. Vol. I, с. 315.
- 61 Potsdam Papers. Vol. I, с. 861.
- 62 Н. Wei. *China and Soviet Russia*. N. Y.—L., 1956, с. 181.
- 63 Potsdam Papers. Vol. I, с. 231.
- 64 Там же, с. 871.
- 65 Там же. Vol. II, с. 1224.
- 66 Там же, с. 1223.
- 67 Н. Feis. *The China Tangle*, с. 328.
- 68 Potsdam Papers. Vol. II, с. 1224.
- 69 Там же, с. 1224.
- 70 Там же, с. 1242—1243.
- 71 Там же.
- 72 Там же.
- 73 Там же, с. 1239.
- 74 Там же, с. 864.
- 75 Там же, с. 1225—1226.
- 76 Там же, с. 1225.
- 77 Там же, с. 1226.
- 78 Там же, с. 1240.
- 79 Там же, с. 1224.
- 80 J. Burns. *Speaking Frankly*, с. 205.
- 81 Potsdam Papers. Vol. II, с. 1587.
- 82 J. Burns. *Speaking Frankly*, с. 205.
- 83 Н. Feis. *Japan Subdued*. N. Y., 1961, с. 61—71.
- 84 Potsdam Papers. Vol. I, с. 11.
- 85 Н. Труман. *Memoirs*. Vol. I, с. 411.

- ⁸⁶ Там же, с. 320.
- ⁸⁷ Potsdam Papers. Vol. II, с. 276.
- ⁸⁸ Там же, т. 2, с. 1245—1246.
- ⁸⁹ Там же, с. 1244.
- ⁹⁰ Н. Feis. The China Tangle, с. 330.
- ⁹¹ Там же, с. 331.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Цит. по: «Правда», 9.VIII.1945.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Н. Труман. Memoirs. Vol. I, с. 434.
- ⁹⁸ Там же, с. 433.
- ⁹⁹ J. Alsop. The strange Case of Louis Budenz.—«Atlantic Monthly». April 1952 (цит. по: Н. Feis. The China Tangle, с. 338).
- ¹⁰⁰ О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база, с. 74.
- ¹⁰¹ Forrestal Diaries, с. 78.
- ¹⁰² Potsdam Papers. Vol. II, с. 1225.
- ¹⁰³ Там же, с. 1225—1227.
- ¹⁰⁴ Н. Feis. The China Tangle, с. 319.
- ¹⁰⁵ Potsdam Papers. Vol. II, с. 1125—1127.
- ¹⁰⁶ Р. Осгуд. Ограниченная война. М., 1960, с. 140.
- ¹⁰⁷ «Правда», 16.VIII.1945.
- ¹⁰⁸ Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-shek, 1937—1945. Vol. II. N. Y., 1946, с. 867.
- ¹⁰⁹ Цит. по: O. Clubb. Twentieth Century China. N. Y.—L., 1964, с. 258.
- ¹¹⁰ История дипломатии. Т. 5, с. 147.
- ¹¹¹ Цит. по: «Правда», 30.VIII.1945.
- ¹¹² Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947, с. 458.
- ¹¹³ Там же, с. 474.
- ¹¹⁴ Там же.

Глава третья

- ¹ Ван Вэйбин. Уэйда цзугоды Дунбэй (Северо-Восток великой родины). Шанхай, 1954, с. 10.
- ² Там же, с. 7.
- ³ В то время — государственный секретарь США.
- ⁴ Подробнее см.: Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953, с. 117—126.
- ⁵ Y. Vinson. The parchment peace the United States Senate and Washington Conference 1921—1922. Athens, 1955, с. 99.
- ⁶ FRUS. 1924. Vol. 1, с. 490.
- ⁷ «Известия», 10.VI.1924.
- ⁸ Подробнее см.: Н. С. Индукаева. Экспансия США в Северо-Восточном Китае. М., 1967, с. 93—102.
- ⁹ В. И. Ленин. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г.— Т. 40, с. 180.
- ¹⁰ Ван Вэйбин. Уэйда цзугоды Дунбэй, с. 111.
- ¹¹ П. И. Глушаков. Маньчжурия. М., 1948, с. 144—153.
- ¹² Ван Вэйбин. Уэйда цзугоды Дунбэй, с. 41.

- 13 Там же, с. 48.
- 14 Там же, с. 51.
- 15 Там же, с. 64.
- 16 Там же, с. 86.
- 17 Там же, с. 87.
- 18 Там же, с. 26—31.
- 19 П. И. Глушаков. Маньчжурия, с. 87.
- 20 Там же, с. 128.
- 21 Ван Вэйбин. Уэйда цзугоды Дунбэй, с. 50.
- 22 Там же, с. 47.
- 23 Там же, с. 38.
- 24 Там же, с. 93.
- 25 «Мансю ници-ници», 23.I.1944.
- 26 «Маньжурия дейли ньюс», 26.I.1944.
- 27 Внешняя политика СССР. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1950, с. 461.
- 28 И. Мишкевич. Победа над Японией. М., 1947, с. 11.
- 29 F. Jones. Manchuria since 1931. L., 1949, с. 231.

Глава четвертая

- 1 Рабочее движение в Китае, 1945—1949 гг. Документы и материалы. М., 1969, с. 116—148.
- 2 См. FRUS. 1946. Vol. IX, с. 450—453.
- 3 Там же, с. 933—945.
- 4 FRUS. 1946. Vol. X, с. 1100.
- 5 Там же, с. 1103—1104.
- 6 Там же, с. 1101.
- 7 Там же.
- 8 Там же, с. 1104.
- 9 Там же, с. 1104—1105.
- 10 История дипломатии. Т. 5, с. 154.
- 11 FRUS. 1946. Vol. X, с. 1105.
- 12 Там же.
- 13 История дипломатии. Т. 5, с. 154.
- 14 FRUS. 1946. Vol. X, с. 1106.
- 15 Там же, с. 1111.
- 16 Там же, с. 1114.
- 17 Там же, с. 1108—1109.
- 18 Там же, с. 1122—1123.
- 19 Там же, с. 1123.
- 20 История дипломатии. Т. 5, с. 155; М. С. Капица. Советско-китайские отношения, с. 335.
- 21 История дипломатии. Т. 5, с. 155.
- 22 F. Jones. Manchuria since 1931, с. 228.
- 23 I. Epstein. Unfinished Revolution in China. Boston, 1947, с. 100.
- 24 История дипломатии. Т. 5, с. 155; М. С. Капица. Советско-китайские отношения, с. 335.
- 25 FRUS. 1946. Vol. X, с. 1130.
- 26 Там же, с. 1131.
- 27 Там же, с. 1134.
- 28 Там же, с. 1133.

- ²⁹ Там же, с. 1134.
- ³⁰ Там же, с. 1150.
- ³¹ Там же.
- ³² I. Epstein. Unfinished Revolution in China, с. 398.
- ³³ FRUS. 1946. Vol. X, с. 1152.
- ³⁴ Там же, с. 1147.
- ³⁵ Там же, с. 1153.
- ³⁶ Там же, с. 1158—1162.
- ³⁷ Там же, с. 1157—1158.
- ³⁸ Там же, с. 1200.
- ³⁹ М. С. Капица. Советско-китайские отношения, с. 337—338.
- ⁴⁰ См. FRUS. 1946. Vol. X, с. 1153—1200.
- ⁴¹ М. С. Капица. Советско-китайские отношения, с. 338.
- ⁴² H. Feis. The China Tangle, с. 382—383.
- ⁴³ Там же, с. 383—386.
- ⁴⁴ FRUS. 1946. Vol. X, с. 875.
- ⁴⁵ F. C. Jones. Manchuria since 1931, с. 234.
- ⁴⁶ A. M. Dubinsky. The Far East in the Second World War. М., 1972, с. 357—358.
- ⁴⁷ См.: О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база, с. 100—102.
- ⁴⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 6. М., 1947, с. 852.
- ⁴⁹ В. К. Попов. Провал агрессии США в Китае после второй мировой войны. М., 1955, с. 83.
- ⁵⁰ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 6, с. 640.
- ⁵¹ Там же, с. 808.
- ⁵² FRUS. 1946. Vol. IX, с. 426—429.
- ⁵³ Там же, с. 428.
- ⁵⁴ Там же, с. 813.
- ⁵⁵ Там же, с. 814.
- ⁵⁶ Там же, с. 440.

Глава пятая

- ¹ FRUS. 1946. Vol. X, с. 628.
- ² FRUS. 1946. Vol. IX, с. 563.
- ³ Там же, с. 586.
- ⁴ FRUS. 1946. Vol. X, с. 894.
- ⁵ Там же, с. 895.
- ⁶ H. Feis. The China Tangle, с. 424.
- ⁷ Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны. М., 1975, с. 103—104.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1971, с. 331.
- ¹¹ Там же.
- ¹² С. Павляк. Политика США по отношению к Китаю. М., 1976, с. 169.
- ¹³ FRUS. 1946. Vol. X, с. 684—685.
- ¹⁴ Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке..., с. 104.

- 15 Там же.
- 16 Там же, с. 105.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 С. П а в л я к. Политика США по отношению к Китаю, с. 177.
- 20 FRUS. 1946. Vol. X, с. 889.
- 21 Там же, 890.
- 22 Там же, 906.
- 23 Там же, с. 909.
- 24 Там же, с. 628.
- 25 С. П а в л я к. Политика США по отношению к Китаю, с. 219.
- 26 Н. Т р у м а н. Memoirs. Vol. II, с. 76—77.
- 27 FRUS. 1946. Vol. X, с. 849.
- 28 Там же, с. 849.
- 29 Там же, с. 811.
- 30 Там же, с. 837.
- 31 Там же, с. 855—856.
- 32 Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 6, с. 527.
- 33 Там же.
- 34 Там же, с. 656.
- 35 Там же, с. 657.
- 36 Там же, с. 767.
- 37 Там же, 769.
- 38 FRUS. 1946. Vol. X, с. 880.
- 39 Там же, с. 881.
- 40 Там же, с. 882.
- 41 Там же, с. 884.
- 42 Там же, с. 886.
- 43 Foreign Relations of the United States. 1947. Vol. VII. The Far East China (далее: FRUS. 1947. Vol. VII). Wash., 1972, с. 610.
- 44 Там же, с. 610.
- 45 История дипломатии. Т. 5, с. 156.
- 46 FRUS. 1947. Vol. VII, с. 614.
- 47 История дипломатии. Т. 5, с. 156.
- 48 Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке..., с. 111.
- 49 FRUS. 1947. Vol. VII, с. 40—41.
- 50 История дипломатии. Т. 5, с. 156.
- 51 FRUS. 1947. Vol. VII, с. 614—615.
- 52 Там же, с. 615, 616.
- 53 J. Sparrow. History of Personal Demobilizations. Wash., 1951, с. 380.
- 54 Там же, с. 352.
- 55 FRUS. 1946. Vol. IX, с. 166.
- 56 American Policy toward China, с. 400.
- 57 Н. Т р у м а н. Memoires. Vol. II, с. 81.
- 58 United States relations with China, with special reference to the period 1944—1949 (The China White Paper). Wash., 1949, с. 132 (далее: The China White Paper).
- 59 J. W. Pratt. A History of the US Foreign Policy, с. 736.
- 60 В. К. Попов. Провал агрессии США в Китае после второй мировой войны. М., 1955. с. 149.
- 61 FRUS. 1947. Vol. VII, с. 320—324.

- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же, с. 322.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ С. Чепнаулт. The Way of A Fighter. N. Y., 1949, с. XIX.
- ⁶⁶ В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. М.—Л., 1952, с. 340.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Congressional Records, 80th Congress. N. Y., 1948. Vol. XCIV, с. 3329.
- ⁶⁹ «Stars and Stripes» (Tokyo), 20.XI.1948.
- ⁷⁰ С. Павляк. Политика США по отношению к Китаю, с. 232.
- ⁷¹ «Хэпин жибао», 6.XII.1948.
- ⁷² Цит. по: «North China Daily News», 5.XII.1948.
- ⁷³ J. W. Pratt. A History of US Foreign Policy, с. 737.
- ⁷⁴ Н. Труман. Memoirs. Vol. II, с. 91.
- ⁷⁵ Там же, с. 63.
- ⁷⁶ The China White Paper, с. 284—285.
- ⁷⁷ Н. Труман. Memoirs. Vol. II, с. 101.
- ⁷⁸ Там же, с. 128.
- ⁷⁹ J. W. Pratt. A History of US Foreign Policy, с. 736.
- ⁸⁰ Н. Труман. Memoirs. Vol. II, с. 306.
- ⁸¹ FRUS. 1948. Vol. VII, с. 506—507.
- ⁸² Цзю Юй. Синь Чжунгоды тедао цзяньше (Железнодорожное строительство нового Китая). Пекин, 1953, с. 7—16, 46—50.
- ⁸³ FRUS. 1946. Vol. IX, с. 152.
- ⁸⁴ Там же, с. 536, 537.
- ⁸⁵ Там же, с. 149—152.
- ⁸⁶ American Policy toward China, с. 16.
- ⁸⁷ См. FRUS. 1946. Vol. IX, с. 258—259, 262—264, 310—318, 335—336, 341, 955—956, 963, 1133, 1484.
- ⁸⁸ Там же, с. 534.
- ⁸⁹ Там же, с. 532.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ FRUS. 1947. Vol. VII, с. 6—7.
- ⁹² FRUS. 1946. Vol. IX, с. 45—47.
- ⁹³ Там же, с. 73.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же, с. 445.
- ⁹⁶ Там же, с. 262.
- ⁹⁷ Там же, с. 576.
- ⁹⁸ Там же, с. 718.
- ⁹⁹ Там же, с. 724—725.
- ¹⁰⁰ Ляо Гайлун. Чжунго жэньминь цзефан чжанчжэн цзяньши (Краткая история освободительной войны китайского народа). Пекин, 1958, с. 80.
- ¹⁰¹ «Жэньминь жибао», 8.XI.1950.
- ¹⁰² Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4, с. 117.
- ¹⁰³ Там же, с. 533.
- ¹⁰⁴ Там же.

Глава шестая

- ¹ The United States and Communist China in 1949 and 1950, с. 3.
- ² Там же, с. 15.
- ³ Там же.

- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же, с. V.
- ⁶ Там же, с. 3.
- ⁷ Там же, с. 5.
- ⁸ The China White Paper, с. 272 (цит. по: Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, с. 357).
- ⁹ The United States and Communist China in 1949 and 1950, с. 5.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, с. 302.
- ¹² Там же, с. 303.
- ¹³ Там же, с. 304.
- ¹⁴ Там же, с. 305.
- ¹⁵ «Жэньминь жибао», 30.X.1950.
- ¹⁶ Цит. по: Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, с. 306.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См. «Жэньминь жибао», 29.X.1950.
- ¹⁹ Подробно по этому вопросу см.: «Жэньминь жибао», 8.I.1951; Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, с. 319—321.
- ²⁰ «Жэньминь жибао», 8.III.1951.
- ²¹ Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950, с. 114.
- ²² Там же, с. 116.
- ²³ Там же, с. 117.
- ²⁴ Там же, с. 119.
- ²⁵ М. С. Капица. КНР: два десятилетия, две политики. М., 1969, с. 20.
- ²⁶ «Народный Китай». 1951, апрель, с. 16.
- ²⁷ Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, с. 322.
- ²⁸ «Народный Китай». 1951, январь, с. 8.
- ²⁹ Документы ООН. Протокол 338-го заседания Первого Комитета 25 ноября 1949 г., с. 384—392.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, с. 384.
- ³² Там же, с. 418—420.
- ³³ См. там же. Протокол 400-го заседания Первого Комитета 21 ноября 1950 г., с. 319—324.
- ³⁴ Там же, с. 324—325.
- ³⁵ Там же. Протокол 401-го заседания Первого Комитета 21 ноября 1950 г., с. 327.
- ³⁶ Там же, с. 325—326.
- ³⁷ Там же. Протокол 404-го заседания Первого Комитета 23 ноября 1950 г., с. 345.
- ³⁸ Там же. Протокол 403-го заседания Первого Комитета 22 ноября 1950 г., с. 335.
- ³⁹ Там же. Протокол 405-го заседания Первого Комитета 24 ноября 1950 г.
- ⁴⁰ Там же. Протокол 406-го заседания Первого Комитета 24 ноября 1950 г., с. 353—357.

⁴¹ Там же. Протокол 407-го заседания Первого Комитета 27 ноября 1950 г., с. 358—361.

⁴² Там же, с. 361.

⁴³ Там же, с. 362.

⁴⁴ Там же, с. 363.

⁴⁵ Цит. по: «Жэньминь жибао», 14.II.1951.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² «Жэньминь жибао», 1.I.1951.

⁵³ «Сулянь Цзешао». 1949, № 7, с. 31.

⁵⁴ Там же.

Заключение

¹ «Сулянь Цзешао». 1949, № 7, с. 31.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11.

³ Там же.

⁴ «Правда», 5.IV.1979.

*Труды классиков марксизма-ленинизма **

- Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Т. 37.
 Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике.— Т. 17.
 Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина.— Т. 37.
 Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков
 1 марта 1920 г.— Т. 40, с. 180.
 Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41.
 Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интерна-
 ционала.— Т. 41.

Материалы КПСС

и международного коммунистического движения

- Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
 Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
 Международное Совецание коммунистических и рабочих партий.
 Документы и материалы. М., 1969.
 Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1—4. М.,
 1965—1974.
 Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. М.,
 1977.

Источники

- Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы.
 4 сентября 1945 г.— 31 декабря 1945 г. М., 1949.
 Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. Сентябрь
 1945 г.— февраль 1947 г. М., 1947.
 Внешняя политика СССР. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1950.
 Внешняя политика Советского Союза, 1946—1947 годы. Документы
 и материалы. М., 1952.
 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечествен-
 ной войны. Т. 2, 3. М., 1947.
 Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих
 японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бакте-
 риологического оружия. М., 1950.
 Протоколы заседания Первого Комитета 4-й сессии Генеральной
 Ассамблеи ООН от 2, 5, 28 ноября, 1, 5, 6 декабря 1949 г. и

* Работы В. И. Ленина приводятся по Полному собранию со-
 чинений

- 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 21, 22, 23, 24, 27 ноября 1950.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1, 2. М., 1976.
- Рабочее движение в Китае, 1945—1949 гг. Документы и материалы. М., 1969.
- Советско-китайские отношения 1917—1957. Сборник документов. М., 1959.
- Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970.
- Хрестоматия по новейшей истории. Т. 3. М., 1962.
- Гоцзи дуй Хуа юйлунь (Мировое общественное мнение о Китае). Куньмин, 1945.
- Гун Нуцзинь, Хуэй Сю. Цзинцы шицзе дачжан илай цзигочжуи цин Хуа вэньцзянь (Сборник документов об империалистической агрессии в Китае за период с первой мировой войны). Пекин, 1958.
- Чжу Дэ. Лунь Цзефаньцюй чжанчан (О фронтах военных действий Освобожденных районов Китая). Пекин, 1949.
- Цзян гэмин цзинсин даоцзи (Довести революцию до конца. Статьи и документы). Пекин, 1949.
- American Policy toward China. Round Table Discussion, US Dept. of State, oct. 6, 7, 8, 1949. Wash., 1950.
- Burnes J. Speaking Frankly. N. Y., 1948.
- China and U. S. Far East policy, 1945—1967, Congressional Quarterly Service. Wash., 1967.
- The Chinese Communist Movement. A Report of the U. S. War Department, July 1945. Stanford, 1968.
- Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-shek, 1937—1945. Vol. I, II. N. Y., 1946.
- Conflict and Tension in the Far East. Key Documents, 1894—1960. Seattle, 1961.
- Congressional Record, 81st Congress, 2nd session, Subcommittee of the Committee of Foreign Relations. Hearings of Loyalty of Employees of State Department. N. Y., 1950.
- Congressional Record.—US Senate, 1939. Vol. LXXXIV.
- Congressional Records, 80th Congress, 1st session. Hearings on Military Situation in the Far East. Vol. XCIV. N. Y., 1948.
- Congressional Record, 89th Congress, 1st session. N. Y., 1965.
- Documents on American Foreign Relations. Vol. VIII. Princeton, 1948.
- Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1942, China. Wash., 1956.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta. 1945. Wash., 1955.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (Potsdam Conference). Potsdam Papers. Vol. I, II. Wash., 1960.
- Foreign Relations of the United States 1947. Vol. VII. The Far East. China. Wash., 1972.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. VI. The British Commonwealth. The Far East. Wash., 1969.
- Foreign Relations of the U. S., 1946. The Far East. China. Vol. IX, X. Wash., 1972.

- Foreign Relations of the United States 1948. Vol. VII, The Far East. China. Wash., 1973.
- Forrestol Diaries. N. Y., 1951.
- Grew J. A Turbulent Era. Vol. I—II. N. Y., 1962.
- Harriman A. Peace with Russia. N. Y., 1960.
- Leahy W. I was there. N. Y., 1950.
- Pauley E. Report on Japanese Assets in Manchuria to the President of the United States. Wash., 1946.
- Stilwell J. The Stilwell Papers. N. Y., 1948.
- Truman H. Memoirs. Vol. I—II. N. Y., 1955, 1956.
- The United States and Communist China in 1949 and 1950. The Question of Rapprochement and Recognition, Committee on Foreign Relations, United States Senate. Wash., 1973.
- United States relations with China, with special reference to the period 1944—1949 (The China White Paper). Vol. I, II. Wash., 1949.

Литература

- Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. М.—Л., 1952.
- Айрапетян М. Э., Деборин Г. А. Этапы политики СССР. М., 1961.
- Астафьев Г. В. Интервенция США в Китае и ее поражение (1945—1949 гг.). М., 1958.
- Борисов О. Б. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. М., 1975.
- Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1972.
- Бурлацкий Ф. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер: война, диктатура». М., 1976.
- Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975.
- Владимиров О. Е., Рязанцев В. П. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна. М., 1969.
- Владимиров П. П. Особый район Китая, 1942—1945. М., 1973.
- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947.
- Впотченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе—сентябре 1945 г. М., 1966.
- Вороицов В. Б. Тихоокеанская политика США. 1945—1950. М., 1967.
- Вороицов В. Б. Дело «Амерэйша». М., 1974.
- Вторая мировая война 1938—1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958.
- Вторая мировая война и современность. М., 1972.
- Гломбинский С. Китай и США. М., 1975.
- Глунин В. И. Третья гражданская революционная война в Китае (1946—1949 гг.). М., 1958.
- Глушаков П. И. Маньчжурия. М., 1948.
- Деборин Г. А. Вторая мировая война. Военно-исторический очерк. М., 1958.

- Дипломатический словарь Т. 2. М., 1971.
- Дубинский А. М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.
- Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.—Л., 1951.
- Ефимов Г. В., Дубинский А. М. Международные отношения на Дальнем Востоке (1917—1945 гг.). Кн. 2. М., 1973.
- Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967.
- История внешней политики СССР. 1917—1970 гг. М., 1966—1971.
- История войны на Тихом океане. М., 1957—1958.
- История дипломатии. Т. 4, 5. М., 1974, 1975.
- История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1967. Т. 3. М., 1967.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- Индукеева Н. С. Экспансия США в Северо-Восточном Китае (1920—1924). М., 1967.
- Капица М. С. Советско-китайские отношения. М., 1958.
- Капица М. С. КНР: два десятилетия — две политики. М., 1969.
- Кузнец Ю. Л. От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970.
- Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968.
- Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953.
- Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1969.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.). М., 1956.
- Меллентин Ф. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957.
- Мишкевич И. Победа над Японией. М., 1947.
- Никифоров В. Н. Национально-освободительная война китайского народа против японского милитаризма (1887—1945 гг.). М., 1950.
- Новая и новейшая история Китая. Краткий очерк. М., 1950.
- Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М., 1972.
- Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971.
- Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959.
- Осгуд Р. Ограниченная война. М., 1960.
- Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны. М., 1975.
- Павляк С. Политика США по отношению к Китаю. М., 1976.
- Попов В. К. Провал агрессии США в Китае после второй мировой войны. М., 1955.
- Пын Мин. Краткая история китайско-советской дружбы. М., 1959.
- Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.—Л., 1950.
- Сапожников Б. Г. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971.
- Севастьянов Г. Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пёрл-Харбора до Каира. М., 1969.
- Сергейчук С. США и Китай. Политика США в отношении Китая 1948—1968 гг. М., 1973.

- Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957.
- Уайт Т., Джекоби Э. Гром из Китая. М., 1948.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4, М., 1955.
- Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951.
- Хаттори Т. Япония в войне 1941—1945 годов. М., 1973.
- Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964.
- Чэнь Бо-да. Чан Кай-ши — враг китайского народа. М., 1950.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2, М., 1958.
- Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1960.
- Э. Рузвельт. Его глазами. М., 1947.
- Юрьев М. Ф. Историческая победа китайского народа над американским империализмом и гоминьдановской реакцией (1945—1949 гг.). М., 1950.
- Бяньян лады Гонэйсиньши (Обстановка в стране за полугодие), январь—июнь, 1948. Цзямусы, 1948.
- Ван Вэйбин. Уэйда цзугоды Дунбэй (Северо-Восток великой родины). Шанхай, 1954.
- Вэй Цзычу. Мэйцзи цзай Хуа цзинцзи цинлюэ (Экономическая агрессия американского империализма в Китае). Пекин, 1951.
- Го Можо. Сулянь цзисин (Путешествие в СССР). Шанхай, 1946.
- Дин Миннань. Цигочжуи цин Хуа ши (История империалистической агрессии в Китае). Пекин, 1958.
- Дин Шоухэ. Шиюэ гэмин дуй чжунгоды инсян (Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на китайскую революцию), Пекин, 1957.
- Дунбэй венцижи чжэнсян (Проблемы Северо-Востока, их подлинная сущность). Нанкин, 1946.
- Ли Шу. Макэсычжуи ю чжунго гэмин (Марксизм и китайская революция). Пекин, 1963.
- Ляо Гайлун. Чжунго жэньминь цзефан чжанчжэн цзяньши (Краткая история освободительной войны китайского народа). Пекин, 1958.
- Мэй Чжи. Цун Хуашэндун дао Бэйцзин (из Вашингтона в Пекин). Сяньган (Гонконг), 1973.
- Ху Шэн. Сяньдай Чжунго гэмин шихуа (Очерки по новейшей истории китайской революции. 1917—1950).
- Хэ Чаньчжи. Чжунго сяньдай гэминши (Новейшая история китайской революции). Пекин, 1957.
- Цзи Юй. Синь Чжунгоды тедао цзяньшэ (Железнодорожное строительство нового Китая). Пекин, 1953.
- Чжан Цзюньин. Дисаньцы гонэйгэмин чжанчжэн (Третья революционная гражданская война в Китае). Пекин, 1964.
- Чжунго вайцзяо синь чженцэ (Новая внешняя политика Китая). Сяньган, 1976.
- Шао Лицзы. Сулянь гулай (Возвращение из Советского Союза). Чунцин, 1944.
- Ян Бинань. Чжунго жэньминь цзефан чжанчжэн (Народно-освободительная война в Китае). Шанхай, 1955.
- Belden J. China Shakes the World. N. Y., 1949.
- Bhushan S. China on the Way to Fascism. New Delhi, 1975.

- Blum R. The United States and China in World Affairs. N. Y., 1966.
- Cameron M. E. China, Japan and the Powers; a History of the Modern Far East. L., 1960.
- Chennault C. The Way of a Fighter. N. Y., 1949.
- Clubb O. China and Russia. The «Great Game». N. Y.—L., 1971.
- Clubb O. 20th Century China. N. Y.—L., 1964.
- Dallin D. Soviet Russia and the Far East. New Heaven, 1948.
- Davidson-Houston J. Russia and China from the Huns to Mao Tse-dung. L., 1960.
- Dubinsky A. M. The Far East in the Second World War. M., 1972.
- Elegant R. The Centre of the World.
- Epstein I. Unfinished Revolution in China. Boston, 1947.
- Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960.
- Feis H. The China Tangle. Princeton, 1953.
- Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, 1957.
- Feis H. Japan Subdued. N. Y., 1961.
- Fitzgerald C. Revolution in China. L., 1952.
- Franklin D. Roosevelt and foreign affairs. Vol. I—III. Cambridge (Mass.), 1969.
- Gold T. XXth Century Russia. N. Y., 1962.
- Greel G. Russia's Race for Asia. N. Y., 1949.
- Griffith S. The Chinese People's Liberation Army. N. Y., 1967.
- Houn F. A Short History of China Communism. Anglewoodcliffs, 1967.
- Jones F. Manchuria since 1931. L., 1949.
- Kahn E. The China Hands. America's Foreign Service Officers and What Befell them. N. Y., 1976.
- Kubek A. How the Far East was Lost: American Polycy and the Creation of Communist China. 1941—1949. Chicago, 1963.
- Lost chance in China. The World War Despatches of John S. Service. N. Y., 1974.
- McLane Ch. Soviet Policy and the Chinese Communists. 1931—1949. N. Y., 1958.
- The Meaning of Yalta. Baton Rouge, 1958.
- Meldy J. The Mandate of Heaven. Record of Civil War: China 1945—1949. Toronto, 1968.
- Morse H., McNair H. Far Eastern International Relations. N. Y., 1967.
- North R. Moscow and Chinese Communists. Stanford, 1953.
- O'Connor Y. Cold War and Liberation. N. Y., 1961.
- Patton T. The Dragon by Tail. N. Y., 1972.
- Payne R. Eyewitness. N. Y., 1972.
- Pratt J. A History of U. S. Foreign Policy. N. Y., 1955.
- Price F. China — Twilight or Dawn. N. Y., 1948.
- Roberts R. Russia and America. N. Y., 1956.
- Rostow W. The Prospects of Communist China. N. Y.—L., 1954.
- Sparrow J. History of Personal Demobilization. Wash., 1951.
- Tang Tsou. America's Failure in China, 1941—1950. Chicago, 1963.
- Vinson Y. The Parchment peace the United States Senate and Washington Conference 1921—1922. Athens, 1955.

- Tuchman B. Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945. N. Y., 1972.
- Schurmann Fr., Schell V. Republican China. Nationalizm, War and the Rise of Communism, 1911—1949. N. Y., 1967.
- Wei H. China and Soviet Russia. N. Y.—L., 1956.
- Wu A. China and the Soviet Union. L., 1950.
- Tuchman B. If Mao had come to Washington.—«Foreign Affairs». № 1, oct. 1972.

Введение	3
<i>Глава первая. Ялтинская конференция союзных держав и ее решения по дальневосточным вопросам</i>	16
Обстановка на Тихоокеанском и Китайском фронтах второй мировой войны накануне конференции	16
Маневры американской дипломатии в Китае накануне Ялтинской конференции	28
Условия вступления СССР в войну против Японии. Попытки США помешать его освободительной миссии на Дальнем Востоке	35
<i>Глава вторая. Дипломатия СССР, США и Китая на завершающем этапе войны на Дальнем Востоке</i>	49
Отношения Китая с СССР и США на завершающем этапе войны на Дальнем Востоке	49
Борьба СССР против попыток американско-чанкайшистского блока ревизовать Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку	52
Подписание советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи и оценка его значения в Китае и мировым общественным мнением	83
<i>Глава третья. Маньчжурия до ее освобождения Советской Армией в 1945 г.</i>	90
Маньчжурия — узел международных противоречий	90
Маньчжурия — военно-промышленная база и плацдарм для агрессии против СССР и Китая	97
Маньчжурия — один из центров китайского рабочего движения и вооруженного сопротивления японским оккупантам	104
<i>Глава четвертая. Борьба Советского Союза против экспансионистских планов США в Маньчжурии</i>	107
Помощь СССР демократическим силам Маньчжурии	107
Планы экспансии США в Маньчжурии под флагом доктрины «открытых дверей»	110
Американские консульства в Маньчжурии и деятельность разведывательных центров США	119
Гоминьдано-американские планы «реокупации» Маньчжурии после отвода советских войск	124
Антисоветские акции гоминьдановских властей и роль в них США	128
<i>Глава пятая. Борьба Советского Союза за вывод американских и японских войск из Китая</i>	133
Борьба советской дипломатии против происков США в Китае	133
Вопрос об американских войсках в Китае в ООН и на других международных форумах	143

Позиция СССР в Совете министров иностранных дел союзных держав	147
Провал американских планов военной интервенции в Китае	152
Попытки американской дипломатии использовать националистические устремления некоторой части руководства КПК	160
<i>Глава шестая. Образование КНР. СССР — главная опора КНР в борьбе за упрочение победы народной революции</i>	<i>169</i>
Отношение правящих кругов США к образованию Китайской Народной Республики	169
Помощь Советского Союза Китайской Народной Республике в преодолении трудностей мирного строительства и в укреплении ее международного положения	175
Гоминьдано-американские происки в ООН	181
Выступления СССР в ООН против агрессии США в отношении Китая	184
Советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г. и оценка его общественностью и руководством КНР	188
Заключение	193
Примечания	195
Библиография	207

Андрей Мефодиевич Ледовский

СССР, США
И НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Е. Косолапов*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *Д. Станкович*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 13835

Сдано в набор 26.04.79. Подписано к печати 27.08.79. А-02878. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,34. Уч.-изд. л. 11,89. Тираж 10 000 экз. Зак. № 293. Цена 85 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография изд-ва «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28

Цена книги 75 коп.

Цена 75 коп.

Цена 75 коп.